Л.Н. Пушкарев

# ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

## ВОСПОМИНАНИЯ ФОЛЬКЛОРИСТА-ФРОНТОВИКА

Российская академия наук
Институт российской истории

**Л.Н. Пушкарев**
**ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ.**
**ВОСПОМИНАНИЯ ФОЛЬКЛОРИСТА-ФРОНТОВИКА**

Москва, ИРИ РАН, 1995

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор Н.И. Савушкина,
контр-адмирал Т.А. Гайдар,
генерал-майор А.В. Москалев

Памяти моих учителей-фольклористов
В.И. Чичерова, Э.В. Померанцевой, В.Ю. Крупянской, С.И. Минц

**Оглавление**



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — не исследование о фольклоре Великой Отечественной войны. Это — воспоминания фольклориста-фронтовика, ведшего записи устного народного творчества на фронте, наблюдавшего бытование фольклора в боевой обстановке. Трезво понимая всё несовершенство сделанных мною в сложных армейских условиях фронтового быта записей, я, тем не менее, предоставляю их на суд не столько фольклористов-профессионалов, сколько

любителей устного народного творчества и тех немногих еще оставшихся в живых ветеранов Великой Отечественной войны, которые, прочитав эту книгу, вспомнят, может быть, с легкой грустью о днях своей фронтовой юности, о том, как шагали они под жарким солнцем и под холодным дождем, шагали и пели "Моряка", "Катюшу", "Пулеметчика"...

"За годы войны советская фольклористика понесла исключительно тяжелые утраты" — писал известный ученый М.К. Азадовский в очень интересной статье о молодых фольклористах, записывавших произведения устного народного творчества на фронте[1]. Вот я и был одним из таких только начинавших свой путь фольклористов. Со студенческой скамьи, не кончив института, я добровольно пошел на фронт, на защиту Москвы, в Коммунистический батальон, где и наблюдал, и записывал в живом бытовании фронтовой фольклор. Это и дает мне право представить на суд читателей все сохранившиеся у меня записи. Конечно, я согласен с требованием фольклористики публиковать лишь высокохудожественные тексты, устоявшиеся уже и отшлифованные в устном бытовании. В моих же записях можно найти и поэтическую недоработку, и отдельные шероховатости стиля, и явные следы подражательности и т.д. Не все из записанных мною текстов вошли в сокровищницу устного народного творчества советского народа периода Великой Отечественной войны, но зато во многих из них мы встретимся с живой, [4:5] непосредственной силой народного чувства. Вера в правое дело, в неизбежную грядущую победу пронизывает их.

Мне пришлось наблюдать бытование фронтового фольклора в самой разнообразной обстановке (на формировании, в боевой учебе, при выполнении боевых заданий, в бою, на отдыхе, в запасе и т.д.) и в разных условиях дислокации (часть в изоляции от внешней среды, в соприкосновении с гражданским населением в Московской, Смоленской областях, в Белоруссии, часть за границей — в Польше, Восточной Пруссии, в самой Германии).

Конечно, все мои наблюдения имеют узколокальный характер, относятся только к данной части и ни в коей мере не претендуют на обобщающее значение. Но и в данной форме эти наблюдения и выводы могут дать грядущим исследователям материал для более глубоких обобщений. Значение этих первичных, сырых еще материалов наглядно выявляется в том, что за минувшие годы после окончания Великой Отечественной войны в нашей фольклористике не появилось работы, которая охарактеризовала бы бытование фронтового фольклора в одной части на протяжении даже краткого времени. Все опубликованные материалы фольклористов-фронтовиков носят, как правило, суммарный характер. Их наблюдения велись в разных частях и даже на разных фронтах в самое разное время. Главное внимание они уделяли основному требованию — сохранности и точности передачи текста. Требование это очень важно для фольклористики, но оно недостаточно: необходимо учитывать и отмечать и особенности бытования фольклора на фронте. Именно

[1] Азадовский М.К. Письма молодых фольклористов // Новая Сибирь. Альманах. Иркутск, 1945. Кн. 15. С. 73.

на эту сторону записи произведений фронтового фольклора я и обращал особое внимание по совету моего первого учителя в области фольклора В.И. Чичерова. Поэтому читателю данной книги по необходимости придется мириться с тем, что приводимые в ней тексты записаны без соблюдения фонетических особенностей языка, в некоторых случаях (они оговорены мною особо) отсутствует и точная паспортизация записи.

Изложенные в книге наблюдения представляют собою, конечно, лишь незначительную долю того, что можно было бы сказать о бытовании устного народного творчества на фронтах Великой Отечественной войны. Фольклор по-разному бытовал у пехотинцев и летчиков, артиллеристов и танкистов. Были и своеобразные территориальные особенности бытования устного народного творчества. Надо также учитывать, что в момент записи произведений устного народного творчества на фронте я был рядовым участником Великой Отечественной войны, закончил ее в звании старшего сержанта. Мои наблюдения и записи велись мною попутно, в процессе моей службы, как говорится у нас сейчас, "без отрыва от производства, на общественных началах". Служившие вместе со мной бойцы и [5:6] офицеры видели, что я веду какие-то записи песен и сказок, но думали, что это — обычная для фронта вещь, составление песенника "на память". Надеюсь на то, что и подобные частные, локальные наблюдения, сделанные неопытным в то время начинающим фольклористом, имеют определенный интерес: собранные в большом количестве, они послужат основой для воссоздания научной истории фольклора Великой Отечественной войны[2].

Мой интерес к русскому устному народному творчеству пробудился во время учебы на филологическом факультете Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. На втором курсе обучения в 1940 г. мы слушали лекции по фольклору молодого в те годы талантливого фольклориста Владимира Ивановича Чичерова. Увлеченно и образно читал он свой курс, и многие из моих товарищей (и особенно подруг) навсегда сохранили в своих сердцах восхищение перед этим блестящим лектором. Глубокий бархатный баритон, неподдельная любовь к читаемому предмету, внимательное и заботливое отношение к своим слушателям — всё привлекало к нему студентов. Его семинар был одним из самых больших по количеству участников (в те годы студенты сами выбирали себе темы семинарских занятий, и потому на одних семинарах было 10-15 человек, а на других — по нескольку десятков...). Интересные темы докладов, рассчитанные на самостоятельные поиски материала, оживленные споры и дискуссии — всё это не могло не обратить на себя внимания студентов.

Меня в то время больше всего интересовала методика сбора и записи фольклора. Помню, что на первом курсе я мечтал о том, как после окончания Института я буду работать преподавателем русского языка и литературы в школе (надо добавить, что моя мать была учителем начальных классов, и мне

---

[2] Первый шаг на пути осуществления этой большой задачи уже сделан. См.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964.

было с кого брать пример!) и как буду сам собирать и записывать песни и сказки, главным образом сказки — именно этот жанр нравился мне в ту пору больше всего. Да, не думал я тогда и не гадал, что вскоре мне предоставится возможность вести подобные записи совсем в других условиях...

Но параллельно с курсом фольклора я слушал и курс древней русской литературы, который вела у нас Вера Дмитриевна Кузьмина. Строгая и величественная, она словно сошла в нашу студенческую аудиторию со старинной иконы. Всегда скромно, но с большим вкусом одетая — лишь яркая русская шаль на плечах словно подчеркивала ее необычность и какую-то избранность среди других доцентов и профессоров. Рассказывая о памятниках древнерусской литературы, она находила какие-то особые слова и интонации, [6:7] которые погружали нас в давно исчезнувший мир и учили видеть в нем корни того, что окружало нас в действительности. И вскоре я беззаветно увлекся нашей древнерусской стариной, и сердце мое разрывалось между любовью к фольклору и увлечением древнерусской литературой.

Сразу выделив меня среди других студентов (В.Д. Кузьмина обнаружила, что я легко читаю по-церковнославянски — этому меня обучила еще в детстве моя бабушка), Вера Дмитриевна усиленно стала убеждать меня более глубоко и основательно заняться древнерусской литературой. Когда же я поведал ей, что очень интересуюсь фольклором, в частности, сказкой, она тут же обрадовала меня, что и в древнерусской литературе сказок более чем достаточно, и тут же дала мне и тему моей первой самостоятельной работы: "Сказка о Шемякиной суде в обработке немецкого поэта-романтика Адальберта фон Шамиссо[3]". Я занимался сразу в двух семинарах и чувствовал себя свободно и среди фольклористов, и среди "древников". Уже к третьему курсу я твердо был убежден, что стану научным работником, буду заниматься древнерусской литературой. Надо честно сказать, окружающие меня студенты не могли понять моего интереса к такой далекой старине, старались соблазнить изучением более новой литературы, но я твердо стоял на своем. Я даже ощущал себя своеобразным избранником, которому суждено сохранить память о древнерусской культуре и донести ее до наших дней...

Я сдавал экзамены за третий курс Института, когда началась война. 22 июня 1941 г. я и мои друзья с 9 часов утра, как обычно, уже сидели в общем зале Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, в старом здании, и готовились к очередному экзамену. У меня, как и у всех постоянных посетителей библиотеки, было излюбленное место у стены, возле одной из больших фарфоровых ваз, украшавших зал. Было тихо, слышался лишь равномерный шум переворачиваемых страниц да поскрипывание стульев. Но вдруг после 12 часов дня, когда зал обычно бывал уже полон, а у дверей стояла длинная очередь жаждущих войти в зал, он неожиданно начал пустеть... И мы услышали страшное слово: "Война!"...

---

[3] Я опубликовал свой первый доклад много лет спустя. См.: Пушкарев Л.И. Обработка А. Шамиссо древнерусской повести "Шемякин суд" // Международные связи России до XVII в. Сб. статей. М., 1961.

Растерянные, не знающие, что же делать, куда идти, мы вышли на Моховую. Улица была пустынна, яркое солнце не радовало, в груди затаился холодок тревоги. На все наши звонки райком ВЛКСМ и райвоенкомат, узнав, что звонят студенты, отвечали одно «Ждите!». Мы пошли в общежитие — оно размещалось у нас на Госпитальной улице, как раз напротив старинного здания с [7:8] колоннами, построенного еще при Петре I и имевшего надпись по фронтону: "Военная гошпиталь".

На следующий день мы уже с утра были в Институте — и здесь нам сказали, что главная наша задача — успешно сдать оставшиеся два экзамена. А когда мы их кое-как сдали, (было уже не до учебы...), то вскоре из студентов были образованы строительные отряды: 30 июня были сданы последние экзамены, а 1 июля мы, — коммунисты и комсомольцы, — уже ехали в товарном эшелоне на трудовой фронт. Нас направили на сооружение противотанкового рва в Смоленскую область. Мы наскоро собрались (не взяв с собой даже теплых вещей), но я, по совету В.И. Чичерова, взял с собой два блокнота и несколько карандашей — они очень пригодились мне впоследствии...

3 июля 1941 г. наш эшелон надолго застрял на станции Сухиничи. Она была забита воинскими составами, на Запад шло новое пополнение.

## 1. МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ФОЛЬКЛОРОМ

Вслед за нашим эшелоном, скрипя тормозами, остановилось на запасных путях еще два-три состава. Мы вылезли из вагонов, начали знакомиться — во вновь прибывших вагонах находились тоже молодые москвичи — студенты, рабочие, — и они тоже ехали на трудовой фронт, а куда и сами не знали. Куда-то на Запад. И вдруг на оставшийся свободным путь встал еще один товарный состав: закрытые двери, молчание, часовые с винтовками на площадках и тамбурах... Воинский!

Вагон, остановившийся как раз напротив нас, был тоже закрыт, и мы пошли уже было к паровозу, чтобы узнать, кто приехал и откуда, как вдруг двери распахнулись. На досках, положенных на нары, в два этажа, сидело и стояло около сорока молодых ребят нашего возраста, в солдатских ботинках и обмотках, в солдатских брюках — но без рубашек. Все острижены наголо (это особенно бросилось нам в глаза, ведь все мы были одеты вразнобой, в гражданское, с прическами...). Секунда-другая — молчаливое созерцание друг друга... И, как бы повинуясь взмаху невидимой дирижерской палочки, приехавшие уверенно, во весь голос, в сорок здоровенных молодых глоток, под аккомпанемент невидимых нам барабанщиков (они сидели в глубине вагона, за певцами) вдруг запели широко распространенную в армейской среде предвоенного времени песню о фантастических встречах некоего советского дипломата с [8:9] фашистскими и самурайскими послами и генералами. Песня пелась на популярный в то время мотив песни "Гоп со смыком":

Много есть куплетов
"Гоп со смыком", да, да.
Все они поются с громким криком: "Ха-ха!".
Расскажу я вам, ребята,
Свою бытность дипломатом —
Вот какие были там дела.

Раз пришел немецкий генерал
И скрипучим голосом сказал:
"Вы отдайте Украину,
Так угодно властелину,
Так нам фюрер передать велел!".

Прибыл из Италии посол
Глупый и упрямый, как осёл.
Говорил, что Муссолини
Вместе с Гитлером в Берлине
Разговор о русских землях вел.

Вот пришел японский самурай.
"Землю, — говорит, — свою отдай!
А не то святой микадо
Землю всю до Ленинграда,
Всю до Ленинграда заберет!".

И вот после такого зачина в песне далее сообщался ответ наше го советского дипломата на притязания фашистских и самурайских генералов, составленный отнюдь не в дипломатических выражениях, а в крепких, приправленных доброй порцией соленого народного юмора репликах... Мы слушали как завороженные — лишь всплески хохота сопровождали самые удачные и неожиданные реплики...

"По ваго-о-о-нам!" — раздалась протяжная команда. Лязгнули буфера, поплыли и закачались мимо красные товарные вагоны... "Откуда вы, ребята?" — крикнул кто-то. Стоявший с краю боец картинно поклонился и произнес: "Первый медицинский, прошу любить и жаловать!" А в это время кто-то торопливо передал нам переписанный от руки текст этой забубённой песни. И вскоре весь наш эшелон распевал эти задорные, полные оптимизма, веры в свои силы, в нашу победу, в свое превосходство над врагом строфы. Мы ехали на оборонное строительство — и вместе с нами ехала бодрая, живая, бесшабашная песня...

Это был еще не фронтовой фольклор. Но я начал свой рассказ о нем с этой песни еще и потому, что она, как и многие довоенные песни, прижилась на фронте, исполнялась вплоть до конца войны. Ее отличала среди других песен многовариантность, ее способность [9:10] быстро откликаться на ход боевых

действий. Всего мною в свое время было записано 18 вариантов этой песни. В одном из них, распевавшемся среди войск, оборонявших Москву и с боями пошедших вперед, на Запад, говорилось о том, как

Ночью, лишь едва забрезжил свет,
Гитлер собирает свой совет.
Говорит он Риббентропу:
"Объяви на всю Европу,
Что России больше уже нет!".

Но, хоть и дошли вы до Москвы, —
Не сносить вам, фрицам, головы.
Вы задумали столицу
Проглотить как чечевицу —
Но столицы мы не отдадим!

В варианте, записанном от воинов, сражавшихся под Ленинградом, говорится о том, как

Вот они дошли до Ленинграда
Окружили город весь блокадой.
На весь мир они орали:
"Ленинград фашисты взяли!" —
Это Гитлер сам составил ложь.

Гитлер раз по радио орал:
"Заберем на днях у вас Урал,
Уничтожим самолеты,
Разобьем стальные доты
И потопим весь советский флот!"

Гитлер косоглазый, братцы, врет:
До сих пор живет советский флот.
Быстро плавает по морю,
Скоро фрицам будет горе.
За Россию, родину мою!"

Есть варианты, рассказывающие о том, как советские войска шли освобождать Киев, как прогнали фашистов за Буг и за Вислу, как дрожали они под выстрелами реактивного миномета "Катюши"...

Что же фрицам делать — не поймешь.
Запоет "Катюша" — не уйдешь.
Толстых пяток вам не хватит,
Партизаны перехватят [10:11]

И по шее тоже надают!

Большая часть вариантов этой песни абсолютно нецензурна. Текст пересыпан самыми отборными забористыми выражениями, ругательствами и проклятиями в адрес Гитлера, Геббельса и особе: во Риббентропа, фамилия которого так звучно рифмуется во фронтовом фольклоре со словом "ж...а". В русской традиции известь: подобного рода "ответы" завоевателям, пытавшимся поработить нашу страну — вспомним, хотя бы, известное "Письмо запорожцев турецкому султану", составленное в самых откровенных выражениях и вдохновившее И.Е. Репина на его знаменитую картину. Вот в традициях этого ответа и составлена фронтовая песня, прожившая яркую военную жизнь, но почти исчезнувшая из живого бытования в послевоенные годы. Последние известные мне записи относятся к началу 50-х гг. Видимо, изменились те, условия, которые в свое время поддерживали популярность этой песни: советские воины одержали победу, враги повержены и разбиты — не к кому стало обращаться с едкими сатирическими строками

Вот они дошли до Сталинграда,
Встретили советскую преграду,
Наши "Кати" как запели,
Фрицам головы слетели —
До свиданья, фюрер, навсегда!

Наша стоянка на ст. Сухиничи была, видимо, заранее спланирована. Здесь мы выслушали речь И.В. Сталина и поняли, что строительство укрепрайона — лишь начало нашей военной дороги. Мы рвались в бой. Многие — и я в том числе — подали заявления с просьбой направить нас на фронт. Я особенно надеялся на это — у меня были права шофера-любителя. Но командование приняло решение послать нас на строительство противотанкового рва. Не буду писать о том, как мы — бывшие студенты — имея в руках лишь лопаты, ломы, грабарки и носилки — отрыли длинный противотанковый, ров шириной 7 метров и глубиной 3,5 метра. Нас бомбили, обстреливали с самолета, были жертвы, но я уцелел. Мы вновь просились на фронт, но после окончания работ под Смоленском нас направили для выполнения оборонных работ на Украину. К этому времени я уже получил специальность землекопа 5-го разряда и мог самостоятельно руководить постройкой дотов, танковых ловушек и противотанковых рвов.

В сентябре 1941 г. нас, — студентов старших курсов, — вызвали Москву для завершения образования. Нам читали ускоренные обзорные курсы, напоминавшие скорее сокращенные лекции, а не систематический учебный курс... Учеба в голову не шла. Все мысли были там — на фронте, и голос Левитана, сообщавший о том, что [11:12] сдан очередной город, как бы напоминал нам о том, где наше истинное место... Наступили тревожные дни октября 1941 г., когда враг стоял буквально у ворот Москвы. Началась срочная эвакуация из столицы многих предприятий и учреждений, в первую голову тех,

которые не были непосредственно связаны с обороной города от приближавшегося противника, Москва опустела. Во дворах многих домов дымились костры: работники уезжавших на Восток учреждений жгли оказавшиеся теперь обузой архивы. Остались бесхозными некоторые склады. На зданиях московских домов висели плакаты: "А ты записался добровольцем?", "Защитим родную Москву" — суровые лица воинов глядели на нас с плаката Б.А. Мухина. "Родина-мать зовет" — призывала нас суровая грузинка с текстом военной присяги в руках с плаката И.М. Тондзе.

Было принято решение эвакуировать и наш Институт вместе с преподавателями и студентами в г. Ойрот-Тура (ныне — Горно-Алтайск). Нам говорили, что наш долг — закончить Институт, сдать экзамен и получить диплом, что на наше образование страна затратила много средств и потому неразумно бросать на полпути начатое дело. Всё это было правильно. Но правильным было и то, что Сталин оставался в Москве. 13 октября состоялось собрание партийного актива, и в этот же день было принято решение о создании добровольных Коммунистических батальонов. До 80% их состава были коммунисты и комсомольцы, остальные — беспартийные, не подлежащие призыву. На следующий день, когда началась эвакуация нашего Института, коммунисты и комсомольцы добились того, чтобы хотя бы часть молодежи был зачислена в создаваемые в эти дни Коммунистические батальоны. Среди тех, кто отказался ехать в эвакуацию, кто добровольно пошел на защиту Москвы, были и мы — студенты-старшекурсники.

Из студентов филологического факультета нашего Института был образован взвод (42 чел., из них 5 девушек). 16 октября 1941 г. в здании школы на Большой Почтовой улице[4] начал формироваться 3-й Коммунистический батальон Бауманского района столицы. Позднее (14 ноября 1941 г.) мы вошли в состав 1-го стрелкового полка 3-й Московской Коммунистической стрелковой дивизии.

Мы размещались в районе Никольской больницы на Ленинградском шоссе. Чтобы прибыть туда, мы пошли в пешем строю через всю Москву — от Разгуляя, где размещался наш Институт, до конца Ленинградского шоссе, до моста через канал Москва-Волга. Здесь тогда кончалась Москва. Дальше шли поля подмосковного [12:13] колхоза, вдалеке виднелся шоссейный мост через канал и железнодорожный мост Октябрьской ж.д., который мы должны были охранять. Железнодорожный мост стоит и поныне, а шоссейный недавно был разобран, и вместо него был построен новый широкий мост, являющийся как бы продолжением обновленного Ленинградского шоссе. До сих пор стоит большой серый дом (ныне Ленинградское шоссе, д. № 8), в котором размещался штаб нашей дивизии. Уже после войны у въезда на мост через железнодорожные пути были поставлены фигуры юноши и девушки в военной форме в память о Воинах-добровольцах, вставших на защиту Москвы.

[4] Ныне средняя школа №3. 6 декабря 1966 г. на здании школы открыта мемориальная доска с изображением каски со звездой. См.: Чехова Г. Бойцы-добровольцы // Вечерняя Москва. 1986. 6 октября.

Там, где сейчас стоит популярный в столице универмаг "Ленинградский", где выстроились многоэтажные дома, в 1941 г. стояли крестьянские избы, лежали поля и огороды. Это и была наша боевая позиция. Впереди нас стояли части действующей армии в районе Левобережной и Химок. Позади нас была Москва. Конечной остановкой шестого троллейбуса был фронт. Окопы опоясали берега канала Москва-Волга. Я был зачислен сначала во взвод связи, а затем был назначен связным при командире батальона Германе Паппеле. Это был эстонец, умный, требовательный командир, суровый и строгий, прекрасный ходок. И хотя он был вдвое старше меня, первое время я очень уставал, сопровождая его в бесчисленных обходах наших боевых позиций, но потом втянулся, и любовь к ходьбе сохранилась у меня на всю жизнь.

В батальоне, где я служил, было много молодежи, студентов, и хотя время было трудное и сложное (14 октября враг ворвался в Калинин, начались бои под Волоколамском, Можайском, Нарофоминском, 17 октября секретарь ЦК и МК партии А.С. Щербаков выступал по московскому радио, а 19 октября в Москве и прилетающих к ней районах было введено военное положение), бойцы не падали духом. Шла напряженная боевая учеба. Укреплялись оборонительные рубежи. Многие бойцы сочиняли стихи, распевали песни — чаще всего на мотив уже известных советских песен[5]. Именно в это время я и начал систематически собирать фронтовой фольклор.

Первый месяц моей службы во взводе связи (дежурство у телефонов) оставлял мне много времени, которое я использовал для подготовки к экзаменам. Получив увольнение, я сдал досрочно экзамены за четвертый курс института и получил диплом об окончании ВУЗа — без сдачи госэкзаменов. Мне было присвоено звание учителя средней школы. [13:14]

Не буду писать о жизни фронтовой Москвы — об этом написано много. Хотелось бы только заметить, что наша часть была последним заслоном перед теми частями противника, которые ближе всего прорвались к Москве как раз на нашем направлении — 22 километр по Ленинградскому шоссе, деревня Черная Грязь. Сейчас на месте этого рубежа — символический знак в виде бетонных ежей, напоминающих те, что стояли в то время на танкоопасных направлениях. Весь район от штаба дивизии (близ метро "Войковской" в наши дни) и до канала Москва-Волга был объявлен прифронтовым: проверялись пропуска, ходили патрули — прямо у моста через железную дорогу.

Именно в это время мною были записаны из уст нашего старшины, кадрового сверхсрочника Соловейчика пословицы, которыми он щедро сдабривал свои поучения, обращенные к нам, новобранцам (нестроевым, необученным — как он любил нас называть!). "В затишье — учись, а в бой — фашиста бей!", "Армия держится дисциплиной", "Умей быть солдатом, чтобы стать генералом", — вот с чем обращался он к нам. Старшина Соловейчик был нашим первым командиром. Его, имевшего всего семь классов образования, не

---

[5] См. об этом в воспоминаниях начальника политотдела нашей дивизии батальонного комиссара К.А. Бирюкова "По зову партии, по велению сердца" // О друзьях-товарищах. М., 1975. С. 9.

смутило, что под начало к нему пришли студенты да доценты. Как-то на одном из собеседований один из студентов-историков ловко щегольнул своими познаниями и (к делу, разумеется!) привел на память известное латинское изречение: «Si vis pacem, para bellum" — "Хочешь мира — готовься к войне". Но Соловейчик не растерялся и тут же на него отреагировал: "Хочешь мира — лучше воюй!" И, надо сказать, именно это изречение вскоре стало одним из самых популярных в нашей части. Я слышал его и позднее в других подразделениях — видимо, оно получило широкое распространение.

Первые месяцы прошли в учебе, в строевой подготовке. Но учебные стрельбы вскоре стали боевыми. В середине ноября мы участвовали в разведке боем около Солнечногорска. Был в нашем батальоне и взвод с собаками, натренированными на уничтожение танков. К спине собаки прикрепляли противотанковую мину со штыревым взрывателем. При приближении танка собаку выпускали, она бросалась к нему, пробегала между гусеницами, штырь соприкасался с дном танка, и мина срабатывала. Но основным противотанковым оружием у нас были бутылки с горючей смесью. Московские пионеры организовали сбор старых бутылок и сдавали их в особые пункты, где их заполняли горючей смесью, тщательно закупоривали и отсылали в воинские части. На одной из таких бутылок была однажды обнаружена прикрепленной бумажка со строками, выведенными, видимо, прямо 6 цеху при упаковке:

Как танк ни дребезжит,
А от такой бутылки сгорит! [14:15]

К другой бутылке была приклеена бумажка с надписью от руки:

Кто с огнем ходит,
Того и смерть обходит.

Еще одна бутылка имела такую надпись:

Как Гитлер ни хвалится,
А под Москвой завалится!

На ящике с бутылками было написано сверху карандашом от руки:

Московская сила — фашисту могила!

На боковой стенке ящика была такая надпись:

За Москву-мать
Не страшно и умирать!

На бутылке из-под "Московской запеканки" (была до войны такая наливка!) была приклеена бумажка:

Для берлинского танка —
Московская запеканка!

Да, каких только бутылок здесь не было! Граненые штофы и полуштофы еще досоветской выделки, узорные из-под "Спотыкача" и "Рябиновой", из-под шампанского, зеленые литровые бутылки из-под минеральной воды — они особенно ценились бойцами за их необыкновенную "ухватистость". К нам часто приезжали наши шефы — работницы московских предприятий. Все они работали в эти дни на оборону. На митингах они призывали воинов отстоять Москву, ни шагу не отступать, стоять насмерть. На одном из митингов отвечавший шефам боец, в прошлом студент-филолог Семенчук П.Ф., привел такую пословицу: "Сколько фашист ни пыжится, а будет ему ижица!" Старшина Соловейчик тут же крепко усвоил эту пословицу и часто ее нам повторял. Я ее слышал позже на фронте из других уст. Уже в это время широко бытовали среди бойцов нашего батальона меткие народные поговорки, приуроченные к Гитлеру: "У Гитлера-бандита морда будет бита", "Не будет тебе, Гитлер, зер гут, а будет тебе капут!"

Во взводе связи я познакомился с красноармейцем Гудковым Иваном Васильевичем, 1915 г. рождения, москвичей, кадровым рабочим, большим любителем русского "городского романса". Я записал от него довольно много романсов и песен. Все тексты были канонические, вариантов он принципиально не допускал и страшно огорчался, когда сталкивался с пренебрежением к тексту песни. "Не осенний мелкий дождичек", "Накинув плащ, с гитарой под [15:16] полою", "Чудный месяц плывет над рекою", "Кари глазки, где вы скрылись", "Кирпичики", "Прощайте, ласковые взоры", "Маруся отравилась" и др. — всего более 50 песен и романсов. Пел он довольно часто "про себя", не особенно стараясь о привлечении слушателей, но довольно скоро об его — пусть негромкой и камерной — песенности стало широко известно в роте. Бойцы в свободное время собирались в землянке связистов и слушали его — даже не песни, а скорее речитативы. Пел он больше о разлуке — и это было тоже близко всем нам, только что покинувшим родные семьи. "Разлука ты, разлука, чужая сторона", "Сухой бы я корочкой питалась", "Уродилася я, как былинка в поле", "Скакал казак через долину", "Молода еще я девица была" — вот что чаще всего наговаривал "дядя Ваня", как звали его молодые бойцы, своим надтреснутым баском под гитару. Слушали его чаще всего бойцы среднего возраста, молодежь предпочитала песни более мажорного плана.

Приезжавшие к нам шефы — работницы московских фабрик и заводов — устраивали для нас концерты самодеятельности. Помимо песен из кинофильмов предвоенных лет (особенно любимыми были "В далекий край товарищ улетает" и "Крутится, вертится шар голубой") большой популярностью у бойцов пользовались всевозможные "страдания", причем эти частушки порою приурочивались исполнителями к Москве. Например, известные волжские страдания в их исполнении начинались так:

"Пересохни, Москва-речка,
Перестань болеть, сердечко".

Или исполнялась такая частушка:

Двести сорок песен знаю.
Все сейчас перепою.
В каждой песне я про Пресню
Про любимую спою.

Да, кажется, совсем недавно сдавали мы экзамены в Институте, кажется, чуть ли не вчера прозвучало по радио выступление В.М. Молотова о вероломном нападении фашистов на нашу страну — и вот мы уже в солдатских шинелях стоим на защите Москвы. Враг прорвался к столице — невероятно! В голове не укладывалась эта мысль. И мы, комсомольцы и коммунисты, добровольно пошедшие на фронт, свято верили в то, что скорее умрем, но не отступим с занятого нами рубежа. Настроение у всех было боевое, паники не было и следа — и не только у нас, но и у тех работниц, которые остались в Москве и работали на оборону. Осознание, что мы — их последние защитники поддерживало наш дух и вселяло надежду в победное завершение войны. Эта вера в свои силы пронизывала и [16:17] частушки, распевавшиеся в то время на темы жалоб фашистских солдат на холодную русскую зиму. Зима 1941-1942 гг. была, действительно, жестокой, но русский солдат ее выдерживал...

Понапрасну на морозы
Фрицы обижалися:
Не морозы, а колхозы
С фрицами сражалися —

вот какие частушки можно было услышать зимой 1941 г. под Москвой.

В частушках, звучавших в первые месяцы моей службы в армии, нередко рифмовались — более или менее удачно — те призывы, с которыми партия и правительство обращались к народу. Вот некоторые из этих рифмованных призывов, записанные под Москвой в ноябре-декабре 1941 г.:

Мы в любом бою смертельном
Вражью силу отразим.
Ни вершка земли советской
Никому не отдадим! —

зачитано комиссаром К.В. Антоновым во время политбеседы. И вообще следует отмстить проникновение в устное народное творчество того времени лозунгов и призывов, которые встречались в приказах Верховного Главнокомандования и в выступлениях И.В. Сталина. Чаще всего эти лаконичные призывы попадали в частушку. Так, зимой 1941 г. мною были

записаны такие частушки, включившие в себя заключительные призывы из выступления В.М. Молотова 22 июня 1941 г. и неоднократно повторявшиеся в докладах и приказах И.В. Сталина о том, что "наше дело правое":

Лезут к нам в страну бандиты
Бешеной оравою.
Будут все они разбиты —
Наше дело правое!

На советский наш народ
Прут враги оравою.
В бой, товарищи, вперед!
Наше дело правое!

Прочь, фашистская рука,
Грязная, кровавая!
Мы за Родину идем,
Наше дело правое!

Боевое наше знамя [17:18]
Пронесем со славою,
И победе быть за вами —
Наше дело правое!

Все эти частушки были исполнены на вечере 8 ноября 1941 г. шефами нашей части, двумя работницами (фамилии не успел записать). Характерна и такая частушка, широко бытовавшая в первые месяцы Великой Отечественной войны:

За страну свою родную
Грудью встанем как один:
Мы своей земли ни пяди
Никому не отдадим!

(записано от Тишкова Г.П., 1921 г. рождения, москвича). В услышанной мною в ноябре 1941 г. песне на мотив "Крутится, вертится шар голубой", столь популярной в первые месяцы войны, заключительные куплеты одного из вариантов, рассказывающего о встрече бойца со своей возлюбленной на фронте, звучали так:

Вот как бывает, товарищ, порой:
Шапка сменяет платок голубой,
Вместо гармошки винтовку берешь,
С девушкой вместе в атаку идешь.

Вот почему мы в жестоком бою
Бьемся бесстрашно за землю свою.
Счастье свое не уступим врагам,
Будет на улице праздник и нам!

(записано от Губина К.М., 192» г. рождения, уроженца Свердловской обл.). Одна из частушек, услышанных мною позднее, в конце 1943 г. в госпитале для легкораненых (ГЛР), не успел записать, от кого именно, также использовала популярную пословицу:

Не шипи, проклятый Гитлер,
И закрой, хапуга, рот,
Ты не суй свиное рыло
В наш советский огород!

В других частушках, записанных в декабре 1943 г. от Кричкова Л.М., 1921 г. рождения, уроженца Воронежской обл., пелось: (обыгрывая известную пословицу о пирогах и пышках, приведенную И.В. Сталиным в докладе от 6 ноября 1943 г.):

Гитлер, Геббельс, Риббентроп
Мечтали о пышках.
Удирают с Украины [18:19]
В синяках и шишках!

Гитлер шел получать
Пироги да пышки,
А досталися ему
Синяки да шишки!

Расскажу о тех частушках, которые появились в первые месяцы войны. Первые из них записаны мною еще на прощальном вечере в призывном пункте в школе, когда провожали на фронт воинов-добровольцев:

Дайте новую винтовочку,
Патронов сорок пять.
Я любимую отчизну
Поеду защищать!

Нет на свете больше чести,
Как в бою фашистов бить,
Воевать с народом вместе,
Милой Родине служить!

От девушек из нашего санитарного взвода я в ноябре 1941 г. записал

такие две частушки:

Буду, буду из-под дубу
Дубовую воду пить.
Буду, буду вместе с милым
Я врага на фронте бить!

Отчего же не приходится
С залеточкой гулять?
Двадцать третьего июня
Он уехал воевать.

После сообщения о первых сбитых над Москвой самолетах противника в нашей части стали распеваться такие частушки.

Не летай, стервятник злой,
Над любимою Москвой:
Наш советский самолет
Все равно тебя собьет!

Над Москвою небо чисто,
Далеко видать фашиста
Фашистского ворона
Бьет зенитка здорово! [19:20]

Уверенностью в своей победе, надеждой на то, что Москва никогда не будет отдана врагу, пронизаны частушки, исполнявшиеся в нашей части в декабре 1941 г.:

Пусть изроют землю танки —
Будут только впадины.
Но Москвы вам не видать,
Фашистские гадины!

Понапрасну, Гитлер, ходишь,
Понапрасну танки бьешь:
СССР не завоюешь
И в Москву не попадешь!

Эти частушки начали бытовать среди бойцов-добровольцев после того, как в нашем батальоне был создан взвод истребителей танков.

Напряженными были для нас первые месяцы службы в армии. Непривычные к строгой воинской дисциплине, мы с большим трудом, с физическим и душевным напряжением вживались в боевую жизнь. Долгие учения, караульная служба, холодная зима, тревога за положение на фронтах,

потеря многими бойцами (и мной в том числе!) связи со своими семьями — всё это вместе взятое обрушилось на нас. Но мы не дрогнули. Самоотверженно учились воинскому мастерству, бдительно несли караульную службу, тренировались долго и упорно, постигая азы сложного военного мастерства. Мы были молоды, крепки, уверены в своих силах и возможностях. И, несмотря на трудные условия жизни, находили время и на красноармейскую самодеятельность. Командование и политорганы части всемерно поддерживали в нас интерес к самодеятельному творчеству, которое, по моим наблюдениям, было мощным стимулирующим средством в развитии фронтового фольклора. Поэтому я и хочу остановиться на этом вопросе специально. Это тем более необходимо, что красноармейская самодеятельность тесно связана со спецификой воинской службы в различных частях и в разное время фронтовой жизни и быта.

## 2. КРАСНОАРМЕЙСКАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ И ФРОНТОВОЙ ФОЛЬКЛОР

Под красноармейской самодеятельностью я подразумеваю самостоятельное поэтическое и музыкальное творчество рядовых бойцов, [20:21] сержантов, командиров, не освобожденных для этого от прохождения своей службы. Деятельность же фронтовых ансамблей, как и других профессиональных и полупрофессиональных видов эстрады, участниками которой являются специально для этого подготовленные люди, их связь с фронтовым фольклором (а эта связь, несомненно, была и была довольно значительной!) в настоящей работе не рассматривается совсем. Конечно, отрицать влияние профессионального эстрадного творчества на фронтовой фольклор, на распространение фронтовых песен никак нельзя. Но я по роду своей службы в армии с подобными ансамблями не сталкивался, и потому не рискую делать какие бы то ни было выводы в этой области.

Другое дело — самодеятельность внутри части. Уже находясь во взводе связи, *я* был одним из ее организаторов. В Коммунистическом батальоне было много молодежи, любившей и попеть, и поплясать, и выступить с самодеятельной сцены перед своими же товарищами. Эта самодеятельность всегда питалась из трех источников: неиссякаемого родника устного народного творчества, творений профессиональных поэтов и композиторов и самодеятельного репертуара бойцов и командиров, их личного, порою весьма несовершенного в художественном отношении творчества.

Самодеятельность играла очень большую роль в деле популяризация песен, стихов, устных рассказов. Ведь прозвучавшие впервые е эстрады произведения быстрее усваивались слушателями: публичное их исполнение было как бы первой ступенью их популяризации. Дальнейшая же судьба различных песен подобного рода была самой разнообразной. Одни из них забывались сразу же после исполнения, другие пользовались известностью на

протяжении большего или меньшего времени, третьи же прочно входили в репертуар подразделения или певца, распевались, варьировались и порою трансформировались — иногда до неузнаваемости. Самодеятельность оказывала влияние и на манеру исполнения песни, сообщая ей определенную «эстрадность», не присущую традиционному народному творчеству. Это особо следует сказать применительно к профессиональной эстраде: после выступления перед бойцами певцов и куплетистов-профессионалов их манера исполнения быстро усваивалась представителями красноармейской самодеятельности. Может быть, и сами не желая этого, они исполняли свои песни в манере, услышанной и воспринятой от исполнителя-профессионала.

Подобную "эстрадность" исполнения можно легко продемонстрировать на примере одной песни, впервые исполненной на ротной [21:22] эстраде сержантом Ключаревым Иваном Семеновичем, 1914 г. рождения, уроженцем Саратовской области, Аткарского района, с. Кологривовка. И.С. Ключарев прошел кадровую службу еще до войны и был направлен по партийному призыву в нашу часть военкоматом. Наш Коммунистический батальон состоял из добровольцев, не только не нюхавших пороху, но и порою незнакомых с азами строевой службы. Времени на строевую учебу было мало: не до того, враг стоял у ворот Москвы. И в то же время было необходимо добиться и хорошего строевого шага, и четкого выполнения отдельных ружейных приемов. Это хорошо понимали наши командиры, строго следившие за строевой подготовкой, от которой недавние студенты всеми мерами старались отбояриться, наивно полагая, что на фронте строевая подготовка им будет не нужна. "Вот боевые стрельбы — это да, это необходимо, а "шагистика" — зачем она нам?" - вот что можно было иногда услышать в части.

Комиссар батальона решил обратиться к комсомольцам и призвал их стать застрельщиками строевой подготовки. Мы неохотно откликнулись.

В роте состоялся вечер самодеятельности, на котором в сатирической форме были показаны плохие "строевики". И вот И.С. Ключарев вместе с другим сержантом (его фамилию я забыл, а в то время не записал) исполнил на вечере песню, причем Ключарев пел, а его напарник с винтовкой в руках выполнял на сцене те ружейные приемы, о которых в песне говорилось. Комизм песни заключался в том, что ее содержание (рассказ о любовном свидании) находилось в резком противоречии с формой (в текст песни были включены уставные команды типа "Смирно!", "На месте!", "На руку!" и т.д.). Вот эта песня:

Он полюбил, и она полюбила
Вечером как-то в саду.
Она на плечо мне головку склонила
И прошептала: "Люблю..."

Ветки качались направо, налево.
Было так тихо кругам.
Юноша милый, нежная дева

Смирно сидели вдвоем.

Сердце никак не удержишь на месте
Дева склонилась ко мне.
Я к ней прильнул, к моей милой невесте, [22:23]
Смирно сидел в полусне...

Поймите, друзья, ту душевную муку,
Мне голову гладит ладонь,
Я долго и страстно гляжу ей на руку
А в наших сердцах был огонь!

Песня исполнялась нежно и напевно, как подражание лирическим эстрадным песням, но подчеркнутые в тексте слова, наоборот, выкрикивались во весь голос с присущим этим командам интонациями ("Напра-во!", "Нале-во!", "Кру-гом!"; "На-ру-ку!" и проч.) Голос у Ключарева был плохонький, а слуха вообще никакого не было, и тем не менее само исполнение этой песни, оригинальное сочетание любовного текста с уставными командами, наличие партнера, иллюстрировавшего на сцене ружейными приемами все команды (после заключительной команды "Огонь!" следовал выстрел холостым патроном, что производило чрезвычайное впечатление!) — всё это придало песне необыкновенную популярность. Она была поддержана и командованием части, увидевшим в этом представлении хороший способ привлечения внимания молодых неопытных бойцов к строевой службе, которые, как я уже упоминал, относились к ней с легким пренебрежением. На следующий же день эта песня была переписана многими бойцами и исполнялась в других ротах и батальонах *к* соло, и хором. В последнем случае солист-запевала исполнял основной текст, а хор выкрикивал слова команды, причем старались сделать это как можно громче и отчетливее. Во многих взводах бойцы, выкрикивая команды, стремились подражать своим командирам. Ведь давно известно, что одна и та же команда по-разному отдается различными командирами. И вот каждый взвод имитировал интонацию своего старшины, помкомвзвода и т.д.

Показательно то влияние, которое оказала эта песня на строевую подготовку: повысилась тщательность в выполнении приемов, нерадивым бойцам говорили их же товарищи: "Ты что? В песню захотел? Сержант Ключарев живо тебя на сцену вытащит!"

Вариантов этой песни у меня не сохранилось, и я не помню сейчас, были ли они вообще. Остается неизвестным также, откуда сержант Ключарев перенял эту песню. Дело в том, что в то время я был еще очень неопытным фольклористом, самого опыта собирательской работы у меня еще не было, и я не понимал, что это обязательно надо выяснять у исполнителя. В других воинских частях мне эта песня ни разу не встретилась. [23:24]

Вскоре после распространения этой песни через красноармейскую самодеятельность в ротный репертуар пришла еще одна песня лирическая, получившая название "Колькиной". История ее такова. После очередного

пополнения в нашу роту попал паренек 1920 г. рождения, уроженец Ивановской области с редко встречающейся фамилией Сгиталов. Он, как и все остальные, пришел к нам из запасного полка, но в отличие от своих товарищей, кроме обычного для бойца-пехотинца снаряжения, нес еще за спиной и гитару, привязанную телефонным шнуром к лямкам вещмешка. В пехотной части в те дни гитара была редкостью. Старшина было заворчал что-то вроде "Не положено!" (любимое выражение старшины Соловейчика!), но бойцы упросили — гитара осталась. Девушки из санчасти смастерили брезентовый чехол — и видавшая виды, потертая и пошарпанная гитара стала воевать вместе с нами. Она действительно воевала: она поднимала дух бойца, утешала в минуты тоскливого одиночества, помогала переносить тяготы нелегкой солдатской службы. Довольно быстро Коля Сгиталов превратился в "Колю с гитарой" — так его и звали по-дружески. Играл Николай мастерски, особенно любил старинные вальсы (а знал он их множество!), умело подбирал по слуху и был незаменимым аккомпаниатором на всех вечерах самодеятельности, Товарищи любили его. а гитару берегли всеми силами, хранили ее в каптерке в кладовой роты старшины, а во время боя — на командном пункте роты у дежурного телефониста: он за нее отвечал наравне со своим телефонным аппаратом. Струны запасные берегли как зеницу ока: в те дни достать их было практически невозможно. До струн ли было во фронтовой Москве!

Николай никогда не пел, но всегда с охотой подыгрывал своим товарищам. Однажды должен был состояться " гостевой "вечер красноармейской самодеятельности, приуроченный к 7 ноября. На вечер должны были приехать наши шефы — работницы Бауманского района г. Москвы, а также делегаты от других батальонов нашего полка. Рота тщательно готовилась к этому событию, как вдруг за день до концерта во время очередной бомбежки ранило нашего лучшего ротного певца Сашу Левина. Его отправили в госпиталь. Вечер под угрозой. И вот "Коля с гитарой", смущаясь, говорит, что он "споет что-нибудь". Пел он песню, слышанную им ранее в части, где он до этого служил, на тульском направлении, она дислоцировалась в то время в районе г. Елец — Ефремов, на юге Тульской [24:25] области. Аккомпанируя себе на гитаре, глуховатым голосом он спел не известную нам до сих пор лирическую песню:

Милая, не плачь, не надо,
Грустных писем мне не шли.
Знаю я, что ты не рада
Без любимого вдали.

Верь, что время быстро пролетит,
Разгромим врагов своей страны,
До ворот Берлина полк дойдет,
Ну, а там — конец войны...

Загорелый, утомленный,

С автоматом на плечах,
В гимнастерке запыленной
И в походных сапогах

Милый твой по улице пройдет.
Там, где не был он уже давно,
В сумерках твой старый дом найдет.
Постучит в твое окно...

Если ж, землю обнимал.
Ляжет с пулей он в груди, —
Ты о нем поплачь, родная,
Но его домой не жди.

Пусть другой вернется из огня,
Снимет с плеч походные ремни...
Ты его, родная, как меня,
Крепко, нежно обними...

Милая, не плачь, не надо,
Грустных писем мне не шли.
Знаю я, что ты не рада
Без любимого вдали...

Трудно передать то впечатление, которое эта песня произвела на бойцов. Плакали работницы — наши шефы. Три раза на "бис" исполнял Николай песню — и поверите? — многие на слух запомнили ее в тот же вечер. Песня привлекла к себе бойцов и легкой грустью, берущей за сердце, и твердой верой в победу, в то, что "до ворот Берлина полк дойдет", и светлым чувством любви, самоотверженной и беззаветной, и трезвостью оценки своей солдатской судьбы, возможной смерти... Особенно потрясло слушателей то, что [25:26] боец убеждал свою возлюбленную в случае его смерти составить счастье другому, его товарищу по фронту...

Уже на другой день песню распевали в других ленуголках и на перекурах. Николай подпевал вместе со всеми, а чаще просто аккомпанировал на гитаре. Песню, как я уже сказал, стали называть "Колькиной".

После одного из боев Сгиталов не вернулся в часть: он оказался отрезанным от наших войск и вместе с четырьмя бойцами двое суток находился в окружении. Выкопав себе два окопа под днищем подорванного ими же танка, без сна и без пищи они отбили шесть атак противника. Двое остались в живых и дождались подхода наших частей. Одним из них и был Сгиталов. В его волосах у правого виска появилась седая прядь. После этого боя третью строфу Сгиталов пел так:

Загорелый, утомленный,

С сединою в волосах,
В гимнастерке запыленной
И в походных сапогах... и т.д.

Именно в этом варианте песня и стала одной из любимых песен роты. После очередного боя Сгиталов был ранен в левую руку и отправлен в госпиталь. Вместе с ним уехала и его гитара, но "Колькина песня" осталась в части и после его отъезда. Дальнейшая ее судьба мне неизвестна, так как я и сам вскоре был ранен и выбыл из части.

Из фронтовых песен, тесно связанных с красноармейской самодеятельностью, мне бы хотелось отметить две, созданные по мотивам песенок из кинофильмов. Вообще, следует сказать, что музыка из довоенных кинофильмов часто звучала на фронте — и как воспоминание об утраченном во время войны, и как напоминание о том, что нам предстоит вернуть и завоевать, заплатив за это порою очень дорогой ценой.

Видное место среди фронтовых переделок песенок из кинофильмов занимает сатирическое переосмысление знакомых тем и мотивов. Такова впервые исполненная в части на вечере самодеятельности переделка песни "Крутится, вертится шар голубой" из популярной кинотрилогии о Максиме:

Крутится, вертится шар голубой, [26:27]
Крутится, вертится над головой,
Ищут напрасно фашисты ночлег,
Падает, падает хлопьями снег.

Много от Гитлера слышали врак,
Только он с ними попался впросак.
Ходит, гадюка, сердитый и злой:
Дело затяжное вышло с войной!

Крутятся, вертятся ночью и днем,
Русские их поливают огнем,
И на путях подмосковных полей
Кости фашистские снега белей.

Горе фашистам приносит зима,
Каждая ночка тревогой полна,
Как свое войско обуть и одеть.
Как свое войско в сугробах согреть.

Думай не думай — картина одна:
Гибель несет для фашистов зима.
Наши удары и снежный сугроб
Вгонят фашистов по скорости в гроб.

Где ж эта улица, где ж этот дом —
Воют снаряды в дыму голубом.
И косоглазого подлая власть
Крутится, вертится, хочет упасть.

Созданная в суровую военную зиму 1941-1942 гг., эта песня стала звучать особенно актуально в те дни, когда наша часть начала свое наступление от подмосковных поселков на Запад и столкнулась с эрзацваленками фашистских солдат, и с хлюпающими носами обмерзших вояк, жалующихся на "генерала Зиму"... Позднее мне эта песня в живом бытовании не встретилась, хотя бойцы, пришедшие к нам в пополнение в 1944 г., и говорили мне, что слышали эту песню в боях под Сталинградом, что в ней речь шла уже о приволжских степях и о второй холодной зиме 1942-1943 гг.. но текста этого варианта они мне сообщить не могли.

Вторая песня, прозвучавшая с эстрады, это переделка куплетов водовоза из кинофильма "Волга-Волга":

Прост и ясен мой вопрос:
Был я раньше водовоз. [27:28]
А как грозный час настал —
Я бойцом отличным стал.

Бочку выбросил долой,
Добровольно встал я в строй.
По своей по могуте
Бью врагов из СэВэТэ.

Крепко мы воюем тут,
Будет Гитлеру капут —
И фашистам из беды
И не туды, и не сюды!

Геббельс часто в сводках врет.
Много в них воды он льет.
Эти сводки без воды
И не туды, и не сюды!

Удивительный вопрос:
Отморозил немец нос.
А без носа-то куды?
И ни туды, и ни сюды!

Скоро им придет капут —
С голодухи фрицы мрут,
Потому что без еды

И ни туды, и ни сюды!

Фрицев крепко вши грызут
Галсы бани не найдут,
А без бани и воды
И ни туды, и ни сюды!

Враг от пули не уйдет,
Фрица штык везде найдет,
Не уйдет он никуды —
И не туды, и не сюды!

Песенка понравилась бойцам-добровольцам и веселым неунывающим настроением, и упоминанием о том, что герой песни тоже пошел добровольцем, и уверенностью в победе над врагом. Песня бытовала во все месяцы зимы 1941-1942 гг. Последнее ее исполнение я отметил в феврале 1942 г., а вот о дальнейшей ее судьбе я, как и о предыдущей песне, сказать ничего не могу. Дело в том, что в декабре 1941 г. началось наше контрнаступление под Москвой. [28:29]

Вместе со всеми в бой вскоре пошла и наша дивизия, которая в конце января 1942 г. влилась в состав кадровых подразделений и получила наименование 130 стрелковой дивизии[6]. В начале нашего наступления мы участия не принимали, но нельзя сказать, что мы были совсем не обстреляны. Нам пришлось пережить многочисленные бомбежки, однако в настоящем встречном бою с противником, в непосредственном соприкосновении с ним мы еще не были.

Уже в это время нашей части присвоили номер полевой почты, я мы начали получать, первые письма. Удивительно, как много слали нам девушки из тыла частушек! Самые лучшие из них были исполнены на вечерах самодеятельности 7 и 8 ноября 1941 г. и получили широкое распространение в части. Вот они:

Мой миленочек в пехоте,
Я не знаю, в какой роте,
Только знаю: милый мой
В роте самой боевой.

У меня милого нет,
Не надо никакого:
Скоро кончится война,
Дождуся дорогого.

---

[6] См. об этом: Альтер Л. Рабочие батальоны советской столицы // Исторический журнал. 1942. № 6. С. 25-35; Кирсанов Н.А. По зову Родины: Добровольческие формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны. М., 1974. С. 30.

Ой, парнишка молодой,
Не ухаживай за мной:
Милый фрица-гада бьет.
Милый часто письма шлет.

В это время среди гражданского населения Подмосковья, с которым мы общались, широко бытовали частушки с запевом "Милый в армию уехал ":

Милый в армию уехал,
Я сказала: "Точка!
Я ни с кем гулять не буду
Четыре годочка!" [29:30]

Милый в армию уехал
Взял рубаху белую.
Хоть и раненый придет,
Измены не сделаю!

Милый в армию уехал,
Строго мне наказывал:
"До приезда моего
Не влюбляйся ни в кого!".

В одном из писем к ст. сержанту Семенчуку Л.П. пришли такие частушки:

Я спала, во сне видала
Тебя, милый, дорогой.
Ты в военной гимнастерке
Стоял передо мной!

Написала бы письмо —
Не знаю адреса его,
Не знаю роту, батальон,
Не знаю, где теперя он.

Милый мой, осталась я
От стада лебединого:
Проводила в армию
Залеточку любимого!

Для частушек первых месяцев войны были очень характерны мотивы разлуки, отсутствия адреса возлюбленного, невозможности рассказать ему о своих чувствах и т.д. Со временем, когда обстановка стабилизировалась, эти

мотивы исчезли из частушек, заменились другими, о чем я скажу ниже.

Однажды в нашу часть, уже в декабре 1941 г., перед нашим наступлением, приехали вновь наши шефы и привезли с собой очередную партию бутылок с горючей смесью (для борьбы с танками) и подарки от Москвичек. В батальоне был устроен незапланированный ранее вечер отдыха. Все свободные от службы бойцы собрались в клубе, и после небольшой торжественной части начался импровизированный вечер самодеятельности. Одна из работниц, Гришина Мария, 19 лет, москвичка, спела такую песню:

Наша фабрика в бой провожала
Боевой комсомольский отряд. [30:31]
Я в слезах задыхаясь, бежала
Посмотреть напоследок тебя.

Я хотела сказать тебе много,
Не сумела сказать ничего...
Ты шепнул мне и нежно, и строго:
"Без меня не люби никого!"

Как сейчас, я глаза твои вижу,
Голубые, родные мои.
Как сейчас, я слова твои слышу:
"Без меня никого не люби!"

Быстро мчится военное время:
Раньше — осень, а нынче — зима,
Я работаю вместе со всеми
И живу от письма до письма.

За меня на войне будь спокоен,
Я верна лишь тебе одному.
Ты вернешься с победой, мой воин,
А я крепко тебя обниму!

Песня получила необыкновенно широкий резонанс. Ведь в ней говорилось о проводах бойцов-добровольцев, о верности оставшейся подруги, об уверенности в победе, встрече после войны... Песню переписывали бойцы, распевали и хором и соло, вместе с нею готовились идти в бой — и все знали, что он не за горами, а что первая встреча с врагом произойдет уже скоро: стоящие впереди нас части уже вступили в бой с противником.

В связи с началом наступательных операций под Москвой времени на организацию красноармейской самодеятельности уже не оставалось, мы со дня на день ожидали приказа выйти на передовые позиции. Мои наблюдения над влиянием красноармейской самодеятельности на фронтовой фольклор были продолжены позже, уже в другой воинской части, с иным контингентом бойцов

и в иных условиях. Об этом я расскажу ниже. А пока мне остается добавить, что когда противник был отброшен от ближних подступов к Москве, настал черед вступить в бой и нашей дивизии. Она была к 16 февраля 1942 г. доставлена к линии фронта, в г. Осташков, на воинских эшелонах, в теплушках. Ехали мы к фронту медленно — до Осташкова рукой подать, а эшелон наш тянулся туда почти трое суток. И всю дорогу бойцы пели! Были перепеты все довоенные песни [31:32] и русские народные — особенно часто распевали почему-то "Варяга" и "Кочегара"' ("Раскинулось море широко"). Пели и песни гражданской войны, такие, как "Красноармеец был герой" или: "Я пулеметчиком родился". В одном из взводов оказалось много украинцев — там пели народные украинские песни — "Віють вітри", "Дивлюсь я на небо", "Заповіт" Т. Шевченко, "Розпрягайте, хлопці, коні» и др.

На остановках — а останавливались мы часто и в самых непредвиденных местах! — мы общались с населением только что освобожденных сел и деревень. Под Можайском девушки встретили нас частушками:

Наступали на Москву
Фрицы-неприятели,
Наши воины родные
Их назад попятили!

Здесь же я впервые услышал частушку, неоднократно встречавшуюся мне и позже, весьма популярную между войск, защищавших Москву:

Как на улице туман,
Полное затмение.
Глянул Гитлер на Москву
И лишился зрения!

Эта частушка всегда вспоминалась бойцами, когда наступал туман.

Еще одну частушку спела незнакомая нам девушка под перестук каблучков:

Эх, яблочко; цветом ровное,
Тяжела у них судьба подмосковная!
Эх, яблочко, да куда котишься?
Ты на родину, фашист, не воротишься!

Записал я и такую частушку от девушки, плясавшей около нашего вагона на одной из остановок:

Черна туча, черна туча,
Черна туча тучится.
От фашистских изуверов [32:33]
Вся Россия мучится!

Словно отвечая первой девушке, вторая пропела частушку с тем же запевом:

Черна туча, черна туча,
Туча с Запада идет.
Наша армия могуча
Черну тучу разобьет!

Еще на одной из остановок мы слышали, как девушки, работавшие на разборке завалов, оставшихся после бомбежки, пели:

Мой миленок не в тылу,
Он в бою, в самом пылу.
Служит милый мой в пехоте,
Да не знаю, в какой роте.

Все эти частушки, услышанные мною прямо из вагона, остались - не паспортизованными, но я их все же привожу здесь. Они необыкновенно характерны для начала 1942 г. — и сравнение вражеского нашествия с черной тучей, и поэтический отклик на недавнее поражение фашистов под Москвой, и гордое утверждение оставшихся в тылу девушек, что их возлюбленные находятся в самом опасном месте на фронте — все это находило самый живой отклик в сердцах моих товарищей, которые охотно переписывали эти частушки и исполняли их позднее на встречах с гражданским населением.

Выгрузившись н. разоренном войною Осташкове, мы пошли пешим ходом и через три дня вышли на исходные позиции. Мы проводили через сожженные села и деревни, разрушенные города, шли мимо разбитых немецких орудий, сожженных танков, мимо трупов Захватчиков в мышино-серых шинелях. Стояли жестокие морозы зимы 1941-1942 гг. Какие глубокие снега были в ту пору! Но нас эта сугробы не пугали, одеты мы были хорошо, добротно, хотя, конечно, и в атом обмундировании выдерживать лютые морозы было нелегко. В части бытовала поговорка старшины Соловейчика: "Русский сугроб — фашисту гроб!". Я так и не мог дознаться у нега» откуда он ее узнал. На все мои вопросы он, ухмыляясь, говорил ОДНО": "Вот послужишь с мое, тогда узнаешь!" Была у него и такая поговорка: "Русская зима фашистов сводит с ума!"

Жители окрестных деревень помогали расчищать дороги, по которым шла боевая техника, а люди устало шагали рядом по узкой [33:34] тропинке, протоптанной в леденистом и глубоком снегу. Противник бомбил и обстреливал нас из самолетов, особенно фронтовые дороги, поэтому приходилось искать пути через леса, чтобы сохранить свою боевую силу.

На этом и кончился мой первый этап собирательской работы. Вскоре я

принял участие в первом бою нашей дивизии[7], был ранен, оказался в госпитале, и хотя я пробыл в нем недолго (я был ранен сравнительно легко), тем не менее он запомнился мне как один из самых благодарных для записи очагов бытования устного народного творчества.

## 3. ГОСПИТАЛЬ КАК ОЧАГ БЫТОВАНИЯ ФРОНТОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Фольклористы-профессионалы давно уже оценили это: в госпиталях вели записи фронтового фольклора В.Ю. Крупянская, СИ. Минц, Э.В. Померанцева (Гофман), Н.П. Колпакова и многие другие собиратели устного народного творчества. Объясняется это прежде всего тем, что выздоравливающие после операций или лечения бойцы имеют достаточно свободного времени. Напряжение, которое сковывает бойца перед или во время боя и сразу после него, пропадает. Раненые как бы теплеют душой, "оттаивают" — и вот начинаются бесконечные фронтовые сказы и рассказы о невероятных событиях, случившихся с самим бойцом или — чаще всего! — с другими и ставшими по тем или иным причинам предметом рассказа либо обсуждения на фронте. [34:35]

В госпитале редко пели вслух во весь голос: не позволяла обстановка[8] (я не имею в виду концерты, которые регулярно устраивали для раненых[9]), но зато необыкновенно широко бытовали всевозможные фронтовые сказы и былички. По неопытности я их все опустил, не записывал, т.к. не считал это "настоящим" фольклором. Записывал я только сказки, пословицы, песни да частушки.

Из пословиц больше всего бытовало тех, что были посвящены недавно завершившейся битве за Москву и провалу фашистского блицкрига. Естественно, первым и самым частым объектом сатирического осмеяния был Гитлер. Вот наиболее часто встречавшиеся мне в это время пословицы: "С миру по нитке — Гитлеру веревка!" (Анохин В.П., артиллерист, Западный фронт) — сказал, когда политрук читал вслух, газету о помощи со стороны союзников. "Сколько Гитлер ни воюет, а гибели не минует" (Семенчуков А.Б., 1918 г. рождения, уроженец г. Воронежа, минометчик) — сказал во время читки газеты

[7] См. об этом: Пушкарев Л.Н. Мой первый бой в рядах 3-ей Московской Коммунистической дивизии // В годы войны: Статьи и очерки. М.. 1985. С. 42-51.

[8] Были, конечно, и исключения. Об одном из них хорошо рассказано в воспоминаниях В.В. Вязовского: "Швачко тихо попросил у хирургов: "Разрешите спеть перед операцией. Душу облегчить. Пусть принесут гитару..." Просьба была необычной, но ему в порядке редчайшего исключения разрешили. Анна Кирилловна принесла гитару, и он почта шепотом спел несколько куплетов песни о Родине: "Широка страна моя родная..." Швачко умер на операционном столе". Вязовский В.В. Дни фронтового госпиталя. Волгоград, 1978. С. 27. Но я лично с такими случаями в своей фронтовой биографии не сталкивался.

[9] Врачи высоко ценили выздоравливающий эффект подобного рода концертов. Вот одно из свидетельств: "Задушевная песня, вихревой танец или веселая музыка подействуют не менее животворно, чем сильное лекарство..." Там же, с. 46.

с сообщением о начавшемся весеннем наступлении фашистских армий весной 1942 г. "И русский говорит "гут", когда фашисты бегут" (Липкин СТ., 1920 г. рождения, уроженец Тамбовской обл., связист) — сказал после рассказа товарища по палате о поспешном отступлении фашистов из-под Ельни. В это время другой выздоравливающий (Семенов С.С., 1921 г. рождения, уроженец Липецкой обл., пехотинец) откликнулся так: "А у нас так говорят: "И русский говорит "гут", когда фашистов бьют". Его же сосед с Ленинградского фронта (фамилию не записал) добавил: "А у нас под Ленинградом это присловье так говорили: "И русский говорит "гут", если фашисту капут". Все сошлись на том, что последний вариант "самый правильный". Уже позднее, [35:36] в Белоруссии, я слышал еще одну поговорку на Контрольно-пропускном пункте (КПП) на Минском шоссе от проезжавшего шофера: "Прусский — гут, а русский гутее!" Вообще надо сказать, что русский фронтовой фольклор охотно использовал немецкие слова и выражения, органически вплетая их в традиционные жанры. Так, в Белоруссии же мне встретилась такая частушка, записанная от девочки Шуры Бульбы, 14 лет:

Балалайка, балалайка,
Кайне куры, кайне яйка,
Кайне буттер, кайне шпек —
Все забрали, аллес вег!

По ее словам, эту частушку распевали во время фашистской оккупации, причем полицаи штрафовали тех, от кого они ее слышали. Еще несколько частушек с немецкими терминами было записано мною под Могилевом летом 1944 г. во время нашего наступления в Белоруссии:

Бьют солдаты подлых фрицев
Окружают там и тут.
Как в народе говорится —
Скоро Гитлеру капут!

Лето жаркое придется
Для бандитов и ворюг.
Ничего не остается,
Как уматывать "цюрюк!"

Из песен, использовавших немецкие термины, расскажу о пародии на "Синий платочек", записанную от Шувалова А.П., 1919 г. рождения, уроженца Мурманской обл.:

Синенький скромный платочек
Ганс шлет домой в Эйзенах
И добавляет несколько строчек —
Дескать, дела наши "швах".

Припев:
Бежим, бежим
По дорогам чужим.
Кружится летчик. [36:37]
Бьет пулеметчик,
Вряд ли вернусь я живым!

Помнишь ты нашу отправку,
Гитлера речь самого,
Дескать, в любую вломишься лавку
И наберете всего!

Припев.

Дни роковые настали,
Лупят нас там, лупят туг...
Геббельс болтает, черт его знает, -
Скоро нам будет "капут".
(Припев)

Госпиталь интересен для фольклориста тем, что здесь встречаются военнослужащие разных фронтов и родов войск. Это — место интенсивного обмена репертуаром, обновления его и шлифовки текста, пополнения его за счет новых авторских песен, место активной фиксации (самозаписи) — именно здесь создавались всевозможные песенники и фронтовые альбомы. Так, именно в госпитале я списал из тетради с песнями Говоркова Л.Б., сапера, частушку, которую ему прислала девушка с Урала:

Ты, фашистская Германия,
Фашистская война,
Ты оставила, Германия
Без милого меня...

Бытовали в госпиталях и специальные "госпитальные" варианты частушек и песен. Частушки, как правило, были любовные, окрашенные своеобразной палатной обстановкой. Сам факт появления подобного рода частушек был первым признаком выздоровления бойца. Их исполнение всемерно поощрялось и врачами, и медсестрами, которые часто распевали подобные частушки на пару с ранеными бойцами. Но мне удалось сделать лишь одну запись подобного парного" концерта, т.к. на другой день боец Хромушин был выписан из госпиталя в запасной полк. Вот что я записал.

Боец:
Позови, врача, сестрица,

Вышло осложнение:
Без рецепта санитарке [37:38]
Сделал предложение!

Сестра:
Не садись на куст, ворона,
Про беду не каркай.
Ранят милого на фронте —
Стану санитаркой!

Боец:
Не забудь меня, сестра,
Снайпера веселого.
Скоро кончится война,
До свиданья скорого!

Сестра:
Где ты, русая кося,
Лента на два банта?
Я без боя в плен взяла
Снайпера - сержанта!

Боец:
Я из трубки не курю,
Откажусь от водки.
Позабыл, какие губки
У моей залетки!

Сестра:
Мать моя ругается,
Братишка заступается,
Говорит: "Сестренка друга
С фронта дожидается!"..

Боец:
Моя милка — санитарка,
Красный орден на груди.
К такой девушке прекрасной
Мне приятно подойти!

Сестра:
Кабы, кабы не зима,
Тогда бы не буранило б.
Кабы, кабы не война —
Милого не ранило б! [38:39]

Очень популярны были среди раненых те частушки, в которых говорилось об ожидании девушками в тылу встречи с возвратившимися с войны бойцами. Вот какие частушки прислала минометчику Ивашкину Г.Л. его возлюбленная в одном из писем:

Посмотрела бы теперь
На своего миленочка,
Какова на нем шинель,
Да в руках винтовочка.

Девушки, военно время,
Нам не надо унывать.
Наши милые на фронте,
Их не надо забывать!

Где же, где же мой залетка,
Загорелое лицо?
Опершися на винтовочку,
Читает письмецо.

А вот эту частушку многократно переписывали в свои песенники раненые бойцы — я насчитал пять таких записей, но их, конечно, было больше:

Помилашу ранили,
Отняли руку левую.
Хоть и раненый придет —
Измены не сделаю!

Среди частушек, исполнявшихся санитарками и сестрами, наибольшей популярностью пользовались те, в которых воспевалась верность девушки раненому возлюбленному:

Я глубокую канаву
Перееду на коню.
Милый раненый приедет —
Все равно не изменю!

Свой голубенький платочек
Не буду повязывать
Пошлю милому на фронт
Раны перевязывать!

В другом варианте частушки первая строчка пелась так: "Свою белую косынку..." Голубой и белый цвет чаще всего встречался в [39:40] частушках

подобного рода. Мотивы верности варьировались по-разному:

Мне не надо никакого,
Не надо переменного.
Если жив, то я дождуся
Своего военного!

А мой миленький в боях
С фрицами сражается.
Мне, девченочке, теперь
Гулять не разрешается!

Необыкновенно распространены были среди раненых частушки на тему фронтовой переписки. Это и понятно: письма были единственной формой общения между разлученными. В лазаретах бойцы писали очень много писем с описанием своих боевых подвигов, с рассказом о настоящей жизни, а еще нетерпеливее они ожидали писем из дома. Во многих из них они получали частушки, которые тут же переписывались и таким образом получали самое широкое хождение:

Прислал милый письмецо,
Почта полевая:
"Жив, здоров, громлю фашистов,
Моя дорогая!"

(из письма Любы Петровой, Воронежской обл.). Одно из писем, полученных раненым Семеновым В.П., артиллеристом, заканчивалось такой частушкой:

Где мой миленький, хорошенький,
Красивый на лицо?
Знаю, он теперь в земляночке
Читает письмецо!

Семенов, отвечая на письмо, начал его такими переиначенными строчками:

Нахожусь я в лазарете.
Перевязано лицо.
На больничной я на коечке
Читаю письмецо. [40:41]

Были и другие частушки на темы фронтовой переписки, вот не которые из них:

Вести с фронта принесла мне
Пташка быстрокрылая.
Пишет милый мой в письме:
"Здравствуй, моя милая!"

У меня-то горя — горы,
Слезы — быстрая река.
Виноват во всем том Гитлер —
Косорылый сатана!

Не бракуйте, девки, раненых,
Нельзя их браковать:
Ведь они за нашу Родину
Ходили воевать!

Все эти частушки взяты из писем, полученных сапожником части бойцом Селезневым К.П., 1921 г. рождения, уроженцем г. Тулы.

Мне часто встречались в госпиталях и песни-письма от имени умирающих солдат на родину. Такие песни любовно переписывались бойцами, что и объясняет их включение в различные фронтовые песенники, хотя, надо признаться, устно исполнялись они вовсе не так часто, как это можно было бы предположить по числу их записей. Видимо, письменная форма бытования фронтового фольклора здесь превалировала. В качестве примера приведу одну песню, которая в песенниках встретилась мне 8 раз, а в устном исполнении - ни разу (запись бойца 62 отдельного батальона связи Горюхина И.С.).

Ночь прошла в полевом лазарете,
Тускло лампы по стенам горят,
А на койке под серой шинелью
Умирает от раны солдат.

Не страшится своей он кончины,
И не хочет родных огорчать,
Он диктует сестре милосердной
Что ей надо в письме написать.

Моей милой жене напишите,
Что твой образ в душе берегу.
Меня ранили в правую руку, [41:42]
Потому я писать не могу.

Милых деток я крепко целую,
Был бы рад я их к сердцу прижать,
А еще горячо обнимаю
Я родную и милую мать.

А отцу от меня отпишите,
Что их сын отличился в бою.
Я сражался, как надо солдату
За родную отчизну свою.

Я сражался, как надо солдату,
Мне шрапнель раздробила плечо,
А теперь умираю от раны
И целую я вас горячо...

В госпитале я впервые столкнулся с бытованием пословиц, поговорок и частушек, связанных с определенными видами оружия. До этого мне не приходилось их записывать, видимо, потому, что наша часть была вновь сформированной, не имевшей еще прочных боевых традиций. В госпитале же были бойцы самых разных боевых специальностей. Они часто с гордостью говорили о своей боевой специализации и старались подчеркнуть незаменимость ее во фронтовой жизни. Так, бронебойщик Максимов С.Ф. в рассказе об отражении танковой атаки противника, привел поговорку:

"Эй, бей, ПэТэзР — в танке герр офицер!". Нередко можно было наблюдать своеобразное соревнование бойцов разных родов войск, каждый из которых расхваливал свой вид оружия. Минометчик Пахомов А.Г., например, спел такую частушку про свой род оружия:

Говорят, что в наших минах
Очень много витаминов.
Иногда удачный взрыв
"Вылечит" десятерых!

Пулеметчик Слесарев В.Г., 1922 г. рождения, уроженец Липецкой обл., сообщил мне цикл частушек о пулемете "Максим":

Немец в рупор говорил,
Жизнь немецкую хвалил.
Да как застрочил "Максим" —
Сразу рот перекосил! [42:43]

Наш Максимка-пулемет
С переливами поет,
С переливами поет,
Фрицам жизни не дает!

Пулемет "Максим" мой верный,
Ты стреляй, не торопись.
А на кожухе написано:

"Фашисты, берегись!"

Мы во вражеской по доте
Ахнули-бабахнули.
"Ай да русский пулемет!" —
Фрицы только ахнули.

В частушках подобного рода обращает на себя внимание и своеобразное одушевление боевой техники, и упоминание о надписях на боевых машинах (об этом я скажу подробнее ниже), и стремление бойцов к выборочной записи частушек на определенную тему. Мне не встретились во время первого пребывания в госпитале бойцы из расчетов гвардейских минометов, но частушки о "Катюшах" распевались повсеместно бойцами самых разных родов войск. Все сходились на том, что этот род оружия — первостепенный и важнейший, и все гордились им, не зависимо от своего рода оружия. Вот какие частушки были записаны мною в это время:

В поле буря, в поле буря,
Настоящий ураган:
Наша русская "Катюша"
Не дает житья врагам!

Мы фашистов бьем и колем,
Мы фашистов колем, бьем,
Еще душенькой-"Катюшей"
Фрицу жару поддаем!

Боец Пархоменко Т.К., уроженец Константиновского района Донецкой обл., продиктовал мне такую частушку (петь, по "причине почтенного возраста", как он объяснил, не может):

У фашиста битый вид,
Пять ночей фашист не спит:
Не смыкал фашист очей [43:44]
От "катюшиных" речей!

Про "Катюшу" мне позже встречалось много поговорок и присловий. Уже позднее, в Белоруссии, я записал от молодого бойца, прибывшего к нам с пополнением с Урала и работавшего до призыва в армию в г. Тагиле на военном заводе, такую поговорку: "Катюша с Тагила.— Гитлеру могила" (позже я слышал эту же поговорку в таком варианте: "Катюша с Тагила — фашистам могила!") Популярны были и песни о "Катюше" и среди мирного населения, упоминания о ней встречаются и в частушках, которые мы слышали от местных жителей в Смоленской обл.:

А мой миленький на фронте
Заиграл "Катюшею"
А я выйду на крыльцо —
Постою, послушаю

(от Любы Овчинниковой, 15 лет, уроженки Смоленской обл.).

О "Катюше" было сложено много частушек и в военной среде. В 1943 г. я записал такую частушку от шофера грузовика Резерва Главного командования, приехавшего с грузом в нашу часть:

Крепко бьет наша "Катюша"
Ловко строчит автомат.
Не пришлось фашистам видеть
Ни Москву, ни Ленинград!

В это же время я слышал и такое присловье: "Наша "Катюша" хороша — дрожит у фрица душа!", но не сумел по госпитальным условиям установить, кто именно это произнес: разговор доносился до меня из другой комнаты.

Находясь в госпитале, я записал и частушку, продиктованную мне бойцом-автоматчиком, бывшим портным Сизовым М.К. (Западный фронт):

ПэПэДэ и ПэПэШа —
Вот машинка хороша!
Ловко строчит, крепко шьет,
Фашистов прострачиват,
Да полков фашистских счет
Сразу укорачиват! [44:45]

В дальнейшем две первые строчки этой частушки мне неоднократно приходилось слышать в самостоятельном бытовании. Частушка была интересна мне и тем, что в ней явственно проглядывалась производственная лексика портного, примененная к боевой обстановке. Был известен и такой ее вариант:

ПэПэДэ и ПэПэШа —
Вот машинка хороша!
Ловко строчит, метко бьет,
Фрицам жару поддает!

Переиначивали бойцы и названия немецкой боевой техники. Такова частушка, записанная от раненного, бывшего бойца-зенитчика Артамонова М.Е., 1921 г. рождения, уроженца Архангельской обл.:

Наша удаль не забыта,
Не один стервятник сбит.
Мы всегда от "Мессершмитта"

Оставляем мусоршмит!

После излечения в госпитале я был направлен, как это и полагается, в 206 запасной полк, но прежде чем мне прибыть туда, *я* провел один день в Москве и сумел повидаться со своим учителем-фольклористом В.И. Чичеровым. Я рассказал ему о своей работе, передал ему часть своих записей, а он, в свою очередь, дал мне много ценных советов и рекомендаций по методике записи и сбора фольклорного материала. От него же я получил две большие общие тетради по 96 л. каждая для новых записей. Окрыленный и одушевленный, я отправился в Подлипки (под Москвой) для дальнейшего прохождения службы, на этот раз — в запасном полку.

## 4. ЗАПАСНОЙ ПОЛК КАК ОЧАГ БЫТОВАНИЯ ФРОНТОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Специфика запасного полка как очага бытования фронтового фольклора во многом совпадает с особенностями госпиталя, но в чем-то и отличается от него. В запасном полку встречаются представители и разных родов вооруженных сил, и разных частей и на правлений. В запасном полку формируются новые подразделения для отправки в действующую армию. Время пребывания военнослужащего в запасном полку может быть самым различным — от нескольких дней до нескольких недель, в зависимости от обстановки. [45:46]

Когда я прибыл в полк, меня, как имеющего права шофера-любителя, зачислили во взвод шоферов (честно сказать, практически водить машину я толком еще не умел. Сами права л получил весной 1941 г. и умел водить только "полуторку", на которой проходил курс обучения). Была весна 1942 г., самая распутица ("Дует теплый ветер, развезло дороги, и на Южном фронте оттепель опять..."), и потому нас до поры до времени держали в резерве. Я пробыл в запасном полку почти полтора месяца, а затем был направлен водителем в 5-й Отдельный батальон химзащиты, только что заново сформированный ввиду появившейся угрозы применения фашистами отравляющих веществ.

Бытование фольклора в запасном полку осложнялось тем, что его состав постоянно менялся. Песни в запасном полку распевались преимущественно общевойсковые, всем знакомые и понятные. Пели главным образом в строю — такие как "Катюша" (40)[10], "По долинам и по взгорьям" (38), "Моряк" (38), "Там вдали, за рекой" (36), "Шел отряд по берегу" (30), "Каховка" (30), "Орленок" (24) и т.д. На привалах и на отдыхе часто пелись русские и украинские песни — "Что стоишь, качаясь" (18), "Скакал казак через долину" (17), "По Дону гуляет казак молодой" (14), "Молода еще я девица была" (8), "Пересохни, Волга-речка"

[10] В скобках указано, сколько раз была услышана мною эта песня за 44 дня пребывания в запасном полку. Конечно, исполнение песни во всех подразделениях полка было значительно большим, но мною учтены только те случаи, которые я наблюдал лично. В то же время эти. пусть и отдельные, данные дают представление о популярности песен.

(8), 'У зеленого кусточка меня милый целовал" (7), "За грибами в лес девицы гурьбой собрались" (7), "Коробейники" (5), "Ой, за гаем, гаем" (5), “Їхав козак за Дунай"(4), "Віють вітри, віють буйні" (4) "Розпрягайте, хлопці, коні» (З) — последняя песня чаще исполнялась по-русски (16) и т.д.

Частыми были случаи обработки (причем иногда весьма существенной!) уже известных песен, либо использования полюбившегося и популярного в данное время мотива. Так, от бойца Кругликов» В.С., 1920 г. рождения, уроженца Томской обл. я записал имевшую широкое хождение в то время песню, исполнявшуюся на мотив песенки из кинотрилогии о Максиме "Крутится, вертится шар голубой". Эта песня впервые прозвучала в киносборнике военных лет "Победа будет за нами":

Десять винтовок на весь батальон,
В каждой винтовке последний патрон.
В рваных шинелях, в дырявых лаптях [46:47]
Били мы немца на разных путях.

Всю Украину он резал и жег,
Так что за нами остался должок.
Час подошел, наступила война,
Время с врагом расплатиться сполна.

Где эта улица, где этот дом
В городе нашем, навеки родном?
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не зайти!

Пушки и танки фашистов громят,
Летчики наши на Запад летят.
Злобного Гитлера черная власть
Крутится, вертится, хочет упасть!

Под эту песню бойцы не только ходили в строю, но и танцевали, когда к нам приезжали наши шефы — девушки из подмосковного колхоза. С музыкальным сопровождением у нас было плоховато. Но бойцы выходили из положения так: половина пела, а другая половина танцевала, а потом менялись (кто, конечно, хотел). Но вот чего я ни разу не наблюдал, так это чтобы вальсировали одни мужчины. Пляска — это другое дело, а для вальса нужна была дама. "Вальс без дамы — просто мелодрама" - сострил как-то сержант Николайчук В.Т., 1924 г. рождения, уроженец Одесской обл.

Шефы же приносили нам и новые частушки, сложенные в тылу от имени, главным образом, девушек, проводивших милого на фронт. Особенно полюбилась одна из них:

Милый мой, милый мой

С винтовочкой боевой,
Ты не думай, милый мой.
Что не свидимся с тобой!

Частушку спела Люба Самсонова, 18 лет, из Подлипок. Была популярна и такая переделка старой народной песни:

Понапрасну, Гитлер, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь:
СССР не завоюешь
И в Москву не попадешь!

Частушка записана от Соловьева И.Д., 1920 г. рождения, уроженца Челябинской обл.

Но вот и окончилась наша однообразная и томительная жизнь-ожидание в 206 запасном полку — наш "шоферский" взвод был срочно выстроен на плацу, пришел подтянутый и бравый майор [47:48] Ивакин — вновь назначенный командир нового отдельного батальона химзащиты — и я попал в часть, с которой не расставался до ее расформирования осенью 1945 г. Почти 3,5 года прослужил я в одной части: во время войны случай, конечно, редкий, можно даже сказать — исключительный. За это время я был еще дважды ранен, но оба раза легко, долечивался в санчасти своего же батальона или во фронтовом госпитале. Вместе со своим батальоном я прошел путь от Москвы до Штеттина, прошел с боями Белоруссию, Польшу, Восточную Пруссию, северную Германию. Вначале я был шофером, водителем боевой машины, затем химиком-лаборантом, но вскоре был выдвинут на должность комсорга части — им я остался до конца войны.

Надо сказать, что должность комсорга батальона во многом способствовала тому, что я смог наблюдать бытование фронтового фольклора в отдельной части и, что самое главное, имел возможность записывать сами произведения устного народного творчества и хранить их: у меня, как у комсорга, имелся походный сейф для хранения комсомольских документов и культинвентаря (я по совместительству был и зав. клубом части), там я и хранил свои записи. Увы, во время одной из бомбежек и эти материалы погибли, представляете, как я сейчас об этом жалею! — но частично свои записи я пересылал родителям, и у них они сохранились, что и дало мне возможность в какой-то степени восполнить пробел в современной фольклористике в освещении особенностей бытования фронтового фольклора во время боевых действий. Дело в том, что "гражданские"фольклористы-профессионалы собирали и наблюдали бытование фронтового фольклора в необычных условиях — главным образом, в госпиталях, во время побывки солдат на родине после болезни или демобилизации и т.д. Наблюдать же бытование фронтового фольклора на фронте могли, естественно, лишь сами фронтовики, причем те, которые были этому обучены, подготовлены профессионально.

Формы бытования устного народного творчества периода Великой Отечественной войны, пути его распространения, изменение под влиянием внешних условий и т.д. — область почти неисследованная[11]. Поэтому именно специфике бытования фронтового [48:49] фольклора и посвящаются в основном страницы этой книги. При этом под бытованием произведений народного творчества в данной работе подразумевается вся совокупность разнообразных вопросов, характеризующих, где, когда и в какой форме исполнялось то или иное произведение народного творчества. В тех случаях, когда сохранились записи, будут сообщены и подробности военного быта, сопутствовавшие бытованию фольклора, и тексты самих произведений. хочу предупредить, что тексты исполнявшихся произведений приводятся лишь в тех случаях, когда они нужны для уяснения поставленных выше вопросов или тогда, когда записанные мною варианты отличались от опубликованных и вносили что-то новое в историю текста фольклорного произведения.

## 5. СПЕЦИФИКА БЫТОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА В ОТДЕЛЬНОЙ ЧАСТИ

Прежде чем охарактеризовать формы и условия бытования устного народного творчества в воинской части, следует остановиться на ее репертуаре. Характеристика репертуара отдельной воинской части в фольклористике не проводилась, поэтому обзор его будет дан более подробный, с приведением в приложении к книге репертуарных списков как всей части в целом, так и отдельных ее подразделений и даже отдельных, наиболее ярких носителей фольклора. Характеристика репертуара будет связана также с установлением его источников и наблюдениями над изменением репертуара под влиянием внешних условий бытования.

*а) Репертуар масти в целом.*

Фронтовой коллектив — во многом своеобразная среда для бытования устного народного творчества. В условиях фронта в одном коллективе собираются люди не только из разных местностей, причем на более или менее продолжительное время, но и разного культурного уровня развития, с разными вкусами, запросами и интересами, с разным отношением к устному народному творчеству вообще. И в то же время, объединенные общими идейными и [49:50] социальными устремлениями, движимые единой целью, они представляют собой целостный коллектив с общими интересами. И

---

[11] Можно назвать лишь несколько специальных статен: Пушкарев Л.Н. Из наблюдений над творчеством фронтовиков (Репертуары и вопросы бытования) // Изв. АН СССР, Отд-е лит. и яз., 1952. Т. II. Вып. 6. С. 527-540; он же. Из воспоминаний фольклориста-фронтовика // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 325-343; Кирдан Б. П. Бытование русского фольклора Великой Отечественной войны // Там же. С. 267-292; см. в этой же книге воспоминания Н.В. Новикова, П. И. Ковешникова.

фольклорный репертуар этого коллектива, при всех его различиях и особенностях, также представляет собою единое целое. Его главную часть составляет основной репертуар, хранимый в части и передаваемый из пополнения в пополнение. Этот репертуар отличается большой устойчивостью. Чаще всего в нем отражается специфика воинской части: так, можно говорить об особом фольклорном репертуаре танкистов, артиллеристов, кавалеристов и т.д. При переходе из одной части в другую бойцы переносят с собой и свои песни. Если бойцы попадают в родственную по роду оружия часть, то песни эти сохраняются ими и вливаются в песенный репертуар новой части. При перемене же военной специальности подобные песни чаще всего забываются, наиболее же памятные сильно меняются, приспосабливаясь к новым условиям. Так было в нашей части, когда прибыло новое пополнение водителей-танкистов: они принесли свои шоферские и танкистские песни, часть из них прижилась и в нашей части и отразила в себе новые условия бытования.

Основной репертуар части включает в себя главным образом маршевые песни. В этих песнях говорится о боевом пути части, о ее победах, о героях части. Каждое подразделение поет обычно свою излюбленную строевую песню, и комплекс таких песен также входит в основной репертуар части. При его формировании мне пришлось наблюдать, как отдельные подразделения (взводы и роты) стремились добиться того, чтобы именно их маршевая песня стала походной строевой песней всего батальона. Надо сказать, что и командование части предопределило это стремление. Когда часть на $^{4}/_{5}$ своего состава уже была сформирована, командир части объявил, что состоится смотр маршевых песен отдельных подразделений и что лучшая из них будет выбрана для всего батальона в целом. Недели полторы бойцы отдельных рот и взводов соревновались между собой. В результате на смотр первая рота вышла с песней "По долинам и по взгорьям", вторая — "Ой, да вспомним братцы мы кубанцы", третья — "Ты моряк, красивый сам собою", взвод разведки — "Катюша". Все старались что было сил, но командование решило по-своему: походной маршевой песней батальона была объявлена: "Песня о Родине" В.И. Лебедева-Кумача ("От Москвы до самых до окраин"). Она закрепилась и в дальнейшем, но исполнялась не часто, только на общих построениях части, что в условиях военного времени случалось редко, лишь несколько раз в год. А так Каждая рота пела свою песню. Конечно, походные маршевые песни с течением времени менялись. Так, взвод разведки сменил "Катюшу" на довоенную красноармейскую песню, бытовавшую в армии в 1939 г., когда произошло воссоединение западноукраинских" [50:51] и западнобелорусских земель с советскими республиками. Произошла эта замена в связи с тем, что прежнего запевалу взвода ст. сержанта Ивановского В.Я. ранило, он выбыл из части, во взводе выдвинулся новый запевала, о чем я расскажу ниже.

Хотелось бы отметить большую заботу политработников батальона о воспитании боевых традиций в части, заботу о песенном репертуаре и его пополнении за счет лучших советских песен военного времени. Помню, что вопрос о маршевых песнях стоял на одном из заседаний партбюро части. Это произошло после того, как прибывшие из пополнения бойцы Гвозденко И..К. и

Семенченко Г.Б. принесли с собой полублатную песню, исполнявшуюся на мотив "С одесского кичмана бежали два уркана". И хотя песня эта и была переосмыслена и осовременена, связана с Великой Отечественной войной, тем не менее и ее содержание, и ее форма (нарочитое искажение звучания слов в подражание одесскому говору, употребление неверных грамматических форм и т.д.) были явно чуждыми маршевому песенному материалу тех лет. Вот эта песня.

С германского боя
Ишли два героя,
Ишли два героя по домам.

На русской границе
Они остановились,
Они остановились отдохнуть.

"Товарич, товарич.
Болят мои раны[12],
Болят мои раны в глубоке.

Одна заживает,
Другая нарывает,
А третьяя открылась у в боке.

Товарич, товарич,
Скажи ты моей маме,
Что сын ее погибнул на посте

С сашкою[13] в рукою,
С винтовкою в другою
И с песнею веселой на усте[14] [51:52]

По общему решению коммунистов исполнение этой песни было осуждено, ее бытование было отмечено мною лишь на заключительном этапе войны, уже после ее окончания, в запасном полку, где особенно активно исполнялись песни с темой возвращения на родину после боев.

Вторично вопрос о песнях рассматривался на комсомольском бюро после того, как в начале 1945 г. наша часть участвовала в освобождении из концлагеря девушек с Полтавщины. Тогда в нашем распоряжении оказалось много песенников фашистских пленниц с записями украинских народных песен, а также лагерных песен, сочиненных самими девушками и

[12] В другом варианте эти две строчки исполнялись так: «Товарич, товарич, идем поскорее…».
[13] Т.е. с шашкой.
[14] Т.е. на устах.

исполнявшихся ими на фашистской каторге. Более подробно я расскажу об этом ниже, а здесь отмечу, что именно по решению бюро ВЛКСМ была начата широкая пропаганда этих песен среди молодежи.

Но, конечно, одна из главных ролей в сохранении и развитии строевой песни принадлежит командирам подразделений, прививавшим бойцам любовь к строевой песне, учившим бойцов находить в песне поддержку и моральную опору и, — что крайне важно — широко использовавшим походную песню как мощное средство сплочения коллектива, как неотъемлемую часть строевой подготовки. В качестве примера можно привести деятельность помпотеха третьей роты мл. лейтенанта Сергеева В.Д. который прибыл в нашу часть из запасного полка. До этого он служил в танковой части. В первом взводе не было хорошего запевалы, песни пелись каждый раз разные, установившегося репертуара также не было. В.Д. Сергеев сам предложил переделку песни "Три танкиста", которую распевали в его прежней танковой части:

Расскажи-ка, песенка-подруга,
Как дерутся с черною ордой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

Не дают они фашистским танкам
Темной ночью в тыл пробраться к нам,
Без пощады бьют фашистов с фланга,
Угощают крепко по зубам.

Не одну фашистскую гадюку
Укротили силой огневой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

Если надо же — прямой наводкой
Бьет врага ударный батальон —
Нас недаром отмечают в сводках
И недаром полк наш награжден! [52:53]

И не раз врагу придется туго
Там, где водят танк геройский свой
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой!

Песня была охотно принята во взводе и прижилась в его репертуаре — за исключением пятого куплета о награде танкового полка: содержание этого куплета было явно чуждым для нашей части.

Запомнился еще один случай, когда песню в роту принес бывший служащий батальона техобслуживания одного из авиаполков слесарь Семенчук

И.Г., родов из г. Славянска Донецкой обл. Он прибыл к нам из запасного полка в ремвзвод и принес с собой песню о летчике на мотив популярной в Донбассе песни "Спят курганы темные":

Спят курганы темные.
Битвой опаленные.
Дым пожарищ стелется
По степи родной...

Сизокрылым соколом
В синеву высокую
Взмыл на истребителе
Летчик молодой.

Русские селения
Ждут освобождения,
Ждет свободы девушка,
Ставшая рабой.

За обиды жгучие,
Ненависть кипучую
Бьет врагов отчаянно
Летчик молодой!

За огни-пожарища,
За друзей-товарищей
И за слезы девушки,
Милой и родной

Мстит на истребителе
Гаду-разрушителю
Сын великой родины
Летчик молодой!

Песню пели в ремвзводе, чему немало способствовал командир взвода, а также помпотех батальона, которые были огорчены тем, что строевая подготовка среди ремонтников хромала. Они даже пытались ввести исполнение этой песни как строевой, но из этого [53:54] ничего не получилось. Песня пелась как лирическая, часто во время ремонтных работ, т.к. не требовала ни массовости исполнения, ни напряженного ритма. В ремвзводе же была популярна песенка на мотив "Провожания" Захарова-Исаковского в таком варианте:

Заработал пулемет,
Загремели танки:

Фрицы двинулись в поход
Словно на гулянку. Ох!

С автоматами в руках
Прут фашисты дружно —
Им столицу нашу взять
Дозарезу нужно... Ох!

Стали красные войска
Поперек дороги,
Фрицев тут взяла тоска,
Онемели ноги... Ох!

Фрицам трепку под Москвой
Дали в назиданье,
Удирает он домой,
На лице страданье... Ох!

Где же ты, знакомый путь?
Жесткая расправа:
То ли влево повернуть,
То ль бежать направо? Ох!

Далеко фашистский край,
Погляди, послушай.
Где ты, фюрер, выручай!
Насмерть бьет "Катюша"... Ох!

Возвратиться раньше всех
Было бы приятно,
Только ноги, как на грех,
Не идут обратно... Ох!

Обморожены они,
Ноги у бандита,
И снарядом голова
Вдребезги разбита... Ох!

Песню пел обычно слесарь Шевчук Г.П., лучший песенник взвода, ну, а "Ох!" подхватывали все, кто был рядом. Дело в том, что среди ремонтников было больше всего участников битвы под Москвой, чем и объясняется в первую очередь популярность именно в [54:55] этом взводе песни, рассказывающей о разгроме фашистского наступления на Москву.

Многое сделал для пропаганды строевой песни командир взвода разведки лейтенант Самарин. Самый молодой по возрасту взвод нашей части был

укомплектован из недавних школьников, сменивших парту на винтовку, рвавшихся в бой, но не имевших еще боевого и жизненного опыта. В их среде бытовали песни из кинофильмов, такие как из "Трактористов", "Семеро смелых" и т.д., либо популярные песни предвоенных лет — "Сашка-сорванец, голубоглазый удалец", "Вечер на рейде", "Мы с тобой не первый год встречались" и проч.

С легкой руки Самарина во взводе в качестве маршевой песня после смерти запевалы взвода А. Козярского (о нем я расскажу подробнее ниже) укоренилась очень популярная среди молодежи песня «Дан приказ — ему на Запад». Я долго расспрашивал бойцов, почему они перестали петь прежнюю строевую песню, что за причина смены репертуара, но толку так и не добился: ответы были самые различные. Видимо, ближе всех к истине был боец Краснов В.Д., сказавший: "Командир велел — мы и запели, что сказали". Надо сказать, что Самарии был крутым командиром, требовавшим неуклонного выполнения своих приказов. Вот в таком приказном порядке, скорее всего, и была введена эта маршевая песня. Я привел этот случай для того, чтобы подчеркнуть: пути изменения репертуара были самые разнообразные, объясняемые различными причинами и поводами — от объективных до субъективных.

*б) Репертуар отдельных подразделений части и некоторых исполнителей.*

Помимо общебатальонных песен в отдельных ротах и взводах складывались самостоятельные фольклорные репертуары, порою довольно резко отличавшиеся друг от друга и — что важно подчеркнуть — более подвижные я меняющиеся, непостоянные, что было связано с изменением личного состава подразделений, а также с особенностями формирования подразделений.

Так, фольклорный репертуар первой роты определился тем, что при формировании в нее оказались включенными бойцы более пожилые, много повидавшие на своем веку и любившего порассказать о виденном и бывалом. Молодежи в роте было немного. В свободное время бойцы любили потолковать о жизни до войны, рассказать о случаях из фронтовой жизни. Песен пелось в этой роте гораздо меньше. Не случайно и маршевую песню бойцы выбрали старую, давно уже известную, петую еще до войны — "По долинам и по взгорьям". Из народных песен исполнялись "Ермак", "Вот мчится тройка почтовая", "Это было давно, год примерно назад", "Что ты [55:56] жадно глядишь на дорогу", "Славное море, священный Байкал", "Глухой, неведомой тропою" в т.д. Из фронтовых песен преобладали те, где говорилось о верном ожидании женой возвращения мужа с фронта, о горе матери, оплакивающей смерть сына. От бойца Нефедова Г.А., 1914 г. рождения, уроженца Воронежской обл., записана песня:

Смерть партизана

На опушке леса старый дуб стоит,
А под этим дубом партизан лежит.
Он лежит, не видит, он как будто спит,
Рядом с ним старушка, мать его, сидит.

Рядом с ним старушка, мать его, сидит,
Слезы проливая, парню говорит:
"Я ли ни ростила, я ль не берегла,
А теперь могила будет здесь твоя!

Ты когда родился, батька немцев бил,
Где-то под Одессой голову сложил.
Я вдовой осталась, пятеро детей,
Ты был самый младший, милый мой Андрей!

И гадюк фашистских ты геройски бил,
Орден со звездою гордо ты носил.
Ты скажи словечко матери родной,
Ой, болит сердечко по тебе, родной!"

Слезы материнские видел командир,
Ласково старушке он проговорил:
"Не рыдай, родная, он геройски пал —
И с земли старушку сам он приподнял,—

За героя-сына крепко отомстим...[15]
На опушке леса старый дуб стоит,
А под этим дубом партизан лежит,
За родную землю бился со всех сил
И фашистам подлым крепко отомстил.

В этой же роте часто пели своеобразные ответы на "Жди меня" К.Симонова. Общеизвестно, как было распространено это стихотворение на фронте. Его переписывали в альбомы и песенники, слали в письмах в тыл и получали его оттуда, его переписывали или вырезали из газет и носили в нагрудном кармане гимнастерки как [56:57] своеобразный талисман, у сердца, с ним шли в бой и возвращались с войны[16]. Бытовало несколько генетически связанных с этим стихотворением ответов. Один из них был записан мною от бойца первой роты Николайчука В.А., 1917 г. рождения, уроженца Днепропетровской обл.:

[15] Далее одна строфа песни в записи утрачена (оборван лист).
[16] См. об этом подробнее: *Пушкарьов Л.М.* Сталість форми історичного джерела // Ісгоричні джерела та їх використання. Київ, 1968. Вип. 3. С. 36.

Буду ждать, я знаю, ты вернешься,
Пусть лютуют желтые дожди.
Буду ждать тебя, мой сокол ясный,
Твердо веря в счастье впереди.

Пусть гудят метель и непогода,
Иссушает знойная жара —
Жду тебя, как верная подруга,
И дождусь, как верная жена.

Если ждать родные перестанут,
Если я не получу письма —
Может быть, я горько буду плакать.
Может быть, лишусь надолго сна.

Но когда друзья и ждать устанут,
Сядут у веселого огня, —
С ними вместе я не сяду рядом
И не выпью горького вина.

Буду ждать с глубокой верой в счастье —
Ты вернешься всем смертям назло.
Пусть же те, кто ждать тебя устанут,
Скажут: "Нам с тобою повезло..."

Не понять им этой веры страстной
В жизнь и возвращенье, милый мой.
Просто так я ждать тебя умею.
Как никто не станет ждать другой.

В этом варианте бросается в глаза ясно ощутимая связь с одной стороны — с "жестоким романсом" (сочетания типа "вера страстная"), а с другой — с народной поэтикой ("мой сокол ясный"), причем художественный, поэтический уровень этого варианта невысок. Но своим содержанием он отвечал потребностям истомившихся в разлуке мужей получить — хотя бы в песне — еще одно подтверждение верного ожидания оставленной в разлуке жены... [57:58]

Другой вариант ответа был записан от бойца этой же роты Григорьева К.С, 1919 г. рождения, уроженца Челябинской обл. Он получил его в письме от его девушки Любы Комяковой, 21 года, тоже с Урала:

Жду тебя, любимый мой,
Очень крепко жду.
Жду уральскою зимой,
Жду весной в цвету.

Жду, а дни бегут, бегут.
Гаснут вечера.
И со мною вместе ждут
Те, кто ждал вчера.

Ждут тебя твои друзья,
Всей душой любя.
Вместе с ними жду и я —
Верная твоя!

Снятся мне твои черты —
Где же ты теперь?
Напиши, когда же ты
Стукнешь в мою дверь?

Для тебя припасено
Все, чем мы живем.
Непочатое вино
Выпьем мы вдвоем.

Верю, ты придешь опять
Ласковый, родной —
Просто я умею ждать,
Как никто другой!

Мною было отмечено несколько письменных вариантов этого стихотворения (я ни разу не слышал его исполнения в виде песни). В каждом из них авторы добавляли что-то свое, личное, индивидуальное близкое и понятное только самим двух адресатам. Переписанные от руки и тщательно хранимые, они были своеобразными "талисманами", вера в которые была так распространена на фронте.

Примечательно, что в первой роте почти не пели частушек, а два бойца-частушечника (Семеновский К.П. и Ярцев П.В.) ходили петь и слушать частушки во взвод разведки (см. об этом ниже). Все фронтовые сказы, записанные мною в первой роте, утрачены в суматохе фронтового быта, остались только те условные названия, которые им давали либо сами рассказчики, либо слушавшие их [58:59] бойцы ("Послушай, расскажи, как повар фрица в плен взял!") Остался лишь один, весьма популярный на фронте сказ, построенный на своеобразной расшифровке звуков, производимых боевыми машинами — и фашистскими, и советскими:

"Летит над нашими позициями "Рама"[17] и гудит: "Ви-ж-ж-у! Ви-ж-ж-у!", Улетела "Рама", прилетел бомбардировщик Ю-88 и гудит: "Вез-у-у! вез-у-у!".

[17] «Рама» - фронтовое прозвище фашистского двухкорпусового самолета-разведчика.

"Кому? Кому?" — спрашивают наши зенитки, подняв дула вверх. Бомбардировщик в ответ: "Вам! Вам!" Зенитки как начали лупить: "Дай! Дай! Дай!" А там и крупнокалиберные пулеметы вступили: "Ах, ты так? Ах, ты так?" Бомбардировщик в пике: "Н-на! Нн-на!" Бомбы: "Жах! Жах!» Земля: «Ох! Ох!" Боец ПэТээР схватил, да как даст по бомбардировщику, и пули запели: "Тебе! Тебе!". Завыл бомбардировщик: «Мне?" - и врезался в землю. "О-ох!" — вздохнула облегченно земля..."

Весь эффект этого сказа заключался в том, что рассказчик ст. сержант Ковальков Г.А. мастерски передавал и завывание "Рамы", и бурчание бомбардировщика, и частый лай зениток, и посвист пуль — эффект был необыкновенный. Ковальков вообще был прекрасным имитатором звуков. Коронный номер его заключался в том, что он по звуку мотора определял, чья идет мимо машина и мог даже изобразить на губах, как работает мотор полуторки и до и после капитального ремонта.

У меня сохранилось несколько записей фронтовых сказов, но не от бойцов первой роты. Эти сказы будут приведены ниже, в специальном разделе книги, посвященном бытованию на фронте прозаических жанров устного народного творчества.

Своеобразие репертуара второй роты определилось тем, что при формировании в ее состав попало сразу три сказочника. При этом и командир роты капитан Чумарин был большим любителем сказок, хотя сам их никогда не рассказывал, но любил при случае подправить сказочника, если он путал что-либо в сюжете. Два сказочника (Игнатов Н.А. и Денисов И. К.) любили сказку волшебную, а третий (Лядов И.С.) предпочитал бытовую, причем в определенной аудитории рассказывал весьма фривольные сюжеты типа "Декамерона", допуская смакование щекотливых ситуаций. Следует отметить, что подобные эротические сказки не были особенно распространены во время войны, но вот после ее окончания, в ожидании скорой демобилизации бытование фривольных сюжетов возросло.

Как сказочники Игнатов и Денисов резко отличались друг от друга. Первый любил сказки богатырские, героические. Он [59:60] тщательнейшим образом воспроизводил сказочную обрядность (троекратность действия, традиционные обороты, развернутые зачины и концовки, изобилие постоянных эпитетов и т.д.), рассказывал истово и, по-моему, в душе сам немного верил тому, что "в старину так и бывало". Его излюбленные сказочные герои — Василий Буслаев, Бова-королевич, Еруслан Лазаревич, Илья Муромец, Иван-царевич — заступники обиженных и обездоленных, защитники родной земли.

Один был у Игнатова недостаток как у сказочника — в его речи постоянно мелькало словечко-паразит "значитца" ("Скоро, значитца, «кадка сказывается, да не скоро дело делается" или: "Вот едет он, значитца, в путь-дорогу дальнюю" и т.д.) Игнатов знал об этом, и слушатели ему неоднократно на это указывали, но ничего он поделать с собою не мог. В остальном это был сказочник-эпик большого масштаба (по опросу его репертуар состоял более чем из 70 сказок, во, думаю, он не все сюжеты вспомнил, когда я опрашивал его. Полностью перечень сказочных сюжетов Игнатова у меня не сохранился,

уцелел лишь первый лист этого перечня, содержащий 62 названия — см. приложение). К сожалению, не все записи сказок Игнатова у меня сохранились. Те 11 сказок, что я привожу в приложении, записаны от него в феврале 1943 г. в нашем лагере в лесу под дер. Бородино Московской обл., когда батальон уже передислоцировался в Смоленскую обл., а небольшой караульный отряд был оставлен для охраны имущества части, отправляемого вторым эшелоном. Нам никто не мешал. Перед записями сказок я попросил Игнатова рассказать свою биографию. Сергей Ананьевич Игнатов родился в с. Зимники Фрунзенского района Сталинградской обл. в 1,914 г. Вот его рассказ о себе: "Отец мой из-под Тамбова, крестьянин. Мы по происхождению овчинники, из-под города Шацкий, волость Полно-Канабеевская. Мой отец в отход всегда ходил, звали его Игнатов Алании Поликарпович. 20-ти лет он приехал в Донскую область, да тут и остался, но все время выплачивал деньги за оставленную землю. Песни в семье пели, я и сам пел, а вот сказки не рассказывали. Это я сам научился. Больше всего сказок перенял в госпитале в 1942 г., в больнице, лечился я там, и еще в запасном Полку в 1942 г., много сказок там рассказывали, большие мастера были, не мне чета. Сказки я люблю волшебные, про героев, много знаю, ну, и жизненные, значитца, тоже люблю, про купцов там или Про помещиков, интересные есть. Жизненные. Песен много знал, но все забыл. Хотя, вот, одну старую песню такую помню, она к 1877 г. относится: [60:61]

За Курганом пики блещут,
Пыль курится, кони ржут.
По всей земле слышно было,
Что донцы домой идут.

Подходили к Дону близко,
Тотчас кивера долой,
А купаться в Дону стали —
Помутилася вода

И они тогда сказали:
"Дон наш, батюшка-кормилец, -
Что ж на нас ты осерчал?"
"Не сержусь на вас я, дети,
Но с пути вас ворочу!"

Это взаправду было, донцы ворочались со службы, а тут война с турками, и они прямо с Дона опять на войну ушли".

Хотя Игнатов и придерживался традиционного сюжета, кое-какие обмолвки, Привнесение в текст реалий военного быта он допускал, но делал это как бы между прочим, не нарочито, как бы разъясняя события прошлого (В сказке о Еруслане Лазаревиче царь Данила нарушил договор с царем Картаусом — "Ну, как Гитлер прямо!"). При записи текста сказок "значится" везде опущено — кроме случаев пояснения текста ("Сражение получилось.

Поединок, значит"). При скалывании Игнатов воодушевлялся, 'жестикулировал, менял интонацию голоса, в нужных местах делал паузы, дожидаясь понукания ("Ну. давай, что дальше?"), после чего он удовлетворенно затягивался цыгаркой и продолжал сказку. Сказки он мне диктовал медленно, иногда повторял сказанное.

Другой сказочник, Денисов И.К., был большим знатоком и любителем волшебной сказки. Он знал их не так много, каждая из них была очень длинной и состояла из нескольких сюжетов, тесно связанных между собой. Денисов нисколько не тяготился тем, что ему приходилось по условиям военной службы прерывать рассказывание сказки. Он отлично помнил, на чем остановился, и, как ни в чем ни бывало, продолжал рассказывать свой сюжет дальше, прямо с того места, где остановился прошлый раз. Этим он разительно отличался от Игнатова, который крайне болезненно относился к перерывам в сказывании сказки. Денисов был начитан, дома у него был трехтомник сказок Афанасьева (довоенного издания) и, как он говорил, "маленькие книжечки со сказками, с яркими картинками, обложки такие завлекательные, еще мой отец их покупал" — как я полагаю, это были лубочные издания сказок. Умело контаминируя сказочные сюжеты, он отдавал предпочтение тем из них, в которых героем выступал солдат — такие как "Звериное молоко", "Солдат и [61:62] смерть", "Чудесное бегство", "Рога", "Три царства", "Сивка-бурка" и др.

К счастью, у меня сохранилась довольно подробная запись биографических данных сказочника. Денисов Иван Константинович 1917 г. рождения, родился на хуторе Сузовский Кругловского района Сталинградской обл. Родители — казаки, крестьяне. Образование — 5 классов. Вот его биография, записанная с его слов дословно: "После школы отец заставлял учиться, но я по глупости не пошел. С детства играл в пьесах, очень мне нравилось участвовать в самодеятельности. После школы работал дома, потом в ОРС'е, в Зерносовхозе, зав.клубом в совхозе. В 1937 г. поехал в Архангельск, там работал комендантом в порту, затем зав. избой-читальней в Молотовске. По пьянке был снят с работы, направлен на фронт в 1942 г., попал в 289 дивизион 48 артполка (ком. полка Болдырев), третий батальон, 7 рота. Попал в самодеятельность, потом в дивизионный ансамбль, потом на курсы младших командиров. Во время наступления в 1944 г. ансамбль распустили, я стал помкомзвода, в наступлении был ранен в правую руку. Попал в госпиталь, оттуда в г. Кемь в ГЛР, там обратно был начальником клуба. Из Кеми в Киров, пробыл там два месяца, потом опять на фронт в 7 гвардейскую дивизию, а из нее — в 19 дивизию 2-го Белорусского фронта. После ранения — в запасной полк, а оттуда — к вам".

Странно, но сказочник затруднялся давать названия своим сказкам, поэтому при перечне его репертуара многие названия сказкам я давал сам ("Рога", "Звериное молоко" и т.д.) — по памяти воспроизводя указатель сказочных сюжетов Аарне/Андреева — надо ли говорить о том, что его не было со мной на фронте! Денисов же ограничивался указанием самого общего типа: "Ну, это тоже про солдата, только другая!".

Я сумел в свое время записать от И.К. Денисова только шесть сказок, все

они приводятся в приложении.

Сказочник И.С. Лядов — молодой, разбитной парень, в прошлом ("на гражданке") — продавец мясного отдела, москвич; 1918 г. рождения — знал великое множество анекдотов и бытовых сказок, причем очень много антипоповских. Анекдоты сыпались из него как горох из прохудившегося мешка, причем Лядов никогда не ждал, когда его попросят рассказать "что-нибудь этакое...", а всегда сам встревал в разговор и вставлял от себя: "Это что, а вот еще такой случай был..." или: А вот я еще такую историю..." — и шел очередной анекдот. Все его сказки были очень короткими, как правило, С неожиданными концами. Бойцы любили Лядова и часто, особенно между делом, подначивали его: "А ну-ка, Илья, сбреши что-нибудь нам" — и тот моментально откликался. Репертуар Лядова мне записать не удалось, потому что он давал такие названия [62:63] своим сказкам, которые состояли сплошь из так называемых заборных надписей, да и сами тексты были густо пересыпаны нецензурными выражениями.

Конечно, в репертуаре второй роты были и песни. Бойцы отдавали предпочтение строевым песням гражданской войны, маршевым песням предвоенных лет и даже старым солдатским песням дореволюционной эпохи — например, в большом ходу была песня:

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши деды?
Наши деды — славные победы,
Вот кто наши деды!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши отцы?
Наши отцы — славны полководцы,
Вот кто наши отцы!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши матки?
Наши матки — теплые палатки,
Вот кто ваши матка!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши сестры?
Наши сестры—штыки, сабли востры,
Вот кто наши сестры!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши братья?
Наши братья — жаркие объятья,
Вот кто наши братья!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши детки?
Наши детки - пули, ядра метки,
Вот кто наши детки!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши жены?
Наши жены — пушки заряжены,
Вот кто наши жены!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши тетки?
Наши тетки — крепкие подметки.
Вот кто наши тетки!

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши бабы? [63:64]
Наши бабы — рытвины, ухабы,
Вот кто наши бабы!

Эта песня распевались вторым взводом роты, запевала Семен Кирсанов, 1917 г. рождения, уроженец Витебской обл.

Из лирических песен предпочтение отдавалось старинным русским романсам литературного происхождения — "Вечерний звон", «Однозвучно звенит колокольчик», "Вот мчится тройка почтовая", "Накинув плащ, с гитарой под полою" и др.

Я уже говорил, что маршевой песней второй роты была песня кубанских казаков. На выбор ее, несомненно, повлияло то, что командир роты сам был с Кубани, знал и любил эту песню. Эх, посмотрели бы вы, каким гоголем шел он впереди роты, когда бойцы пели:

Ой, да командир наш нетрусливый,
Шел все время впереди!
Получил большую рану
От фашистов на груди.

Ой, да ой, вы братцы, вы кубанцы,
Не бросайте вы меня.
Жив я буду, не забуду,
Всех в Россию приведу!

Один из командиров взводов второй роты лейтенант В.Г. Белов отличался тем, что любил пересыпать свою речь поговорками и присловьями, в том числе и в процессе обучения бойцов азам военной науки. Я записал несколько наиболее метких его изречений, но должен признаться, что ни разу не слышал,

чтобы кто-либо другой употреблял в речи эти выражения. Поэтому я затрудняюсь отнести их к устному народному творчеству но тем не менее — привожу эти записи:

Не жди пушку — бери фашистов на мушку!
"Катюша"-миномет везде врага найдет!
Наш обычай простой: портянки высушил — и в бой!
Не посмотришь — не увидишь, не расспросишь — не найдешь!
В атаке граната заместо брата.
Ротой гордись, да и сам отличись!
Командирский приказ — Родины наказ!
С песней дружить — в походе не тужить!
Трусу Тимошке протягивать ножки.
Где робкий Семен, там враг силен.
Винтовка без ухода что конь без овса. [64:65]
Смекалка в войне помогает вдвойне.
Умел — да смел — пятерых одолел!

Я не сумел выяснить, откуда Белов набрался этих образцов народной мудрости, так как отношения наши как-то не сложились, и мне (сейчас я уже не помню, почему) так и не пришлось найти источник его интереса к пословичному материалу.

Заканчивая рассказ о репертуаре второй роты, добавлю, что именно в этой роте сказывал сказки и еще один сказочник из ремвзвода Максим Петрович Минаев, 1901 г. рождения, родился на хуторе Красном Сталинградской обл., образование 3 класса. Сказки усвоил в 1944 г. в запасном полку в г. Кракове от рядового солдата, парикмахера батальона, еврея Крамера — так он сам объяснил мне. К нам в часть прибыл в 1944 г. Как сказочник он был неважный, с ограниченным репертуаром, но рассказывать сказки любил, рассказывал живо, с увлечением, заинтересованно. Когда он узнал, что я во второй роте записывал сказки, он сам ко мне пришел и попросил, чтобы я записал и от него тоже — см. приложение.

Самым распространенным жанром в репертуаре третьей роты была лирическая песня, преимущественно народная. Показательно: служивший в этой роте сказочник Васильев В.В. в своем подразделении сказок не рассказывал, а ходил во вторую роту, где к его сказкам относились с большим вниманием и слушали охотно. Как сказочник он пользовался большим авторитетом, может быть, потому, что он охотно вводил в текст сказки отклики на текущие события в части, осовременивая тем самым сказку и привязывая ее к своей аудитории. Сказки он любил главным образом авантюрные, с ярко выраженным любовным уклоном, но никогда не сбивался на скабрезности и фривольности. Его излюбленным героем был верная жена, терпеливо дожидающаяся в разлуке своего мужа. Вот начало его сказки об Иване да Марье: "Ну, вот, братцы вы мои, жили Иван да Марья. Жили — не тужили, надеялись на лучшее. Вот, надо, стало быть, Ивану ехать в чужедальные края, и

оставляет он Марью дома и наказ ей дает себя соблюдать верно и честно. Ну, вот Иван уехал, а Марья дома сидит, в окно не глядит, на гулянки не ходит — ну, вот, прямо как Людмила нашего Захаркина..." Или, скажем, в сказке "Беспечальный монастырь": "Ну, вот едет Петр I, видит надпись: "Безпечальный монастырь". И разгневался. Как это вы так без забот и печалей живете? Вот я вам составлю сейчас диспозицию: сосчитайте, сколько звезд на небе, глубока ли земля и [65:66] сколько я стою? Поставил задание — и уехал, ну, вот, как подполковник, что нас анадысь[18] проверял".

Маршевая песня третьей роты была "Моряк". Эту песню любили, охотно ее исполняли, но вот выбыл из части запевала Герасимов, выбрал командир нового запевалу, Стрелкова, а тот заявил: "Запевать "Моряка" не буду. Мы не моряки, а химики. Про химиков песен нет, будем петь военную". В результате маршевой песней третьей роты стала "Распрягайте, хлопцы, кони". В свободное время у бойцов третьей роты часто можно было услышать народную лирическую песню «Что стоишь, качаясь", "Снеги белые, пушистые", "Уж ты, степь моя", "Скакал казак через долину", "Я вечор в лугах гуляла", "Цвели, цвели цветики, да завяли", "У зари-то у зореньки" и т. д. Пели негромко, душевно. Приходили любители из других рот, подпевали, "оттаивали" душой, как говорили мне бойцы.

Пели, конечно, и современные песни, но тоже главным образом, лирические: "Парень кудрявый, статный и бравый", "Андрюша", "Чайка смело пролетела", "Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат" и др. Очень популярной в роте была песня "Письмецо":

Я пишу тебе, моя родная,
Письмецо в далекие края.
О тебе я часто вспоминаю,
Радость ненаглядная моя!

Под Москвой в жестоком пекле боя
Нас повел в атаку политрук.
Мне казалось, ты идешь со мною,
Локоть к локтю, мой далекий друг.

Мы в Смоленск с победою входили,
Город пел, шумел и ликовал.
Девушки навстречу нам спешили —
В каждой я тебя распознавал.

И опять без устали шагая,
По дороге трудной, фронтовой,
Вижу я всегда тебя, родная,
В каждой санитарке боевой.

[18] Анадысь - недавно.

Час настанет — встретимся с тобою,
Обо всем тогда поговорим.
А сейчас мы снова в гуще боя,
За злодейства мы фашистам мстим. [66:67]

Еще одну фронтовую песню любили в третьей роте. Ее принес с собой боец Кульбакин Е.С., усвоивший ее в запасном полку:

Возле города Ростова,
Недалеко от Донца,
Комиссара молодого
Вражья пуля подсекла.

Он склонялся и склонялся,
Тихо падая к земле,
И как будто улыбался,
Улыбался, как во сне.

Вот вам гарусом обшитый.
Вот вам шелковый кисет,
А жене вы напишите,
Что меня уж больше нет.

А еще вы напишите,
Чтоб сыночка сберегла,
Воспитала коммунистом,
Рассказала про меня.

Над могилой комиссара
Наклонилось два бойца,
Поклялись священной клятвой:
"Отомстим мы за тебя!"

Возле города Ростова
Недалеко от Донца,
Комиссара молодого
Хоронили два бойца.

В целом можно сказать, что третья рота была самой "песенной" изо всех подразделений части. В роте было много хороших певцов, с развитым вкусом, умевших привить любовь к настоящей песне своим слушателям.

Я уже говорил о взводе разведки, когда рассказывал о том, как у них произошла смена маршевой песни. Что же касается репертуара этого взвода, то основу его составляли авторские песни военных лет, довоенные молодежные

песни, песни из кинофильмов и громадное, просто невообразимое количество частушек, учесть которые, а тем более записать не представлялось никакой возможности. Бойцы взвода разведки часто устраивали своеобразные соревнования частушечников — кто кого перепоет, не повторяясь, либо организовывали тематические соревнования: сегодня будем петь про любовь или: сегодня будем громить Гитлера, или: нынче у нас про Москву и [67:68] т.д. Было два случая "сольных" выступлений. Во взводе служило три непревзойденных частушечника. Одним из них был М.И. Соколов Белянкин, прибывший в часть из-под Ленинграда, с фронта, и принесший с собой много новых частушек. Свои выступления он всегда начинал с частушки, сложенной в суровую зиму 1941 г.:

Напрасно фрицы с Гитлера
Ждут шерстяного свитера:
Из гитлериных усиков
Не выйдет даже трусиков!

Второй — это боец Микешин И.Г., 1925 г. рождения, уроженец Ивановской области, отличался тяготением к любовной частушке. Боец Смеляков Я.Г., 1924 г. рождения, уроженец Ярославской обл. любил частушки сатирические, острые, с неожиданными концовками. Он обладал высоким звонким голосом и любил петь частушки в паре с Микешиным (баритон), это звучало необыкновенно. Смеляков часто пел за девушку, и это никого не смущало. Вот примеры "парного" исполнения:

Смеляков:
На миленковых конвертах
Треугольная печать.
Миленочек, где ты, где ты,
Куда буду отвечать?

Микешин:
Ты пиши, моя залетка,
Прямо в армию, на фронт.
Твой миленок — пулеметчик,
Фрицам жару поддает!

Смеляков:
Мой миленок не в тылу.
Он в бою, в самом пылу.
Как уехал воевать,
Велел верно его ждать.

Микешин:
Дожидай меня, залетка,

Днем и ночью жди и жди.
Одному лишь верь, залетка —
Наше счастье впереди!

Смеляков:
Сердце ломит, грудь не дышит,
Телеграмму отобью: [68:69]
"Что ж ты, миленький, не пишешь?
Или раненый в бою?"

Микешин:
Я пишу тебе, залетка,
Мне писать тебе не лень.
Только наш почтарь ленивый
Ходит к штабу через день и т.д.

Очень много пелось частушек про Гитлера с постоянным эпитетом "косой":

Косой Гитлер за столом
Пишет заявление:
"От советской от "Катюши"
Нег совсем спасения" (Соколов).

У косого долги пальцы
По земле волочатся.
Отчего волочатся?
Взять Россию хочется! (Смеляков)

Эх, веревка на осине
Любо-дорого смотреть.
Скоро Гитлеру косому
На веревочке висеть! (Смеляков).

Косой ехал на Восток
Сцапать лакомый кусок.
Сколько ни старается —
Все равно подавится! (Ермилов).

На пригорке травка сохнет,
Скоро их косой подохнет,
Не подохнет, так убьем,
Иль живого заберем! (Сенчаков).

Гитлер русского спросил —

Хватит ли оружия?
Хватит, хватит, черт косой,
Вся Москва загружена! (Петин).

О "косом" Гитлере мною записано много частушек и от гражданского населения, с которым нашей части приходилось тесно общаться, особенно в 1942–1943 гг. Вообще следует отметить, что образ "косого" Гитлера прочно вошел в народное сознание и варьируется по-разному. Прежде всего, именно Гитлер оказывается первопричиной войны и всех пришедших с ней несчастий:

Косой Гитлер-сатана, [69:70]
Из-за тебя идет война,
Из-за тебя страдает милый,
А по нем страдаю я!

— пела Клюшина Мария 1921 г. рождения, уроженка Смоленской обл. От нее же я слышал и такие частушки:

Бели б дали бы мне крылышки,
Слетала б на войну,
Отрубила бы я голову
Косому Гитлеру!

Как на горочке две елочки,
Боюсь, что уколюсь.
Через Гитлера косого
Я с миленком расстаюсь!

И другие девушки упрекали Гитлера в обрушившихся на них несчастиях:

Не виню я ягоднику,
Не виню военкомат,
Виню Гитлера косого,
Заставляет воевать

— пела Нюра Кулдыркаева, 14 лет, в дер. Баковка Московской обл.

Дайте дроличке винтовочку
И серого коня,
Он убьет косого Гитлера —
И кончится война

— записано от Савеловой В.И. в 1943 г. Она — уроженка Ленинградской обл. 1919 г. рождения. Третью строчку этой частушки в другой раз она спела так: "Он убьет заразу-Гитлера".

До чего ж я исхудала,
Нет кровиночки одной:
Из-за Гитлера косого
Погиб мой дорогой

— услышал я во время остановки эшелона в 1943 г. в Смоленской обл. от неизвестной мне девушки. А на следующий год, при встрече с партизанами Белоруссии, я записал и от них несколько частушек о "косом" Гитлере:

Мы не будем унывать,
Будем веселиться. [70:71]
А у Гитлера косого
Дело не клеится!

— пел партизан Петрухин А.И. 1918 г. рождения, из-под Орши. А партизан Юдин И.Г., 1919 г. рождения, уроженец Витебской обл., спел такую частушку:

Косой Гитлер на осине,
Муссолини на ели.
Обовшивели фашисты,
Не закончивши войны!

Но вернемся к частушкам, исполнявшимся во взводе разведки. Они были окрашены каким-то особенным лиризмом, особенно бросающимся в глаза в суровой и постоянно меняющейся обстановке военного времени. В начале формирования у нас было оружие "бу", т.е. бывшее в употреблении, пригодное только для учебных целей. Но после окончания боевой учебы нам были вручены новые винтовки и карабины, автоматы — и сразу же во взводе разведки зазвучала частушка:

Эх, винтовочка, винтовочка,
Подруженька моя,
Охраняй, моя винтовочка,
Советские края!

Часто в частушках использовались традиционные песенные обороты. Приуроченные к новым военным условиям, они звучали неожиданно свежо и ярко.

Понапрасну, Гитлер, ходишь,
Понапрасну танки бьешь:
СССР не завоюешь
И в Москву не попадешь!

— пел боец взвода разведки Семин, причем в другой раз он ту же частушку пропел несколько иначе:

Понапрасну, Гитлер, ходишь
Понапрасну ножки бьешь:
Ты Россию не захватишь,
Как собака, пропадешь!

Традиционным был зачин и в другой частушке:

Я хотела суп варить,
Получилась каша.
Сколько Гитлер ни воюй, [71:72]
А победа — наша! (Смеляков).

Наличие большого количества частушечников во взводе приводило к тому, что некоторые из них "специализировались "на определенном виде запевок и именно его и культивировали.

Так, боец Кузнецов пел серию частушек с такой запевкой:

Сидит Гитлер на заборе,
Плетет лапти языком,
Чтобы вшивал команда
Не ходила босиком!

или:

Сидит Гитлер на заборе,
Лопает картошки,
Гитлерята под забором
Собирают крошки!

или:

Сидит Гитлер на заборе,
Просит кружку молока,
А доярка отвечает:
"Подою сейчас быка!"

Были также циклы частушек, начинавшиеся с запевок: "Я на бочке сижу" или: "Из колодца вода льется":

Из колодца вода льется,
Вода — чистый леденец.

Наша армия дерется,
Скоро Гитлеру конец! (Шамшилов И.Г.)

Были у нас в части также хозяйственный и ремонтный взводы, однако у меня не сохранилось списков репертуаров этих подразделений за исключением репертуара повара нашей части, украинца Демченко М.И. Во время работы, ночью, когда он готовил пищу для батальона, он всегда пел песни и очень любил, если в наряде на кухню попадались бойцы, которые ему подпевали. Русские песни пел редко, любил только песню "Черный ворон", памятную ему по кинофильму "Чапаев". Частушки не признавал совсем и называл их даже "поганюшками". Тяготел к разливистой многоголосой казацкой песне, из-за чего больше всего ценил кубанскую строевую песню: "Ой, да вспомним, братцы, вы кубанцы". Как певец М.И. Демченко пользовался в части большим уважением. И голос у [72:73] него был несильный, а вот исполнение было необыкновенно душевным. Мягкий украинский акцент придавал его исполнению какое-то особое очарование. "За душу берет, Родину вспоминаешь, когда он поет" — вот что говорили бойцы о его исполнении. Маршевых песен не пел никогда. В его речи было много украинских пословиц и поговорок, из них чаще всего он употреблял: "Хочь гіше, або інше", а также "Хоч круть, хоч верть — все одно фашистам смерть!" Очень часто он употреблял и присловье: "Наша сила сім'я едина".

*в) Некоторые вопросы изменения фольклорного материала*

Одной из особенностей фольклорного репертуара воинской части на фронте — и в этом его отличие от фольклорных коллективов мирного времени — это его постоянная изменчивость. Это изменение тем активнее, чем подвижнее сама воинская часть и чем непостояннее обстановка на фронте. Первое время существования нашей части, в период ее формирования и боевой учебы, когда мы находились в тылу, в резерве, не участвовали в боях, репертуар части мало изменялся. Правда, происходило постоянное его пополнение за счет тех песен, которые усваивались исполнителями части из новых фильмов, передач радио, а также от постоянного притока или убыли бойцов — создателей и носителей фольклора.

Так, в 1942 г. в связи с прибытием в часть бойца Головни И.С, 1922 г. рождения, уроженца Астраханской обл., получила распространение принесенная нм песня (усвоенная им в запасном полку) на жгучую для фронтовиков тему переписки. Я уже упоминал о том, что это была одна из основных тем фронтовых песен: ведь вестей из дому ждали жадно, приход почтальона в часть был событием долгожданным. Письма от матерей и любимых, от отцов и братьев, письма к родным и близким помогали скрашивать разлуку, легче ее переносить. Особенно запомнилось, как ждали освобождения временно оккупированных местностей те бойцы, родные которых проживали "под немцем" более или менее длительное время. Принесенная Головней песня надолго стала своеобразной душевной опорой для

ожидавших писем из дома:

Голубой конверт

К тебе сквозь туманы, леса и поляны
Лети, мой конверт голубой.
Лети, мой листочек, родной голубочек,
В тот дом, где расстались с тобой!

Пусть горы высоки, пусть степи широки — [73:74]
Письмо прилетит в край родной.
О смелых ребятах, о грозных атаках
Расскажет конверт голубой.

Ты помнишь, сказала, когда провожала:
"Разлуку враги принесли!".
Тех слов не забуду, я бью их повсюду,
Чтоб нас разлучить не могли.

В боях и походах, в жару, непогоду,
Лишь вспомню твой голос родной,
Мне станет светлее, мне станет теплее,
Как будто ты рядом со мной.

К тебе сквозь туманы, леса и поляны
Лети, мой конверт голубой!
Лети, мой листочек, лети, голубочек,
В тот дом, где расстались с тобой!

Интересно отметить, что в песнях о переписке большую роль играли и цвет, и форма конвертов. Цвет конверта, как правило, указывался голубой или зеленый (причина ясна: по народным верованиям, голубой — цвет верности; поэтому так и были популярны песни о голубом платочке и голубом шарфе! зеленый же — цвет надежды, надежды на встречу!), а форма — треугольная, столь распространенная в дни войны, когда конвертов почтовых не хватало. Да и что их было заклеивать, если на каждом из них стоял штамп: "Проверено военной цензурой!".

Тема переписки встречалась не только в песнях, но и в частушках:

Ветер дует, лес качает,
До сырой земельки гнет.
Милый письма присылает
Не читавши, сердце мрет!

– эту частушку прислала в письме шоферу нашей части Хмелькову его

девушка из Пензенской обл. В другом ее письме были такие частушки:

Дорогой мой дорогуша.
Ты меня не забывай,
Треугольные записочки
Почаще присылай!

Я, бывало, ожидала
Дорогого на крыльцо,
А теперь я ожидаю
Треугольно письмецо! [74:75]

Изменение репертуара части происходило также при переезде части на новое место, в иную фольклорную среду. Так было с нашим батальоном после переезда из близкого Подмосковья в лес под деревней Бородино Можайского района. Естественно, что близость славного Бородинского поля была широко использована командованием части. Было организовано несколько экскурсий на поле, политработники провели беседы на тему "Бородинский бой в 1812 и 1942 гг.", были устроены громкие читки избранных мест из "Войны и мира" Л.Н. Толстого, организован и вечер самодеятельности на ту же тему, выпущены боевые листки по подразделениям и т.д. И вот в репертуаре первой роты появилась песня:

По дороженьке по широкой,
По Можайской,
Туда шла-прошла наша армия,
Красна гвардия.
Три полка солдат, молодые все,
Безбородые.
Впереди полков знамена несли
Простреленные.
А мы шли прошли, а мы поле прошли
Бородинское,
А мы силу гнем, а мы силу бьем
Все фашистскую.

Песню ввел в обиход сначала своего взвода, а потом и всей роты командир взвода Михаил Кузнецов, уроженец Архангельской обл. Эту песню (первые два куплета) он слышал от своего отца, солдата Первой мировой войны. Окончание он присочинил сам и в таком виде разучил со своим взводом. Песню пели охотно, но стоило нам переехать из бородинских лесов под Смоленск, как песня забылась. Ее вспомнили лишь за рубежом, после окончания войны, когда вспоминали весь путь, пройденный ветеранами нашей части, но длительной популярности песня так и не получила.

Но зато как только мы переехали под Смоленск (опять в глухие леса,

вдали от деревень), как вдруг начали бытовать песни, связанные с местной фольклорной традицией. Так, большую популярность в части получила песня "Девушка из Смоленска":

Далекая, любимая подруга,
Дошли ко мне прощальные слова.
Мы далеки с тобою друг от друга,
И клонится печально голова.

Я вижу грусть в твоем девичьем взоре,
Но мы сотрем беды и рабства след. [75:76]
Мне в сердце врезалось твое лихое горе,
И я приду к тебе дорогою побед.

Да, я приду. И вспыхнет пламя мести.
Мы отомстим мучителям твоим.
Клянусь тебе красноармейской честью.
Что мы сполна фашистам отомстим!

Тебе осталось ждать уже немного,
Ты жди меня — и как настанет май,
С зарею на знакомую дорогу
Ты выходи любимого встречать.

Но если мне, любимая невеста,
Не суждено увидеться с тобой,
Фашистам в жизни не найдется места,
Они за все ответят головой.

Пусть зарываются в окопы и землянки,
Но я везде фашиста отыщу
И за тебя, за девушку-смолянку,
За молодость твою я отомщу!

Изменение репертуара части происходило и тогда, когда в ее состав вливалось большое количество бойцов нового пополнения одной национальности. Наша часть, как и все остальные в армии, была, конечно же, многонациональной. Но вот однажды во время пополнения к нам прибыло много украинцев со своими родными песнями — и вот в части то там, то тут можно было услышать и "Заповіт" Т.Г. Шевченко, и "Реве тай стогне", и "Повій, вітре, на Вкраіну"... Показательно то, что песня "Распрягайте, хлопцы кони", которую раньше пели с русской огласовкой, ("выйду", "копал", "она" и т.д.) с приходом украинцев стала петься по-украински "ищу", "копав", "вона" и проч.); Особенно популярны были песни "Іхав козак на війноньку", "Ой, на горі', "Стоит гора високая","Іхав козак за Дунай" и др.

Однажды к нам в часть прибыло сразу четыре бойца-грузина, один из них знал много народных грузинских песен, но по-русски говорил плохо, передать свой репертуар, конечно, не мог, но зато песня "Сулико" получила длительную популярность. Песню пели по-русски, а боец Кикабидзе подпевал по-грузински, и это не только не мешало остальным, но и многие пытались петь ее тоже по-грузински вслед за запевалой.

Обновление репертуара части проходило постоянно, но хотелось бы подчеркнуть при этом роль мастеров устного словесного творчества: именно с их приходом в часть в ее репертуаре и [76:77] "укреплялись" новые произведения — до этого с ними были знакомы, но вот популярностью они не пользовались. Мастера приносили с собой свой, в какой-то степени новый материал и тем самым обновляли и пополняли уже существовавший до них.

Несмотря на свою популярность и действенность, радио в нашей части не было главным источником новых песен. И это не потому, что в радиопередачах не было песенного материала. Дело в том, что наша часть располагалась обычно вдали от населенных пунктов, чаще всего в лесах и имела только одну рацию. Поэтому радио не всегда доносило до бойца новые песни, которые он мог бы сразу воспринять.

Точно также и печать не всегда могла удовлетворить потребность бойцов в новом песенном материале. Новые песенники и журналы приходили на фронт хотя и в большом количестве, но все же их не хватало. Гораздо большее значение в этом смысле имели фронтовые газеты, систематически печатавшие новые песни, а так же творчество поэтов-фронтовиков — частушки, стихи, пословицы и проч. Тем самым газеты во многом способствовали распространению на фронте устного народного творчества.

Большую роль в деле пополнения песенного запаса батальона сыграла та переписка между бойцами и девушками из тыла, познакомившимися друг с другом во время этой переписки, которая приняла подлинно всенародный размах. Бойцы и девушки зачастую обменивались именно такими песнями, которые были особенно популярны в то время, которые чаще и легче всего усваивались народом. Кроме того, в письмах сообщались чаще всего не подлинные авторские тексты, а уже подвергшиеся обработке материалы. Именно путем переписки бойцы узнавали новые песенки из кинофильмов, песни советских композиторов. Так, именно через переписку пришла в нашу часть песня все на ту же вечную тему о встрече после войны:

Я приду негаданно-нежданно
И в родимой нашей пироне
В час, когда горит закат багряный,
Милая, подумай обо мне!

Вспоминай последнее свиданье, —
Сколько мы не виделись с тобой!
Помнишь, на перроне, в знак прощанья,
Ты махнула ласково рукой?

...Шли мы в зной и в снежные метели,
Падали и поднимались вновь.
На моей простреленной шинели
Зареклась и порыжела кровь.

И когда в бою земля дрожала [77:78]
Или в краткой тишине ночной, —
Про тебя всегда я вспоминаю.
Там, где я, — поверь, и ты со мной.

Для тебя сберег я в сердце ласку,
За тебя на подвиг шел я в бой:
Ничего, что под солдатской каской
Голова покрылась сединой.

Знаю я, что, поздно или рано,
Постучу в твою родную дверь.
Я приду негаданно-нежданно.
Жди меня, любимая, и верь!

Эту песню прислал ефрейтору Зеленкову К.В. его товарищ, служивший где-то под Ельцом — и песня прижилась в нашей роте.

Значительным источником новых песен служили бойцы, которые регулярно бывали вне расположения части. Постоянно общаясь с новыми людьми, они нередко являлись своеобразными передатчиками новых песен. К ним относились почтальон, экспедитор, работники хозвзвода; именно экспедитор принес в нашу часть песню об Одессе:

На свете есть такой народ, он весело живет,
Всегда веселый тот народ, танцует и ноет.
И только вы спросите — ответят одесситы:
"Зачем таких на свет нас мама родила?"

Припев:
Эх, Одесса, терпи пока, родная,
Эх, Одесса, придет пора иная,
Эх, Одесса, тебя мы встретим вновь, —
К тебе, Одесса, храним свою любовь!

Плывут над морем облака, объяты бирюзой.
Стоит на берегу крутим чудесный город мой.
С песнею встречает, с песней провожает, —
Одесса-мама, чудный город мой!

Припев.

Одесса-мама, ты теперь в подполье загнана.
Настанет новая пора, и крикнем мы: "Ура!".
А подлый Антонеску сделает драпеску, —
С Одессой его номер не пройдет!

(Припев).

Эта песня была исполнена на вечере самодеятельности, исполнялась в ротах (среди нас были и воины-одесситы), но после освобождения Одессы исполняться почти перестала. [78:79]

Регулярно бывали вне расположения части работники хозвзвода и тоже приносили в батальон новые песни. Особенно это можно сказать о шоферах. Многие из них (Воронин, Хмельков) сами были любителями песен, поэтому они всегда стремились скорее узнать о новых песнях и принести их в свой взвод.

Репертуар части менялся не только под воздействием внутрифронтовых, внутриармейских условий. Определенное воздействие на творчество фронтовиков оказывала и местная фольклорная традиция, с которой бойцам неминуемо приходилось сталкиваться. Ведь воинская часть дислоцируется или воюет в определенной местности, и под влиянием меняющихся внешних условий расположения изменяется и репертуар части. При переезде на новое место, в новую фольклорную среду появляются в репертуаре и новые песни и частушки. Я уже говорил о том, что это было особенно заметно при переезде из Московской области в Смоленскую. Одно подразделение было выслано заранее вперед за месяц для подготовки землянок. Месяц они жили среди смоленских крестьян. Когда же на это место прибыла вся часть, то оказалось, что у тех бойцов, что были высланы заранее, бытуют почти исключительно местные песни и частушки, в том числе много белорусских, партизанских.

В период наступательных боев в Белоруссии летом 1944 г. репертуар части также изменился. При освобождении Могилева наши бойцы были горячо и радостно встречены местным населением. Первая просьба женщин была — спеть им наши новые советские песни, которых они не слыхали три года. Каждая песня встречалась слезами. Из народных песен особенно понравилась "Глухой неведомой тайгою", из советских лирических — "Спит деревушка". Бойцы были потрясены встречей и особенно той горячей любовью, с которой слушались наши советские песни. После этого в продолжении всех наступательных боев в части неизменно бытовали современные советские песни, главным образом, лирические. Народная традиционная песня временно отошла на второй план. По тематике наиболее популярными были песни о встрече: "Ты ждешь, Лизавета", "Спит деревушка", "Помню сентябрьский вечер" и др.

При переезде батальона в Белоруссию в плясовом репертуаре бойцов появилась "Лявониха", пользовавшаяся всеобщим признанием в продолжении

всего пребывания части в Белоруссии. От белорусских девчат в репертуар наших бойцов перешли прежде всею частушки, среди них и тс, в которых выражалась уверенность, что со смертью Гитлера окончится и война. Вот что спела нам жительница Могилева Каменева М.И.

Скоро, скоро час настанет,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро Гитлера не станет, [79:80]
Люди мирно заживут!

Ну, а наши бойцы передали белорусским девушкам песни, о которых они в оккупации и не слыхивали: "Ничего не говорила", вальс "В лесу прифронтовом", песенку Вари из кинофильма "В шесть часов вечера после войны", "Офицерский вальс" и др.

Во время дислокации части в Белоруссии к нам нередко приходили девушки специально "за песнями", а однажды замполит батальона откомандировал запевалу нашей части Александра Козярского на целый воскресный день по просьбе комсорга возрожденного колхоза для обмена творческим опытом.

При переезде на новое место дислокации появлялись и новые певцы. Так, при переезде в Белоруссию начал петь белорусские песни метеоролог нашего батальона ("ветродуй", как его шутливо называли бойцы!) белорус ефрейтор Клименков, до этого никогда с песнями не выступавший (он был уже в возрасте). Это был довольно мрачноватый и замкнутый, пожилой уже для армии белорус, любивший покалякать вечерком с сапожниками нашей части о жизни, но никогда не певший. Даже в строю он обычно только рот раскрывал да подхватывал "Эх!" А приехали под Кричев — и он запел, да еще и плясать начал: именно он ввел в части "Лявониху".

Итак, местная фольклорная традиция оказывала несомненное влияние на репертуар нашего батальона и в свою очередь испытывала взаимное воздействие. Интересные наблюдения были сделаны мною в этой области: творчество фронтовиков усваивалось в первую очередь детьми и надолго оставалось в их памяти. Я проверил это экспериментально: воспользовавшись служебной командировкой, я посетил те места, где мы располагались ранее, и побеседовал с местным населением. Так вот Толя Петров и Коля Иванченко из дер. Бородино помнили репертуар нашей части, вернее, одного из подразделений, первой роты, спустя полтора года после нашего отъезда: из 24 песен роты они назвали 19. Взрослые же вспомнили только 8 песен. То же самое я наблюдал и под Смоленском, и под Кричевом. Позднее я не имел возможности возвращаться на места своей бывшей дислокации и потому никаких иных наблюдений сделать не смог.

Конечно, значительное изменение репертуара произошло при переходе государственной границы. Вначале мы вошли на территорию Полыни. Нам было очень интересно услышать на ее территории, а также на территории Западной Белоруссии, частушки; исполнявшиеся по-русски. Вот одна из них:

Шел фашист в Россию прямо,
Из России — косяком.
Шел в Россию он обутый. [80:81]
Из России — босиком!

Чем дальше отдалялись мы от границ своей Родины, чем глубже вклинивались наши войска в расположение противника, — теперь уже на вражеской территории! — тем большей популярностью в части стали пользоваться русские народные песни — "Уж ты, степь моя", "Что стоишь, качаясь", "Всю-то я вселенную проехал" — вот наиболее часто исполнявшиеся русские народные песни. Пели и украинские — "Роспрягайте, хлоці, коні", "Реве тай стогне", "Ой, за гаем, гаем" и др. Из советских песен самыми популярными в период наступательных боев 1944-1945 гг. были песни героического характера. Не меньше пели и сатирические песни и частушки, высмеивающие фашистскую армию. Так, на одном из вечеров самодеятельности прозвучала пародия на популярную песню о синем платочке. Спел ее лейтенант Гунченко:

Синенький скромный платочек
Немец в деревне украл,
В долгие ночи синим платочком
Спину себе покрывал.

Порой ночной
Лишь ветра протяжный вой...
Сжавшись в комочек, накинув платочек
Мерзнет фашист под Москвой.

Крепче и крепче морозы,
В поле — метель да пурга...
Льют фрицы слезы от наших морозов,
Им не уйти никуда.

И вот зимой
Удар получив под Москвой
В панике фрицы мчат от столицы —
Им не вернуться домой!

Били их под Сталинградом,
Били на Курской дуге —
Бьем в Белоруссии, в Латвии, в Пруссии,
Бьем на земле и в воде

И вот весной

Снарядов советских вой...
Едут к Берлину наши машины
И скоро вернутся домой!

В это же время с нашей красноармейской эстрады прозвучала песня-пародия на известные куплеты В. Гусева о двух друзьях-сослуживцах: [81:82]

Служили два фрица в одном полку,
Пой песню, пой!
И был один из них труслив,
И смерти боялся другой.

Грабили фрицы французский народ,
Били старух и детей.
Ну, а потом на восточный фронт
Гитлер отправил друзей.

Мерзли они в российских снегах,
Пой песню, пой!
И вот обуял одного из них страх,
И щелкал зубами другой.

Однажды под Вислой шел жаркий бой,
Пой песню, пой!
И вот суждено было фрицам пасть
В польской земле чужой.

Служили два фрица в одном полку —
Пой песню, пой!
Снайперской пулей сражен был один,
В воздух взлетел другой!

Песня понравилась бойцам, но в полном виде исполнялась редко. Так, помурлыкает кто-нибудь себе под нос два-три куплета — и всё.

За границей наши части столкнулись с немецкой музыкой — пластинки с немецкими песнями и маршами постоянно встречались нам в отбитых у противника городах. В массе своей советские бойцы отрицательно относились и к немецкой музыке, и к немецким песням. Расскажу в связи с этим об одном запомнившемся мне случае. Во время боев под Данцигом в руки наших бойцов попал патефон с набором немецких пластинок и журналами для фашистских солдат с изображениями всевозможных красоток в самых фривольных позах и нарядах (и вовсе безо всяких нарядов). Это стало обычным уже для наших бойцов — подобного рода находки никого уже не удивляли, никто этим и не интересовался. Наши бойцы рассматривали все это барахло даже с какой-то брезгливостью. Но среди немецких пластинок попалась одна, содержащая

запись русской народной песни "Не шей ты мне, матушка, красный сарафан" (на немецком языке). Когда бойцы услыхали, как какая-то немецкая певичка исполняет песню про "Sarafan", сначала изумлению, а потом и гневу наших солдат не было предела. "Да как они могут исполнять наши народные песни!" — возмущались они. Как я ни пытался объяснить, что ничего криминального в этом нет, что и у нас [82:83] есть пластинки с исполнением немецких народных песен на русском языке — все мои попытки окончились крахом. Бойцы разбили прикладом и пластинку, и патефон в придачу: они не допускали даже самой возможности исполнения на немецком языке русской народной песни и были свято убеждены в том, что фашисты просто издевались над нашим народным творчеством.

Вообще же следует заметить, что русские народные песни за рубежом приобретали особый смысл для советского воина. Они выражали его глубокую любовь к родной земле, утверждали его гордость воина-победителя.

Именно в это время в нашем батальоне широко бытовала песня на мотив "На закате ходит парень", приуроченная к Гитлеру и боям за Берлин:

По Берлину ходит Гитлер
Возле дома своего.
Поморгает косым глазом
И не скажет ничего...
И кто его знает, зачем он моргает? (три раза).

Если спросят: "Что невесел?
Иль не радует житье?"
"Потерял я, — отвечает, —
Войско храброе свое!»
И кто его знает, зачем он теряет? (три раза).

Соберет пяток дивизий —
Он танцует и поет,
А как сводку прочитает —
Отвернется и вздохнет...
И кто его знает, чего он вздыхает? (три раза).

А вчера пришел по почте
Вдруг загадочный пакет.
Приглашают его черти
Поскорее на тот свет.
И кто его знает, зачем приглашают? (три раза).

Мы разгадывать не станем —
Не надейся и не жди:
Ждет тебя — петля да пуля,
Нас — победа впереди!

И сами мы знаем, на что намекаем! (три раза). [83:84]

Эту песню я записал со слов старшины Иванченко М.Б., 1923 г. рождения, уроженца Брянской обл.

Конечно, приход наших войск в чужую страну неизбежно вызывал сопоставление этого чуждого для нас быта с родным, советским. Столкнувшись с сытой и благоустроенной жизнью, бойцы недоумевали: чего фашистам не хватало? Зачем они шли в нашу страну? Долгая разлука с Родиной стала звучать в частушках, распевавшихся в то время:

На березке есть полоски
И в немецкой стороне,
Только русские березки
Во сто крат дороже мне!

Нет, бюргерский уют не прельстил советского воина, особенно когда мы убедились, как содержались в Германии наши советские военнопленные — рабы сытого хозяйчика... Родина всегда сопровождала нас всюду:

Моросят дожди косые
На Штудгардтовском пути.
Лучше матушки-России
Во всем свете не найти...

Даже немецкие аккордеоны первое время отвергались нашими бойцами, отдававшими предпочтение тульской гармонике:

Я с гармошкою-сестрицей
Нашу песню заведу —
Ведь недаром за границей
Песня русская в ходу!

В письме рядовому Климову С.П., 1922 г. рождения, уроженцу Челябинской обл., была прислана в это время частушка, получившая сразу большое распространение и части:

Нас никто не разлучал,
Ни отцы, ни матери.
Разлучили нас с тобою
Фрицы неприятели!

При переходе границы репертуар нашей части изменился и еще в одном отношении: во всех жанрах оживилась тематика скорого окончания войны, причем эта тема снизывалась (традиционно в фольклоре!) с темой весны, несущей избавление от фашистского гнета. Зазвучали бойкие, озорные

частушки:

Скоро, скоро Троица, [84:85]
Скоро лес покроется,
Скоро Гитлера убьют —
Сердце успокоится!

Этот запев-заклинание повторяется и в других частушках:

Скоро, скоро снег растает,
С гор покатится вода.
Наши славные герои
Занимают города!

(записано от бойца-регулировщицы Сапроновой Л.Б. на КПП близ реки Висла).

Скоро, скоро снег растает,
Ручеечки потекут,
Скоро фрицев всех погонят,
А бойцы домой пойдут!

(записано от Сидоркиной Нюры, 16 лет, уроженки Брестской обл.).

Как я гляну на часы —
Половина пятого...
Скоро-скоро разобьем
Гитлера проклятого!

(записано от шофера транспортного батальона Резерва Главного командования, прибывшего к нам с грузом. Фамилию не записал).

Начинает дождик капать,
Разливается вода —
А фашист-то начал драпать,
Как не драпал никогда!

(записано в полевом госпитале от медсестры Лапиной В.А., 1920 г. рождения, уроженки г. Тулы).

Восемь танок, восемь танок.
Восемь таночек подряд.
Самолеты-бомбовозы
На Германию летят!

(записано от раненого Штурмана в полевом госпитале под Марией 6лдом Фамилию не записал).

Скоро, скоро наши танки
По Берлину побегут.
Скоро наши чернобровые
Домой все попридут! [85:86]

(записано от пленницы фашистского концлагеря на дороге от Франкфурта (на Одере) в Бреслау. Фамилию не записал).

Скоро желтые купавочки
Во поле расцветут.
Скоро наши ягодиночки
Из армии придут!

(получено в письме бойцом второй роты Иванченко Б.М., 1922 г. рождения, уроженцем Рязанской обл., от его девушки из Плавска).

Скоро кончится война,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро наши чернобровые
С победою придут!

(из письма Трошиной Любы, 1919 г. рождения, уроженки Томской обл., присланного бойцу Сидорову Л.П., 1917 г. рождения, уроженцу той же обл.).

Пребывание за границей вызвало не только усиленное бытование русских народных песен, но и массовую запись песенного материала бойцами и офицерами. В это время в записные книжки и песенники фронтовиков заносятся всевозможные песни — на память о войне... В этот же период особенно повысился в нашей части интерес к старой солдатской песне, вызванный общим интересом к героическому прошлому русской армии. Как раз в это время и бытовала песня о "Можайской дороге", о которой шла речь выше.

Большое влияние на репертуар части оказало участие бойцов в освобождении девушек-полонянок. С устным творчеством угнанных в рабство девушек одно подразделение нашей части (рота капитана Чумарина) познакомилось в Данциге. Рота участвовала в штурме и взятии Данцига и помогла освобождению заключенных в концентрационном лагере девушек. Но знакомство с песнями узниц не было личным: в наши руки попали дневниковые записи и письма девушек, которые остались в лагере уже после ухода девушек. Тетради с песнями, дневники и письма были собраны комсоргом роты ст. сержантом Иваном Михайловичем Голубом, и на политзанятиях бойцы читали зги волнующие документы. Многие песни были тут же переписаны, некоторые из них начали бытовать в части.

Большинство находившихся в лагере девушек было родом с Полтавщины. В их письмах, прочитанных бойцам, звучала такая горячая и неподдельная любовь к Родине, к близкой сердцу Полтавщине, что это тоже как-то отразилось на бытовавших среди бойцов песнях: частота исполнения украинских народных песен резко повысилась. Особенной любовью стали пользоваться те украинские народные песни, которые были найдены в тетрадях пленных [86:87] девушек, причем бойцы называли эти песни "данцигскими" — по имени лагеря.

Одна из таких песен распевалась на мотив "Раскинулось море широко" и исполнялась особенно часто:

Раскинулись рельсы стальные,
По ним эшелоны стучат,
Они с-под Полтавы увозят
В Германию наших девчат.

Прощайте, полтавские рощи,
Мне больше в лугах не гулять,
Придется в фашистской неволе
Мне век молодой коротать.

Забыть ли нам плач материнский
И хмурые лица отцов,
Которые нас провожали,
Как будто живых мертвецов.

Когда же с победой вернется
Мой брат, краснофлотец-герой,
То все вы ему расскажите
О бедной сестре молодой.

В другой песне, исполнявшейся на тот же мотив; рассказывалось уже о жизни заключенных в самом лагере. В песне было более: 20 куплетов, но среди моих записей сохранилась лишь часть из них — начало и два куплета из середины песни:

Раскинулся лагерь широко,
Там тысячи пленных живут,
Их бьют, истязают жестоко,
Они голодают и мрут.

По сетке бежит электрический ток,
За нею — канавы и доты,
Всегда наготове взведенный курок
И смотрят на нас пулеметы.

"Товарищ, не в силах я на ноги стать" —
Сказал один пленный другому —
"Я сильно ослаб, головы не поднять,
Видать, не вернусь я до дому.

Ты скажешь родным, что я здесь заболел..."
"Эх. полно, мой друг, я не знаю.
На долю нам выпал несчастный удел,
Я сам, как свеча, догораю..." [87:88]

Еще от одной песни у меня сохранилось всего два куплета, а было их гораздо больше: Невысокая по своим художественным достоинствам, она подкупает искренностью н глубокой душевной болью:

Прошла весна, настала осень,
В саду цветочки отцвели.
Меня, девченку молодую,
В фашистский лагерь отвезли.

Ой, мама, милая, родная,
Зачем меня ты родила?
Чтобы фашистскому солдату
Я как подстилочка была...

Показательно, что среди большого количества самых разнообразных лагерных песен мне почти не встречались частушки. Я записал только две:

Как загнали в лагерь нас
У самого озёрушка.
Кто не пожил в лагерях,
Тот не ведал горюшка!

Неужели я пропала
Неужели пропаду?
Неужели по лесочку
Из лагеря не уйду?

Известная и до этого песня "Любимый мой, пора моя настала" в части особенной популярностью не пользовалась. После же встречи с пленными девушками и чтения их дневников эта песня завоевала большую любовь и в течение 2-3-х месяцев была самой популярной песней в роте. На втором месте по популярности была песня, сложенная фашистскими пленницами на мотив старой песни ссыльных "Глухой неведомой тайгою":

Глухой неведомой дорогой,
Германской дальней стороной
Увозят девушек советских
В далекий-дальний край чужой.

Пылит и катится дорога,
Маячит каторга вдали...
Укрой, лесочек, на часочек,
Чтоб убежать бы мы могли!

А там, под дальнею Полтавой,
Осталась мать, остался брат,
Остались сестры дорогие — [88:89]
Ах, не вернуться мне назад!

Отмечено также, что после знакомства с этим, затронувшим душу солдат вариантом гораздо большей популярностью стала пользоваться и песня о бродяге с Сахалина, которую раньше вспоминали очень редко

Совершенно исключительное значение для одного взвода имела встреча с бывшим партизаном, сидевшим в Данцигском концлагере и освобожденным оттуда Советской армией, белорусом из Могилевской обл. Тимофеем Петровичем Цыкуновым. Это был пожилой человек, с широким красным шрамом, тянувшимся от левой брови через лоб и всю голову. Когда бойцы попросили его рассказать о пребывании в концлагере, то он передал им историю своего шрама. Вместе с четырьмя другими партизанами он был ранен, взят в плен и заключен в Данцигский концлагерь. После выздоровления их всех вызвали на допрос, партизаны ничего не сказали: Начальник лагеря приказал им вырезать ленту кожи начиная со лба и через всю голову в знак того, что они были партизаны и носили шапки с красной лентой. Залитых кровью партизан через весь лагерь повели на расстрел. По дороге они пели "Под частым разрывом гремучих гранат" — старую революционную песню (текст — Тана-Богораза). Их расстреляли. Цыкунов остался жить случайно: пуля скользнула по черепу и оглушила его, он свалился в яму. Ямы эти не засыпались, а заливались известью и еще каким-то дезинфицирующим раствором. От этого раствора он очнулся, сумел выползти и был подобран снова военнопленными из Данцигского лагеря. Они привели его опять в лагерь и спрятали в вырытой под полом яме до прихода советских войск. Цыкунов сложил песню, которую тайком, вполголоса стали петь его товарищи по плену:

Под частым разрывом гремучих гранат
Отряд партизанов сражался.
Под натиском немцев, фашистских солдат,
В расправу жестоку попался.

Припев:

Чище равняясь!
Грудью подайсь!
В ногу, ребята, идите!
Бодро, не вешай голов![19]

Нас всех увезли из родных деревень
И в Данциге нас посадили, [89:90]
Воды нам давали по кружке на день,
Гнилою картошкой кормили.

Навстречу нам вышел фашист-генерал,
Он суд объявил беспощадный,
И всех партизанов он сам привлекал
К смертельной, мучительной казни.

Мы сами копали могилу свою,
Готова глубокая яма,
Пред вею стоим мы на самом краю,
Стреляйте вернее и прямо

А он усмехнулся, со злобой сказал:
"Спасибо за вашу работу.
Вы ленту носили, я ленту вам дам,
А волю на небе найдете!"

У нас через голову наискосок
Фашистские гады моментом
Со лба начиная, кровавый кусок
Содрали широкою лентой.

"Не смейся над нами, кровавый старик.
Мы гордо стоим перед вами.
На выстрелы ваши ответит наш клик:
Победа будет за нами!

А вы, что стоите, сомкнувши ряды,
К убийству готовые звери?
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Мы вашим победам не верим.

Настанет пора, и Берлин затрещит,
Завоют снаряды над вами.

[19] Припев повторяется после каждого четверостишия. Обращает на себя внимание близость припева к рефрену в известном стихотворении Беранже "Старый капрал".

За правое дело враг будет разбит,
Победа будет за нами!

И сам случай; и песня произвели на бойцов неизгладимое впечатление. До конца службы взвод пел в качестве строевой песни ту самую революционную песню, на мотив которой создал свою песню Цыкунов. В ней органически оказались вплетенными в текст призывы Верховного Главнокомандования, она вся была пронизана неиссякаемой верой в конечную победу советского народа. Бойцы этого взвода переписывались с Цыкуновым до его смерти — он был убит при форсировании Одера.

Встречались среди песен, сложенных пленниками фашистского лагеря, я варианты на известные ранее мотивы. Они были [90:91] восприняты бойцами взвода, участвовавшего в освобождении девушек. Вот одна из таких песен:

Там вдали, при долине
Громко пели соловьи.
А я, девчонка молодая.
Позабыта людьми.

Позабыта родными
С молодых юных лет,
Я осталась сиротою,
Счастья-доли мне нет.

Вот умру я, умру я,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя.

На мою на могилку
Уж никто не придет.
Только раннею весною
Соловей пропоет.

Пропоет и просвищет,
Как жилось мне в плену,
Как давали лишь свеклу
Да капусту одну...

Еще одна песня (или стихотворение? Не знаю...) сохранилась у меня в автозаписи Ирины Ткачук, 18 лет, уроженки Полтавской обл. Оригинал этой песни был наклеен в нашей стенгазете и через нее широко распространился среди бойцов, которые переписывали ее и обменивались своими записями, посылали их в тыл:

Письмо на родину

Я не знаю, получишь ли, милый,
Этот грязный измятый листок.
Я не знаю, достанет ли силы
Дописать эти несколько строк.

Оторвали меня от родимой,
От любимой Полтавской земли.
Увезли далеко на чужбину,
В плен фашисты меня увезли.

И возили на нас, и пахали,
А устанешь — кричали: "Иди!",
И с железками плеткой стегали
По рукам, по плечам, по груди. [91:92]

А пишу я сейчас на соломе,
Надорвалась на пашне вчера, —
Руки-ноги, все косточки ноют,
Может быть, не дожить до утра.

В семь утра поменяется стража,
И, возможно, из нас одному...
Впрочем, сам он об этом расскажет,
Коль судьба не изменит ему.

Милый мой, увидать хоть во сне бы,
Хоть единым глазком издали
Хоть бы облачко синего неба,
Хоть бы краюшек нашей земли!

Хоть во сне бы пожить на свободе —
Но и сон не приходит в ночи,
Только думушки по сердцу бродят,
Только сердце тревожно стучит.

Обо всем я тебе рассказала,
Что еще я могу написать?
Я бы слезы в письме отослала,
Да исплакалась, нечего слать!

Об одном тебя, милый, прошу я:
За судьбу ты мою отомсти,
Ну, а если полюбишь другую —

Ты вдвоем обо мне погрусти...

Я привожу здесь этот текст, хотя и отчетливо осознаю, что он очень далек от подлинного устного народного творчества. Скорее всего, он представляет собою образец личного творчества пленниц. Но самый факт его широкого распространения в части и в лагере (нами было обнаружено четыре варианта, незначительно отличающихся друг от друга) побудил меня сообщить этот текст, хотя, повторяю, как песня он мне и не встретился.

Можно привести еще много примеров изменения репертуара части под воздействием внешних причин. Так, репертуар второй роты изменился после возвращения из госпиталя трех бойцов, которые принесли с собой новые, "госпитальные" варианты. В репертуаре третьей роты после возвращения из отпуска одного бойца появились новые, ' тыловые" песни из последних кинофильмов и т.д.

Но репертуар части постоянно менялся и под влиянием внутренних причин, из которых на первое место по своему значению должна быть поставлена красноармейская самодеятельность. Самодеятельное творчество бойцов и офицеров, с которым они выступали [92:93] перед своими товарищами, питалось традиционным народным творчеством. Так, ротная самодеятельность неизменно включала в своей репертуар наиболее распространенные народные песни, например: Ой, да ты, калинушка", "Степь да степь кругом", "Вот мчится тройка почтовая", 'Когда я на почте служил ямщиком" и др. Хочу еще раз подчеркнуть, что за рубежом русская народная песня воспринималась и слушателями, и исполнителями как выражение патриотизма, как голос далекой Родины. Особенно популярны были русские народные песни на темы невозможности соединения любящих — такие как "Что стоишь, качаясь..."; сами бойцы признавались мне, что, исполняя эту песню, они ощущают себя тем дубом, к которому не может перебраться далекая рябина...

Красноармейская самодеятельность была активным популярная тором творчества фронтовиков. С ротной и батальонной эстрады, из походных красных уголков шли в армейскую среду песни и частушки, сочиненные самими бойцами и офицерами. Надо учесть при этом, что творчество фронтовиков очень быстро реагировало на каждое яркое событие в жизни подразделения. Так, после удачных стрельб вторая рота капитана Чумарина вышла на первое место в батальоне. Особенно отличился ст. сержант И.М. Голуб. И вот на отдыхе после стрельб, не отходя, можно сказать, от тира я уже услышал частушку — жаль, что не успел записать, кто ее исполнил:

Наши ивы у реки
Закачали ветками.
У Чумарина стрелки
Очень даже меткие!

Да и крупные международные события быстро становились предметом

обсуждения бойцов, остро и заинтересованно реагировавших на них. Не успело, например, в газетах появиться сообщение о разгроме итальянских дивизий, как в репертуаре самодеятельности второй роты прозвучала песня на мотив "Чилиты" с началом:

Ну, кто в нашем крае
Бенито не знает,
Умен и хитер он — нет мочи.
А Гитлер над ним хохочет
И делает все, что хочет.
Ай-яй-я-яй! Ну что за Бенито! и т.д.

Эта сатирическая песенка распевалась во всей части вплоть до капитуляции Италии. Последний раз мне ее приходилось слышать за границей в сентябре 1945 г. Фольклорные варианты, вызванные к жизни международными политическими событиями или военной обстановкой в мире, охотно воспринимались бойцами, причем новые [93:94] события приводили за собой, как правило, создание новых произведений — и эти последние сменяли ранее бытовавшие.

Но мне бы не хотелось, чтобы у читателей моей книги сложилось впечатление, что будто бы все, что прозвучало с красноармейской эстрады, становилось достоянием широких армейских масс. Отнюдь нет. Громадное, можно даже сказать, преобладающее количество песен из репертуара красноармейской самодеятельности забывалось сразу же после их исполнения, не получало широкого распространения и длительного бытования. Вот пример, — увы!, — из моего личного творчества. Как и большинство студентов-филологов, я в юности писал стихи — конечно, и в период моей службы в армии. После того, как я пережил свой первый бой (а в жизни каждого новобранца — это событие, запоминающееся на всю жизнь!), я написал два стихотворения, в которых постарался возможно точнее передать то, что я пережил, готовясь к бою:

Начало

Первый бой, как первую любовь,
Переживши, позабыть не в силах.
Помню день, февральский, голубой,
Как-то по-особому красивый.

К вечеру погрелись у костра,
Стали ждать условленной ракеты.
Выдала нам каждому сестра
Индивидуальные пакеты.

И промолвил коротко комбат:

"Все, что надо, мы вчера сказали.
Кто из нас воротится назад,
Тот докончит то, что мы начали".

Наступила сразу тишина,
Комиссар свою гнедую тронул...
В первый раз суровый старшина
Не считая роздал нам патроны.

Вот и небо в зареве огня
Стало неожиданно весенним...
Посмотрел товарищ на меня
И промолвил: "Чтобы не в последний..."

И лесной запутанной тропой,
В стороне оставивши дорогу,
Мы пошли туда, где рвался бой,
Где нас ждали братья на подмогу. [94:95]

Дорога

Памятна, близка и дорога.
Та незабываемая дата...
Глубоки февральские снега,
Тяжела дорога у солдата.

Снег по пояс — леденист и груб,
А дорога — шириною в лапоть.
В обгоревшей телогрейке труп
Руки протянул свои на Запад.

Мы уйдем — нас ожидает бой,
Он же будет стынуть без движенья,
Но и мертвый станет, как живой.
Воинов сопровождать в сраженья!

Мною много пройдено дорог,
Городов, развалин и пожарищ,
Но одну я в памяти сберег —
Что на Запад указал товарищ!

Стихи эти были прочитаны с красноармейской эстрады, затем лейтенант Гунченко, наш батальонный композитор, напел их на мотив какого-то марша. В таком виде она, эта песня, была исполнена еще три-четыре раза и все, на этом

ее "бытование" и окончилось. Песни не получилось. И такой пример вовсе не единичен. Мои наблюдения над ролью красноармейской самодеятельности в изменении репертуара устного народного творчества на фронте привели меня еще раз к выводу: лишь высокоидейные и по настоящему художественные песни усваивались бойцами и продолжали распеваться, причем немаловажную роль играла и общественно-значимая тематика песен. Стихи-однодневки, откликавшиеся на частный, конкретный факт фронтовой жизни, забывались и сходили с эстрады. Именно поэтому политорганы всемерно боролись за повышение уровня Красноармейской самодеятельности: ведь она откликалась не только на международные события, на развертывание боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны, — очень большое внимание самодеятельность уделяла жизни и боевой практике в нашей части, боролась за укрепление воинской дисциплины, организованности и порядка. Самодеятельность помогала командному и политическому составу в их повседневной работе. Для устного же народного творчества красноармейская самодеятельность, как я и старался показать, была, с одной стороны, источником его пополнения, а с другой — формой его бытования.

Бытование устного народного творчества во фронтовых условиях - это большая научная проблема, от решения которой зависит [95:96] во многом правильное понимание роли устного народного творчества во фронтовом быту, выяснение форм этого бытования и причин живучести и распространенности того или иного произведения. Фольклорный репертуар — это важная составная часть характеристики фронтового фольклора, но только лишь часть. Специфика фронтового фольклора заключается и в формах его бытования и распространения. Только наблюдение за бытованием устного народного творчества на фронте помогает установить, где и когда встречается фольклор в военном быту, где и когда его можно наблюдать и фиксировать, в чем его особенности бытования в разных условиях фронтового быта.

Следует также иметь в виду, что порою только личные, непосредственные наблюдения за бытованием фольклора могут пролить свет и на сам факт изменения текста произведения, появления вариантов, и на связь этого явления с событиями реальной действительности, и на появление всевозможных "откликов", "ответов" на тексты, ставшие каноническими. Яркий пример последнего времени — это всевозможные варианты, созданные на мотив песни "Катюша", что уже неоднократно отмечалось исследователями и обобщено в известной статье И.Н. Розанова[20]. Столкнулся с этим фактом и я в своей собирательской работе. Так, на заключительном этапе службы в армии, уже после окончания войны, мне пришлось недолгое время перед демобилизацией снова побыть в запасном полку. Я был зачислен в так называемый "сержантский" взвод, состоявший исключительно из военнослужащих сержантского состава. Томительны были дни ожидания демобилизации. Кормили нас уже по нормам мирного времени, мы томились,

---

[20] *Розанов И.Н.* Песни о Катюше как новый тип народного творчества // Русский фольклор Великой Отечественной войны. С. 310-324.

ожидая, когда же нас либо отпустят домой, либо пошлют в кадровые части дослуживать (для молодых бойцов) свой срок. В этом случае прибывал представитель от новой части и отбирал себе необходимых бойцов. Этих людей в полку называли "покупателями". Вот в этой обстановке ожидания и неопределенности и родилась в нашем взводе песня на мотив "Катюши" — помню из нее только два куплета:

Расцветали яблони и груши,
Плыл туман над лоном синих вод.
Безуспешно распевал "Катюшу".
Наш сержантский офицерский взвод.

Подтянули пояса потуже,
Чтобы каши не просил живот.
Никому-то ты, сержант, не нужен, [96:97]
"Покупатель" что-то не берет!

Понятно, что смысл этой песни будет понятен только в том случае, если будут раскрыты условия бытования этой песни, причины появления такого варианта и конкретно-исторические реалии военного быта данной части в данное время.

Много было откликов и на песню "Огонек" — одну из самых любимых и распространенных в армейском быту. Ее пели на фронте и в тылу, в дороге и походе, пели за границей и на концертах самодеятельности. Вместе с "Катюшей" эта песня прошла с нашей армией всю войну. Тема прощания и обещания верности в разлуке — одна из ведущих в лирическом фронтовом фольклоре. Она неоднократно обыгрывалась и обрабатывалась в самых разнообразных вариантах. Нет никакого сомнения в том, что широкая популярность этой песни поддерживалась и объяснялась реальной исторической действительностью тех лет: преобладающее количество возлюбленных и жен мужественно хранили верность своим ушедшим на фронт мужьям и любимым. Но нельзя, конечно, отрицать и того, что за четыре с лишним года войны были и случаи нарушения клятвы верности и прямой измены своему слову, причем как в тылу, так и на фронте, где даже появилась аббревиатура "ППЖ" — т.е. полевая походная жена.

Собиратели давно уже отметили, что среди откликов на песню "Огонек" известны тексты, в которых подвергается осуждению девушка, отказавшая жениху, ставшему на фронте инвалидом[21]. Однако сами тексты подобного! рода публиковались очень редко — видимо, из опасения, что подобные публикации могут бросить тень на моральный облик и девушки, и молодого воина. Мне в моей собирательской практике встречались отклики как воспевающие верность девушки, так и осуждающие ее недостойное поведение. Привожу два наиболее

[21] *Крупянская В.Ю., Минц С.И.* Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953. С. 122.

типичных варианта. Один из них носит название "Фронтовая", записан от Горячева К.Т., 1924 г. рождения, уроженца Смоленской обл. Он услышал эту песню от неизвестного солдата в запасном полку. Песня пелась на мотив "Спят курганы темные":

Вечерами лунными и ночами темными,
Под тенистой липою в парке над рекой
С девушкой любимою, с песней задушевною
Пел с гитарой звонкою парень молодой.

Кто не помнит прелестей тех ночей волнующих, [97:98]
Разговоров пламенных с милой, дорогой.
Пролетело времечко, быстро скрылось птицею —
И уехал в армию парень молодой.

На границе западной и в разлуке с милою
Он стоит с винтовкою, мучится тоской:
За два года в армии вся любовь забудется,
И в шинели серенькой стану я чужой.

И любимой девушке больше ты не нравишься,
Ей другой приглянулся стройный, боевой.
Пишешь письма частые, но на них ответа нет,
И не жди, не будет их, парень молодой!

Многие из девушек этого не думали.
Что, когда за Родину грянет грозный бой,
То за этих девушек в первом же сражении
Кровь прольет горячую парень молодой!

Как видно из содержания этого варианта, он создан в среде кадровых служащих еще довоенного призыва, первыми принявшими на себя удар врага на западной границе и проливших кровь за Родину и за свою возлюбленную.

Второй вариант был распространен гораздо шире. Он был записан мною шесть раз от разных бойцов и в разное время. Впервые я его записал от Швыдкова Дмитрия Тимофеевича, 1921 г. рождения, уроженца Витебской обл. в запасном полку. Слушая как-то песню 'Огонек", он сказал: "Все это хорошо, но в жизни этого не бывает, в жизни-то вот что..." И он запел:

Не успел за туманами скрыться наш паренек,
Как у нашей у девушки появился дружок.
С золотыми погонами, с папироской в зубах
И с победной улыбкою на красивых губах.

Не прошло еще месяца — парень шлет письмецо:

"Оторвало мне ноженьку, раздробило лицо.
Если любишь по-прежнему и горит огонек —
Забери меня, ласточка, мой любимый дружок!".

И ответила девушка, что любви больше нет:
"Я с другим повстречалася, вот и весь мой ответ.
Костыляй потихонечку, про меня позабудь,
Залечи свою ноженьку, проживешь как-нибудь."

Усмехнулся парнишечка, прочитав письмецо:
"И нога не болит моя, и красиво лицо.
И по-прежнему выгляжу, и служу, как всегда. [98:99]
Но к тебе я, к изменнице, не вернусь никогда!".

В других вариантах меняется несколько сюжет: изменившая возлюбленному девушка встречает его в родном городе, когда он "шел походкою гордою на обеих ногах, и лицо не разбитое, и вся грудь в орденах..." В нескольких вариантах говорится даже, что паренек получил даже Звезду Героя Советского Союза — ну, здесь. уж ничего ни прибавить, ни убавить — посрамление изменившей девушке было полным!

И вот что показательно: бытование подобного рода вариантов никак не повлияло на популярность песни "Огонек" и тех продолжений и ответов на нее, которые воспевали верность, постоянство и взаимную любовь. Бытовали и те, и другие отклики на "Огонек", равно как и сама песня продолжала оставаться одной из самых популярных среди молодежи в послевоенные годы.

Устное народное творчество бытовало в нашей части в разных условиях фронтовой жизни по-разному. Прежде всего, следует отметить повсеместность этого бытования. Героическую песню Великой Отечественной войны, бойкую, задорную частушку, меткое пословичное выражение можно был встретить и в условиях боевой учебы, и в период подготовки к боевым действиям, во время формирования части и т.д. Особенно широко бытовало устное народное творчество среди бойцов и офицеров в хозяйственные дни, на строительных работах, в очередные суточные дежурства и наряды. Возьмем самый типичный наряд — наряд на кухонные работы. Его состав определялся командиром подразделения, но когда в него попадал "певун" либо сказочник, то он помогал коротать долгие ночные часы, когда бойцы чистили картошку — и вот в это время, за работой и рассказывались всевозможные фронтовые истории, анекдоты, сказки, пелись песни, главным образом, лирические и русские народные, или советские, авторские.

На хозяйственных работах (строительство землянок и укрытий для нашей техники, заготовка леса, строительство укреплений и проч.), если они велись, конечно, вне действия огня противника, в тылу— во время перерывов бойцы часто пели песни и частушки. Сказки сказывались в этих условиях реже, потому что за десять минут перерыва стоющую большую сказку не расскажешь, а обрывать и продолжать ее в следующий перерыв не все

сказочники соглашались. Когда сказочнику Васильеву предложили именно такую форму сказывания, он ответил предлагавшему: "Я тебе не Шухрезада, а ты не султан!"

Строевые песни, естественно, пелись в строю, в ленуголке и вечерами, в связи с политмассовой работой. Лирические песни чаще всего можно было услышать также по вечерам, после отхода ко сну. Мощным их стимулятором было получение писем. Были такие [99:100] исполнители, которые после получения вестей из дому просто соловьями разливались. Об одном из них, сержанте Колотилове С.К., так и говорили: "Во, Сережка-то заливается, видать письмо от подружки получил!"

Совсем по-иному бытовало устное народное творчество на маршах. Нам приходилось их совершать и в пешем строю, и на машинах, а изредка и в вагонах. Во время длительных маршей бойцы, кроме пения песен, "чтобы сократить путь", рассказывали сказки. Чаще всего это были обычные фантастические сказки с героем-солдатом: "Три царства", "Солдат и смерть", "Чудесное бегство", "Звериное молоко", "Рога", "Сивка-Бурка" и др. Правда, аудитория у сказочника в это время была ограниченная, но зато отмечалось большое количество очагов такого сказывания. Отмечено, что (если это было разрешено командованием) сказочники переходили из одной группы в другую и сказывали сказки по очереди. Особенно заинтересовывали слушателей фронтовые сказы — рассказы бывалых воинов о боевых делах и военных приключениях, о пережитых фронтовых историях, о слышанном и виденном. Такие сказы на привалах — самое широко распространенное явление.

Ну, а при маршах на машинах во время пути (если позволяла обстановка, конечно) бойцы одного взвода всегда старались перепеть других, и, бывало, опытные ветераны на слух определяли — чья машина едет, какую песню поет. Пословицы, поговорки, крылатые фразы и народные остроты так и сыпались с грузовиков во время остановки. Одна машина соревновалась с другой даже в плясках в кузовах грузовиков. Это было особенно характерным для тех периодов, когда наши войска наступали, когда царило приподнятое настроение, когда, как говорили бойцы, "душа сама песни просит!"

Но нередко можно было встретиться с бытованием устного народного творчества и непосредственно в бою. Характерный случай произошел, например, в боях на границе с Восточной Пруссией. Бойцы подошли к границе. Был дан приказ закрепиться. При отрывке окопов кем-то была пущена частушка, облетевшая всю роту с неимоверной быстротой:

Вырыл я себе окоп,
Мне — жилье, а фрицу — гроб.
И из этого окопа
Мы пойдем уже в Европу!

В последовавшем за этим бою бойцы несколько раз упоминали о том, что они вошли, наконец, в Европу. Этому событию в жизни части были посвящены и "боевые листки". В одном из них были опубликованы такие частушки (без

упоминания авторства, конечно): [100:101]

Мы фашисту скажем прямо:
Не уйдешь от нас живьем.
На твоей земле поганой
Мы тебя и перебьем!

Эй, фашисты, берегитесь,
Вам от нас достанется.
От эсесовских дивизий
Праху не останется!

Заняв с ходу немецкие окопы, бойцы быстро переиначили только что созданную частушку:

Фрицы вырыли окоп,
Нам жилье, а фрицу гроб.
Да навряд ли их окопы
Сохранят для них Европу!

Следует заметить, что в период после боя у бойцов возникает желание выразить свои чувства в песне, в частушке. Напряжение - и физическое, и духовное — разрядилось, появляются шутки, частушки, припевки, поговорки, прибаутки.

Особенно широко распространено бытование устного народного творчества при выполнении боевых заданий бойцами различных технических и вспомогательных служб: у саперов, дорожников, зенитчиков, химиков-дымовиков, регулировщиков и т.д. Например, охраняется понтонный мост через Вислу. Фронт находится далеко впереди за Вислой, уже на границе с Германией. По мосту непрерывным потоком идут машины на запад с боепитанием, на восток — пустые и с ранеными. Мост охраняется понтонерами, дорожниками, зенитчиками, химиками дымовиками. Все они оторваны от основных баз подразделений на более или менее продолжительный срок. Располагая в промежутках между караулами и налетами самолетов противника свободным временем, бойцы много внимания уделяют песне и сказке. Как политработник, я одно время находился вместе с химиками-дымовиками на охране моста и записал частушки от проезжавших мимо танкистов:

Не спастись вам, гады-фрицы.
Наши танки на границе,
А границу перейдем —
Всю Германию пройдем!

Скоро Гитлеру могила,

Скоро Гитлеру капут,
Скоро русские танкисты
Всю Германию пройдут! [101:102]

Тесно общаясь с подразделениями других родов войск, бойцы обмениваются своим репертуаром. Так, от одной девушки-связистки боец взвода разведки А. Козярский усвоил песенку "Фотокарточка", отличающуюся от известных вариантов своим оригинальным припевом:

Из Москвы меня уносит эшелон,
День и ночь стучит колесами вагон.
Из кармана гимнастерки достаю
Фотокарточку хорошую твою.
Ты, я верю, измениться не могла,
И я верю — все такая, как была.
Только некогда, любимая, в бою
Посмотреть на фотокарточку твою.

Припев:
Дорога степная,
Тропинка лесная,
И вечер, простор голубой...
Тебя вспоминая,
Я верю, родная,
Что встретимся скоро с тобой!

День и ночь идут упорные бои,
Пятый день уже в атаку ходим мы,
День и ночь наш батальон идет вперед,
Но не сон нас, ни усталость не берет...
Ты, я знаю, измениться не могла,
И я верю, все такая, как была.
Только некогда, любимая в бою
Посмотреть на фотокарточку твою.

Припев:
Атака ночная,
Граната ручная,
Ночной несмолкаемый бой.
Тебя вспоминая,
Я верю, родная,
Что встретимся скоро с тобой.

Канонада уже стала затихать,
После боя отвели нас отдыхать.

Из пробитого кармана достаю
Фотокарточку хорошую твою.
Ты, я знаю, измениться не могла,
И я верю, все такая, как была.
Почернела фотокарточка в дыму,
Но дороже она сердцу моему... [102:103]

Припев:
Судьба боевая,
Винтовка родная,
Походы, подъем и отбой...
Тебя вспоминая,
Я верю, родная,
Что встретимся скоро с тобой!

Наблюдения над процессами бытования устного народного творчества в части и вне ее приводят к выводу, что в условиях фронтового быта возникают своеобразные "очаги" народного творчества, представляющие собою наиболее благоприятные условия для записи фронтового фольклора. Очаги эти, естественно, чаще всего находятся в тылу, хотя бы и относительном.

Я уже писал о специфике бытования устного народного творчества в запасном полку, о его своеобразии как очага бытования фронтового фольклора. К сказанному можно добавить, что запасной полк — значительный очаг народного творчества. В запасной полк стекались бойцы, сержанты (а в офицерский и офицеры) со всех частей фронта, люди самых разных специальностей, различной грамотности и культуры. Находясь вместе довольно длительное время, они имели возможность обмениваться своим репертуаром. Наличие гораздо большего, чем в действующих частях, свободного времени, общее состояние ожидания определения в часть, значительное количество солдат со свежим материалом — все это создавало наилучшие условия для бытования устного народного творчества. Бойцы обменивались в запасном полку своими песнями. Из него они, как правило, шли по частям и непосредственно отсюда разносили песни, сказки, анекдоты - в среду фронтовиков.

Выше я уже рассказал о том, как мне приходилось записывать устное народное творчество в условиях фронтового госпиталя. Подводя итог, можно сказать, что госпиталь являлся весьма своеобразным и специфическим очагом фронтового народного творчества. Своеобразие заключается в следующем: 1) Бойцы полностью располагали своим временем. 2) Они часто имели возможность общаться с гражданским населением и таким образом обновлять и пополнять свой репертуар, особенно в ГЛР, где почти нет обычных лечебных процедур, где часто бывают шефы. Так, именно от шефов мы услышали в госпитале такие частушки:

Милый раненый лежал,

Мой платок к груди прижал.
Не платочек унял кровь —
Моя горячая любовь!

Особенно тепло принимались частушки о раненых, что вполне объяснимо: [103:104]

Приезжает ко мне милый,
Рука перевязана.
Я любила и люблю,
И любить обязана!

Вновь и вновь в частушках звучала извечная тема верности:

Проводила я миленка,
Он ушел фашистов бить.
На прощанье обещала
Одного его любить!

Многократно просили бойцы исполнить и такую частушку:

Пойду, выйду в чисто поле,
Сяду под осиночку.
Хоть и раненый придет,
Любить буду милочку!

Веселье и смех вызывали и такие частушки:

Ой, подружка дорогая,
Где же, где же твой и мой?
Отобьем им телеграмму:
"Ждем с победою домой!"

Наличие женского обслуживающего персонала и частые посещения шефами-девушками раненых стимулировало бытование лирической советской и народной песни. Но одновременно с этим надо постоянно иметь в виду, что раненые госпиталя — это не бойцы на фронте. Все они в большей или меньшей степени тосковали, с одной стороны — по фронту, по оставшимся там друзьям и товарищам, а с другой — по дому. Отсюда и появление тех вполне понятных с психологической точки зрения "госпитальных" вариантов с мотивами инвалидности, тоски по дому, неожиданного возвращения, некоторой грусти и проч. Поэтому так охотно слушали раненые частушки о том, как верно ждут на родине раненого бойца:

Задушевная товарка,

Дролю ранили опять.
Я ни с кем гулять не буду,
Буду раненого ждать!

(записано от Скворцовой М.Н., 1920 г. рождения, уроженки Ленинградской обл.). Очень часто среди "госпитальных" частушек встречаются упоминания о санитарках, сестрах, врачах. "Милосердная сестра" — один из самых распространенных образов этого цикла, о чем я уже говорил выше. Вот еще одна частушка: [104:105]

Шуру ранили в Германии,
Лежит он у костра.
Перевязывает раны
Милосердная сестра...

"Шура" — это не сокращенно-уменьшительное от "Александр", а один из синонимов слова "возлюбленный". Сравните:

Шура, щура, шурочка,
Какой ты закомурочка,
Что без дыму, без огня
Зажег сердце у меня!

Итак, госпитальное творчество фронтовиков носило свой специфический, не характерный для фронта в целом оттенок. Это обязательно должно быть учтено и собирателями, и исследователями. Было бы неверным по бытованию фольклора в госпитале и по госпитальному репертуару судить о бытовании устного народного творчества на фронте и о фронтовом репертуаре вообще. Да и госпитальный репертуар на фронт попадал лишь частично. Часть выздоравливающих ехала не на фронт, а в тыл на отдых и лечение и, естественно, забывала воспринятый в госпитале репертуар.

Повторно я попал в госпиталь в апреле 1945 г., пробыл там только месяц и отметил довольно резкое изменение репертуара по сравнению с 1942 г. Все ожидали, что война скоро кончится, многие из госпиталя пойдут не на фронт, а в тыл, к своим родным и близким. В песнях и частушках участились темы скорой встречи:

Подожди еще немного,
Мать-Россия милая,
Разобьем фашистов — снова
Будет жизнь счастливая!

(записано от Загладина Б.М., минометчика с "бывшего Ленинградского" как он сам мне сказал, хотя из-под Ленинграда он уехал еще в 1944 г., но с гордостью именовал себя ленинградцем!). Об этом же пели и приходившие в

наш госпиталь белорусские девчата:

Скоро кончится война,
Пойдут ребята ротами.
Я своего дорогого
Встречу за воротами

(записано от Семеновой В.Г., 1924 г. рождения, уроженки Витебской обл.). Эта тема обыгрывалась бесконечно:

Вот окончится война,
Победа за нами. [105:106]
Ко мне миленький приедет
С тремя орденами!

(записано от Золотухиной М.И., 1923 г. рождения, уроженки Брянской обл.). Были и частушки с надеждой на встречу со своим будущим суженым, которого пока еще и нет на белом свете:

Как увижу я солдата,
Что с войны идет домой, —
Разорваться сердце радо:
Может, суженый то мой!

(записано от Чудовой С.К., 14 лет, уроженки Смоленской обл.). Очень часто тема встречи трактовалась с использованием традиционных для частушки зачинов и приемов, но тема фронта властно врывалась в устоявшиеся образы:

Скоро, скоро Троица,
Скоро лес покроется,
Милый мой вернется с фронта —
Сердце успокоится!

— пела Завьялова Зина, 15 лет, уроженка Смоленской обл., совсем еще девочка, не знавшая любви, но уже достаточно повидавшая в жизни. Ее подруга вместе с ней пережила все ужасы немецкой оккупация, но сохранила в своем сердце веру в грядущее:

Как я выйду на крылечко,
Запою я, молода:
Как вернется милый с фронта —
Не расстанусь никогда!
(записано от Семеновой Марии 18 лет, подруги Зины Завьяловой).

Санитарка нашего госпиталя Жукова Лена, 25 лет, уроженка Челябинской

обл., спела нам как-то такую частушку:

Скоро кончится война,
Раненых не будет.
Милосердная сестра
Колхозницею будет!

Частушки утешали и раненых, и исполнительниц, вселяли в них веру в скорую встречу:

Не горюй, моя подруга,
Не горюй, любимая.
Скоро кончится война,
Ты увидишь милого! [106:107]

(записано от Пушкиной Зои, 18 лет, уроженки Воронежской обл.)

Что касается частушек, бытовавших среди раненых, то приближение окончания войны усилило бытование сатирических частушек высмеивающих Гитлера. Вот что спел Сенчук В.И., 1920 г. рождения, боец части 54837:

Купил милый поросенка,
Хотел Гитлером назвать.
Зачем домашнюю скотину
Понапрасну обижать?

Раненый Лебедев ГЛ., 1921 г. рождения, боец в/ч 76837 спел такую частушку про Гитлера:

Хватил Гитлера удар,
Голова кружится.
От "Катюшиных" напевов
Косому не спится!

Узнав о том, что я записываю частушки, медсестра нашего госпиталя Пулкова Л.Г., 1919 г. рождения, уроженка Смоленской обл., принесла мне целую серию частушек (в автозаписи), причем все они начинались одинаково — с упоминания "милосердной сестры". Первый листок этой записи у меня сохранился:

Милосердная сестрица,
Будь родною мне сестрой.
Завяжи залетке рану
И шинелочкой укрой!

Милосердная сестра

В беленькой косыночке,
Осторожнее клади
Дролю на носилочки!

Милосердная сестра,
Я тебе письмо пишу:
Моего миленка ранили,
Поухаживай, прошу!

Милосердная сестра
В зелененькой пилоточке
Перевязывает раны
Моему залеточке!

Еще одну песню о медсестре я списал из песенника медсестры Зарубиной Н.С., 1919 г. рождения, уроженки Пензенской обл.: [107:108]

С крестиком белый платочек
Виден в дали снеговой.
Парень красивый, парень кудрявый
Ранен лежит под сосной.

Срочно нужна перевязка,
Кровь молодая бежит.
Девушка в белом платочке
К парню на помощь спешит.

Накрепко перевязала
И до санбата снесла.
Парню лихому, парню-герою
Жизнь молодую спасла.

Кончилась зимняя стужа,
И под зеленой сосной
С девушкой этой в белом платочке
Встретился парень-герой.

Здравствуй, родная сестрица!
Видишь — остался живой.
Кончатся беды — после победы
Встретимся снова с тобой!

В живом бытовании я эту песню не встречал, может быть, потому, что вскоре выписался из госпиталя и возвратился в свою родную часть.

Хочу отметить еще один очаг бытования устного народного творчества

— это эшелон. Он таил в себе большие возможности для бытования фольклора, находясь довольно долго в пути, бойцы имеют возможность располагать своим свободным временем. Поэтому из железнодорожных теплушек так часто можно было услышать и тягучую песню, и боевую частушку, и замысловатую сказку. Вот в эшелоне особенно ценились долгие сказки, многосюжетные, такие как "Бурав Волович", "Нерассказанный сон", "Марко Богатый", "Знахарь-Жучок", "Деревянный орел" и т.д. Останавливаясь в пути на станциях и полустанках и сталкиваясь с бойцами других частей и с гражданским населением, бойцы обменивались своим репертуаром, часто исполняли песни и частушки для посторонних зрителей, усваивали новые песни, пословицы, поговорки.

Но все это были очаги бытования фронтового фольклора в условиях тыла. Из чисто же фронтовых очагов укажу на контрольно-пропускной пункт на военных автомобильных дорогах. На этих регулировочно-обогревочных пунктах собирались — правда, на очень непродолжительное время — бойцы и офицеры, следующие по дороге и ожидающие попутной машины. Здесь же останавливались [108:109] для отдыха и проверки документов шоферы. Свободного времени было достаточно, и у разожженной до красноты бочки, превращенной в "буржуйку", собирались и сами регулировщицы, и ожидающие машин бойцы, и патрули — порою яблоку некуда было упасть! Здесь часто можно было услышать прозаические жанры народного творчества: сказки-анекдоты о ловком воре, сказки о глупом черте, о мертвом теле, Николе Дупленском, сказки о попах — не говоря уже о громадном количестве фронтовых сказов на самую разнообразную тематику. Песня встречалась реже, так как обстановка была несколько необычной для песни, да и отсутствовал спевшийся коллектив. Обслуживающие КПП бойцы-регулировщицы являлись своеобразными хранительницами и передатчиками народного творчества. У них всегда можно было узнать о новых песнях, они были всегда в курсе и последних фронтовых новостей.

Конечно, я перечислил только те очаги бытования народного творчества, которые я сам наблюдал лично. Безусловно, фронтовой фольклор бытовал по-разному у танкистов и летчиков, артиллеристов и саперов, связистов и моряков. Я же служил лишь в пехоте да в батальоне химзащиты. Правда, приходилось мне быть и связистом (телефонистом), и связным, принимать участие в танковых десантах, но все это были кратковременные служебные поручения. Пришлось мне поработать и военным переводчиком, но тоже недолгое время. Именно тогда я и столкнулся с немецким фронтовым фольклором, но об этом я скажу несколько позже.

Поэтому таким важным представляется мне изучение жанрового разнообразия творчества фронтовиков, исследование специфики бытования фольклора в разных условиях фронтового быта и у военнослужащих различных специальностей, изучение особенностей и широты бытования устного народного творчества на фронте, многообразия форм этого бытования.

Великая Отечественная война показала, какую огромную роль играло устное народное творчество на фронте, на войне. Песня и стих были и бомбой, и знаменем в борьбе с врагом. Но фронтовой фольклор изучен все еще

недостаточно, и слабее всего исследованы формы бытования фольклора на войне. Вот на некоторых вопросах бытования устного народного творчества на фронте я и хотел бы остановиться подробнее, исходя, конечно из опыта наблюдения фронтового фольклора отдельной части. [109:110]

## 6. НОВЫЕ ФОРМЫ БЫТОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА ФРОНТОВИКОВ

Январь 1945 г. В связи с поражением англо-американских войск в Арденнах и обращением 6 января 1945 г. Черчилля к советскому Верховному Главнокомандованию о помощи началась так называемая Восточно-Прусская операция 2-го Белорусского и 3-го Белорусского фронтов. Наша часть, входившая во 2-й Белорусский фронт, непосредственно в боевых действиях не участвовала, но две роты были посланы для охраны и маскировки (при помощи дымовых шашек) понтонного моста через р. Нарев у г. Ломжи.

На обочине дороги, ведущей к мосту, большой транспарант-указатель с призывом: "Добьем врага в его собственной берлоге!" Транспарант уже не первой свежести: он видывал и дожди, и снег, и ветры, он немного накренился на один бок (один из стояков, видно, был подпорчен задевшим его танком — судя по следу гусениц), в нескольких местах он пробит пулями (видимо, с самолета), краска кое-где уже слезла. Около этого транспаранта делают обычно последний привал войска, следующие на переправу через р. Нарев. Здесь бойцы приводят себя в порядок, сюда прибывают для встречи подразделения и дожидаются друг друга. Рядом — большой КПП с просторной землянкой на две печи, — одним словом, транспарант установлен на бойком месте. Почти вся свободная площадь его до высоты человеческого роста исписана от руки бойцами, которые временно здесь задерживались. Привожу эти записи в том виде, как они были скопированы мною в записную книжку:

1) Эй, ты, Гитлер, пес убогий,
Мы добьем тебя в берлоге!

2) Ездовой!
Готовь-ка дроги —
Едем бить врага в берлоге!

3) Приготовь-ка, Ванька, дроги —
Едем фрицев бить в берлоге!

4) Дай закусим на дорогу.
Выпьем, братцы, понемногу.
Чай идем громить берлогу!

5) Подбери, пехота, ноги —
Едут танки до берлоги!

Иван Маслаченко.

6) Я хочу совсем немногова —
Мне бы лишь дойти до логова.

Л.Н.П. в/ч 56365.

7) Эх, сыпь круче.
Ты меня не мучай! [110:111]
Меня, братцы, мои ноги
Так и тянут до берлоги.

Писал плясун Иван Муксун.

8) Ты не пой, не пляши,
А ты лучше напиши,
Что нам делать, как нам быть,
Как бы Гитлера убить!

9) Косова, убогова
Словим мы у логова,
Глаз последний подобьем,
А потом домой пойдем.

Вася.

10) Наша сила
Фрица покосила!

11) За нашу Родину, за наш народ
Наша гвардейская идет вперед!

12) От стен Сталинграда до прусской земли
Прошли боевые машины.

13) Куда ни глянь,
А у фрицев дело дрянь!

14) Прошли Белоруссию,
И вступаем в Пруссию,
Осталось немного —
Разгромить берлогу!

И Логинов, арт[иллерист?]

15) Ой, вы, наши солдатские ноги,
Сколько топать еще до берлоги?

К.Б.

16) Эй, пехота, не трусь,
Мы прошли Белорусь,
Осталось немного —
Дойдем и до берлоги!

Сапер Голубцов.

17) Наш план прост:
Построим мост,
Откроем дорогу
К Гитлеру в берлогу!

Сапер из 5-го мостостроительного батальона.

18) Не допускайте пережога,
Еще не близко та берлога.

19) Через пади, через логи
Гоним зверя мы к берлоге.

Иван Пушкарь, сибиряк.

20) Здесь отдыхали вернувшиеся с передовой [111:112] из-под Юганисбурга раненые бойцы: сержант Семенов с бойцами Кульбакиным, Ламиным, Куцем, Бараташвили, Юхаревым, Вартаняном. Бей фашистов, смерть косому Гитлеру!

21) Смелей иди в бой —
Родина за тобой!

22) Здесь был перекур перед боем.
Если умру, то умру героем.

23) Ты, я знаю, измениться не могла,
И я верю, вся такая, как была!

24) До берлоги дойдем
И врага разобьем!

С.Л. 206 ЗСП.

25) Мы с товарищем не тужим,
Верно Родине послужим!

26) Скоро с елочки иголочки
На землю упадут,
Скоро Гитлеру косому
Будет подлинный капут!

Семенчук Леся.

27) Эх, ты, Гитлер, медный лоб,
Закажи скорее гроб,
Если гроба не закажешь,
То без гроба в землю ляжешь!

Кривцов.

28) На горе стоит осина,
Под осиною сугроб.
Скоро, братцы, очень скоро
Гитлера загоним в гроб! Это я вам точно говорю.

Гвардеец Киселев

29) Как на горке, на горе,
На самой вершине
Вот бы Гитлера повесить
На кривой осине!

Надо признаться, что до января 1945 г. я не обращал внимания на письменную форму бытования творчества фронтовиков, хотя еще в самом начале своей собирательской работы записал несколько надписей на бутылках с горючей смесью. Но сделал я это, не осознавая, что передо мной — новая форма бытования фронтового фольклора. Но после случайного вообще-то ознакомления с транспарантом-указателем у Ломжи я стал более внимательно осматривать всевозможные щиты, указатели, плакаты и т.д. и обнаружил массу интересных материалов. Бойцы записывали свой впечатления, мысли и чувства на указателях, агитплакатах, боевых машинах, в [112:113] боевых листках, на листовках, а в демобилизационный период — на стенах вокзалов и на вагонах, отправлявшихся на Родину.

Так, на одном из указателей ГЛР — 200 м. (т.е. до Госпиталя для легкораненых 200 метров) были следующие частушки:

На горе стоит больница,
У больницы — елочка.
Распроклятые фашисты
Ранили миленочка!

Били рыцарей на льду,
Били фрицев на ходу.
Долго Гитлеру не жить.
Били, бьем и будем бить!

Роем Гитлеру мы яму
За бандитские дела.
Эх, какая только мама

Паразита родила!

Боец-ленинградец Петр Жиг[алин].

*И приписки:*

Гитлеру дадим по праву
За бандитские дела.
Эх, какая только фрау
Паразита родила?

Гитлера родила не мама, а фрау. Не позорь имя матери, ты, Петр Жигалин!
*Другим почерком:* И верно. У Гитлера и матери-то не было.
*Третьим:* "А что же его, свят дух родил, что ли?"
*Четвертым:* "А у нас так поют:

Германия, Германия,
Проклятая страна,
Эх, зачем же ты, Германия,
Гитлерюгу родила?

*Пятым почерком:* "Не складно, зато ладно. Бей фашистов в лоб, готовь Гитлеру гроб!".

На другом указателе: "ГЛР — за лесом" были интересные частушки, написанные, видимо, и санитарками, и местными девушками:

Задушевная товарка,
Скоро Гитлера убьют,
Скоро наши ягодиночки
С победою придут! [113:114]

Девушки, молите бога,
Чтобы Гитлер околел!
Распроклятая зараза,
А не зря ты окосел!

А у нас так про косого Гитлера поют:

Кабы я имела крылышки,
Слетала б на войну,
Заколола бы я Гитлера,
Косого сатану!

Да плюньте вы на косого, красавицы! Скоро ему капут,

Скоро, скоро на сосенке
Шишка лопнет, упадет.
Скоро Гитлер из Берлина
Выйдет задом наперед!

Девочки, как хочется в гражданском походить...

Ой, подруга, мы с тобою
Какие были модные,
А теперь на нас с тобой
Шинелочки походные...

Милый мой погоны носит
И ремни напереплет.
Война кончится, приедет,
И меня к себе возьмет!

Кому война, а вам все любовь на уме! Бабы вы бабы и есть! Солдат Иван.
А что бы ты, Иван, без нас делал? Марья.

Образцы надписей на танках:

1) Жми скорее,
Дойдем до Шпрее.

2) Бой — не каравай,
Рот не разевай!

3) Садись на Машину,
Подброшу к Берлину!

4) Где смелость —
Там победа!

6) Позади — Висла,
Будет немцам кисло.

7) Гвардейская слава —
Врагу отрава. [114:115]

8) Дайте дорогу,
Еду в берлогу!

9) Славу свою

Добывай в бою!

10) Бьем фашистов в лоб и спину,
Злобный враг бежит к Берлину!

Надписи были сделаны мелом, нередко по стертым ранее призывам. По-видимому, эти призывы менялись в зависимости от обстановки. Писали их не только танкисты. На одном из танков встретилась и такая надпись: "Давай, танкисты, громи фашистов, а на подмогу зови артиллеристов!!" На немецком танке, подорвавшемся на мине и стоявшем на обочине, было две надписи:

1) Шла машина из Берлина,
Да нарвалася на мину.
А у нас богато мин,
Хватит нам и на Берлин!

2) Из колодца вода льется,
Вода — чистый леденец.
Веселитеся, девчата, —
Скоро Гитлеру конец!

На бортах и на кабинах автомашин из автобата Резерва Главного командования:

1) Добывай себе победу,
Смерть фашисту-людоеду!

2) Кто за правое дело стоит,
Тот всегда победит.

3) Иди вперед.
Лучше страх не берет!

4) Бей сильней фашистских зверей, —
Вот и победа придет скорей!

5) Каждый фашист — преступник.
Слава тому, кто его пристукнет!

6) Для Родины своей
Жизни не жалей!

7) Покажем свою отвагу.
Прибавим к Берлину шагу!

8) Отчизне послужим в бою
За честь и свободу свою!

9) Дел у нас еще много.
Вперед, в Берлин на берлогу!

10) Смелее в бой —
Родина за тобой! [115:116]

11) Не давай врагу передышки,
Ни дна ему; ни покрышки!

12) Фашистский бандит
Всегда будет бит!

Транспарант с указателем "На Берлин — 50 км." и надписи под ним:

1) Вот эта улица, вот этот дом,
Вот этот Гитлер, его мы добьем!

2) Скоро, скоро Троица,
Скоро лес покроется,
Скоро Гитлера убьют,
Сердце успокоится!

3) Я пою и веселюся,
Враг проклятый побежден.
Милый мой уже в Берлине
И медалью награжден!
(и далее рисунок медали "За отвагу").

Интересная надпись была обнаружена на одном из снарядов:

Московские калачи
Тяжелы да горячи,
Гитлер, не рычи,
Ешь да молчи!

Как выяснилось, надпись сделал подносчик снарядов москвич Иван Сергеевич Сергеев, лет 40, разносчик Мосхлебторга, торговал до войны с лотка калачами. Надпись переделал сам из "зазывалки" покупателей:

Московские калачи
Белы да горячи,
Лежи на печи,

Ешь да молчи!

Очень интересны и показательны для письменной формы бытования творчества фронтовиков те "Боевые листки", которые выпускались непосредственно на огневой позиции. Так, нашей части была дана боевая задача — прикрыть дымовой завесой наступление пехотных подразделений, форсировавших водный рубеж. Бойцы одного из взводов роты капитана Чумарина разместились в специально отрытых маленьких окопчиках ("ячейках") вместе с запасом дымовых шашек и ожидали ракеты — по сигналу они должны были зажечь все одновременно свои дымовые шашки для образования сплошной дымовой завесы. От ячейки к ячейке тянулась по земле бечевка, к которой комсорг роты прикрепил боевой листок с одной [116:117] единственной заметкой: "Обеспечим успех пехоты!" Бойцы тянули бечевку от одной ячейки к другой и таким образом знакомились с боевым листком. Когда после окончания операции (она прошла успешно) боевой листок был возвращен комсоргу, а затем передан мне, то я обнаружил, что он весь был испещрен различными пометами читавших его бойцов. Вот этот листок:

Смерть немецким оккупантам

Боевой листок
подразделения капитана Чумарина
ОБЕСПЕЧИМ УСПЕХ ПЕХОТЫ!

Товарищи! Перед нами поставлена боевая и ответственная задача — прикрыть дымзавесой скрытое накопление наших войск и обеспечить быстрый выход их на форсирование реки. Бойцы, от нашей с Вами аккуратности и точности зависит жизнь наших братьев-пехотинцев и успех боевой операции. Комсомольцы, будьте в первых рядах, личным примером покажите образец внимательности и точности в выполнении боевого задания.

Боевые друзья! Мы вступили с Вами в Европу, перешли Вислу, перед нами — Балтика. Сбросим фашистов в море! Смерть немецким оккупантам!

Комсорг Иван Голуб.

На чистом обороте боевого листка были такие пометы:

1) Фрицам, братцы, стало кисло:
Позади осталась Висла!

Семенов.

2) Обязуюсь по-комсомольски выполнить боевое задание. Сержант Головченко. Призываю на соревнование второе отделение.

3) За нами дело не станет. Устроим фашистам горе, искупаем их в море.

Даниелян.

4) Третье отделение к выполнению боевого задания готово.

Сержант Козьмин.

5) Фрицам, братцы, стало кисло,
Позади осталась Висла.
Помоги фашисту в "горе",
Опрокинь фашиста в море!

6) Ковальчук, подбрось парочку наших шашек, у меня одни американские, боюсь, не отсырели ли.

Минаев. [117:118]

7) Мыкола, щож, ты, щучий сын, не мог поглубже ячейку вырыть? Голова же видна, тю, скаженный.

8) Принимайся, братцы, за работу,
Обеспечим дорогу для пехоты!
(здесь же рисунок от руки: боец роет окоп и зажигает дымовую шашку)

9) Стихи писать все горазды, посмотрим, как дымить будете. А я не подведу.

Ефрейтор Клименков.

10) Роту я не подведу,
А фашистам на беду
Запущу-ка я завесу
Аж от речки и до лесу.

11) Не жалей, ребята, пота,
Приближается пехота!

12) И что это за стихоплет?
Завесу не запускают, а ставят, надо так:
Я ребят не подведу.
Всем фашистам на беду
Как поставим мы завесу
От дороги и до лесу!

13) Ура, ребята! Пехота пошла!

Сергейчук.

14) Дымим, братцы, дымим!
Передай дальше. Николаев.

15) Уж ты, Коля-Николай,

Дыми, дыми, не зевай.
Сашка[22] зажжется —
Николай смеется!

Покровский Александр.

16) У Покровского у Сашки
Загорелося три шашки,
И от Сашкиной заботы
Расчихалася пехота.

17) Ребя, напротив меня реку уже форсировали, а у вас? Зелепух.

18) Коля Зелепух
От радости припух!

19) Туши шашки, готовь котелки, повар едет!

20) Мы дымили-дыманули,
Немцы глазом морганули, [118:119]
И прикрыла наша рота
Путь для матушки-пехоты.

Семчук.

21) Выполнил задание.
Затем и досвидание. Иващенко.

22) Голуб, ты куда смотришь, гляди, что с боевым листком сделали?

23) Ребята, отбой, пошли домой!

Этот боевой листок необыкновенно показателен не только для письменной формы бытования творчества фронтовиков (записи 5, 12 и 20 были позднее исполнены на вечере красноармейской самодеятельности), но и для бытования фронтового фольклора перед, во время и после боя: вначале все записи отражают готовность к бою, содержат боевые призывы, затем самый бой, когда не до фольклора. Но вот река форсирована, огонь перенесен вперед, дымзавеса уже не нужна, она свое дело сделала, уберегла пехотинцев от ненужных потерь перед форсированием. Боевое задание выполнено, напряжение спало, посыпались шуточки, частушки, отражающие только что достигнутый успех, да еще и повар на горизонте появился...

Конечно, не все боевые листки были такие, скорее этот листок был исключением. Но тем не менее следует отметить, что в боевых листках помещалось очень много частушек, стихотворных призывов и даже песен,

[22] Т.е. шашка (дымовая).

которые вслед за тем усваивались бойцами и начинали бытовать уже в устном исполнении. Поэтому остается только горько сожалеть, что боевые листки в массе своей до нас не дошли совсем.

В демобилизационный период письменная форма бытования творчества фронтовиков была характерна для тех станций, где формировались эшелоны, и для самих эшелонов. Вагоны с подлежащими демобилизации воинами украшались самими солдатами самодельными лозунгами и надписями, сделанными от руки мелом прямо на стенах вагонов или на фанерных и железных листах, прибивавшихся к вагонам. Очень многие надписи были сделаны мелом и карандашом женской рукой. Их писали девушки на стоянках; это были главным образом частушки. Но как разительно они отличались от предшествовавших частушек Великой Отечественной войны! В них звучали слова радости и счастья, воины и мирные жители выражали переполнявшие их чувства в таких лозунгах и частушках:

1) Встречайте, родители,
К вам едут победители!

2) Победители домой
С фронта возвращаются. [119:120]
Сколько сразу ухажеров —
Глазки разбегаются!

3) Родина-мать!
Готовься встречать!
Едут победители
И освободители!

4) Под окном у нас растет
Сирень голубая.
Мы победы дождались
Девятого мая!

5) Привет родной земле и слава
От тех, кто жизнь принес в Варшаву!

6) Наши славные войска
Родину прославили
И в Берлине на рейхстаге
Красный флаг поставили!

7) Едут в вагоне холостые бойцы,
Как на подбор удальцы-молодцы!
Где же ты, девица - русая коса,
Душенька-лапонька, серые глаза?

8) Все солдаты веселятся,
Что отвоевалися.
А девчата тоже рады —
Женихов дождалися!

9) От Москвы и до Берлина
Мы вели свои машины,
Долг исполнили мы свой,
Возвращаемся домой!

10) Идет поезд из Берлина
С красными вагонами.
Наши славные герои
Едут эшелонами!

11) Прошли дорогами войны
Через четыре мы страны,
Но лучше нет дороги той,
Которая ведет домой!

12) Хороша страна Болгария,
Но Россия лучше всех!

13) То не ветер пыль метет,
То боец домой идет.
Форма новая на нем,
Ордена горят огнем.

14) Я знал, что я к тебе вернусь,
Моя родная Белорусь! [120:121]

15) Лучше нету той победы
Над фашистскою страной,
Лучше нету той минуты,
Как поехали домой!

16) До свиданья, заграница,
Мне давно Россия снится!

Приведенные выше надписи собраны с нескольких эшелонов и списаны не с одного вагона, а со многих. Встречались вагоны с прозаическими призывами и лозунгами ("Отвоевали — едем восстанавливать разрушенное!", "Воевали хорошо, будем работать еще лучше.", "Руки устали от оружия, соскучились по мирному труду!", "Отцы, матери, жены, дети, отвоевали, едем к

вам!" и т.д.). На некоторых вагонах были написаны тексты песен, главным образом, о встрече ("Ты ждешь, Лизавета", "Не тревожь ты себя, не тревожь!", "Спит деревушка" и др.). Когда один эшелон пришел на узловую станцию и железнодорожницы (мойщицы вагонов) стали мыть стены вагонов, бойцы тех вагонов, на которых были лозунги и песни, упросили не стирать этих призывов ("От границы везем!"). Украшенные ветками елок и берез (они непрерывно обновлялись руками встречавших наши вагоны девушек!), с красными кумачовыми стягами и транспарантами, эти обычные товарные вагоны выглядели тогда торжественно и празднично. Сколько песен было перепето за те немногие дни, что мы провели в эшелоне! С какой жадностью вглядывались мы в разоренные и опустошенные места, такие близкие и дорогие нашим сердцам! С каким нетерпением ожидали мы встречи с отчизной, от которой мы были оторваны на такие долгие и трудные годы! Сколько песен было переписано в эти дни в дневники и альбомы, в записные книжки — на память о войне!

## 7. БАТАЛЬОННЫЙ ЗАПЕВАЛА АЛЕКСАНДР КОЗЯРСКИЙ

Я уже неоднократно упоминал о запевале взвода разведки, а позднее и всей части Александре Козярском, 1920 г. рождения, сыне крестьянина, уроженце Каменец-Подольской обл. УССР (образование — 9 классов). Он пришел в нашу часть из запасного полка — обычный, ничем не примечательный паренек, совсем еще молодой, довольно молчаливый и вначале замкнутый. Первое время он вообще »г пел, хотя и обладал сильным и красивым голосом. Случилось так, что он попал во взвод разведки, где были прекрасные [121:122] частушечники, а запевалы для строевой песни не было. Взвод разведки, отличавшийся хорошей строевой подготовкой, молодцеватой выправкой, никак не мог выйти в передовики строевой подготовки. Командир взвода, тогда еще лейтенант Самарии, сам еще молодой паренек, все понимал, но ничего сделать не мог. Он очень горевал, что вот из-за безголосья приходится отдавать первенство третьей роте. Однажды на учениях Козярский не вытерпел. "Товарищ лейтенант, разрешите мне! — обратился он к Самарину. "Давайте, Козярский! — без особого энтузиазма произнес командир. И тут-то и показал себя молодой украинец! Он запел довоенную еще строевую солдатскую песню, созданную в то время, когда наша страна вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии:

Над полями, лесами, озерами
Боевые летят корабли,
И свобода встает над просторами
Возвращенной народам земли...

— звонко, молодо, уверенно пел Козярский, а взвод радостно подхватил:

Белоруссия родная,
Украина золотая,
Наше счастье молодое
Мы своими штыками укрепим.
Наше счастье молодое
Мы врагам никогда не отдадим!

В изумлении оглядывались бойцы других рот — кто это так соловьем заливается? А Козярский пел самозабвенно, в полный голос. Видно было, что самый процесс пения доставляет ему большое удовольствие.

Так пришел в нашу часть певец большой души, живо откликавшийся на жизнь и судьбу своих товарищей. В дальнейшем во всех хоровых песнях он участвовал в качестве запевалы и в качестве подголоска. Наибольшей любовью у него пользовались народные украинские песни, которых знал он множество. Но мастерство Ко-зярского и его популярность были основаны не на его голосовых данных, не на его знании украинских несен. Он выделялся среди других носителей фольклора своими творческими способностями, своей охотой к варьированию, к изменению текста песен, умением приспособить их к нуждам и запросам товарищей. Он очень внимательно следил за появлявшимися в части новыми песнями и почти всегда перенимал их. Козярский — и в этом его отличие от остальных певцов — не ограничивался простым усвоением новых песен, [122:123] а всегда менял их текст. Вот один пример. До поступления в нашу часть Козярский служил в танковом батальоне и в автобате. Оттуда он принес в нашу часть широко известную с еще довоенного времени песню о шофере Снегиреве. Вот она:

Расскажу про тот край, где бушует,
Где дорогу заносит пурга,
Где алтайские ветры кочуют,
Где шоферская жизнь тяжела.

В этом крае, родном и любимом,
Много ездило там шоферов,
Но был самый отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирев.

Он машину, советскую "АМО"
Как родную сестренку любил.
От китайской границы до Бийска
Все дороги на ней изучил.

А на "Форде" работала Лелька...
Часто-часто вечерней порой
"Форд" зеленый с улыбкою Лельки
Мимо Кольки промчится стрелой.

Как-то раз Колька Лельке признался,
Но коварная Лелька была,
Посмотрела с улыбкой на Кольку
И по "Форду" рукой провела:

«Милый Коля, ты парень что надо,
Но признаться тебе я должна:
Когда "АМО" "Форда" перегонит
Тогда Лелечка будет твоя!»

Как-то раз уж вечерней порою
Колька ехал спокойно домой.
"Форд" зеленый с улыбкою Лельки
Мимо Кольки промчался стрелой.

Колька вздрогнул — и сердце забилось.
Быстро вспомнил он свой договор,
В ту минуту рванулась машина,
И запел свою песню мотор!

Поворот — и машины сравнялись,
Катька Лельку в лицо увидал,
И забилося сердце у Кольки,
И на миг он забыл про штурвал... [123:124]

Полетела машина как птица,
Полетела прямо в овраг,
И последней мелькнула кабина,
Только слышен был голос: "Прощай!".

А в овраге — ухабы да камни,
И по камням грохочет вода...
В том холодном и грязном овраге
Схоронили его навсегда.

И на память лихому шоферу,
Что машину, как ветер, гонял,
На могилу положили фары
И от "АМО" погнутый штурвал...

И не ездит теперь, как бывало,
"Форд" зеленый над Чуей рекой.
Смотрит Лелька как будто устало
И не держит штурвала рукой...

Во время уже заграничного похода нашей части Козярский изменил эту песню применительно к новым условиям. Мы как раз в это время получили новые американские «Студебеккеры», который сразу завоевали популярность среди наших шоферов. Новая песни Козярского распевалась в нашем батальоне сравнительно долго и звучала он так:

Расскажу про тот край, где бушует,
Где машины заносит пурга,
Где балтийские ветры кочуют,
Где солдатская жизнь нелегка.

В этом крае, разбитом войною;
Много ездило там шоферов,
Но был самый отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирев.

Он машину - трехтонного ЗИСа
Словно брата родного любил,
От советской границы к Берлину
Все дороги на ней изучил.

А на Студе[23] работала Лелька,
Часто-часто вечерней порой
Студ могучий с улыбкою Лельки
Мимо Кольки промчится стрелой. [124:125]

Как-то раз Колька Лельке признался,
Но коварная Лелька была,
Посмотрела с улыбкой на Кольку
И по Студу рукой провела:

"Милый Коля, ты парень что надо,
Но признаться тебе я должна:
Когда ЗИС Студебеккер догонит,
Тогда Лелечка будет твоя!"

Как-то раз уж вечерней порою
С фронта ехал водитель домой.
Студ зеленый с улыбкою Лельки
Мимо Кольки промчался стрелой.

Колька вздрогнул — и сердце забилось,

[23] То есть, на Студебеккере.

Быстро вспомнил он свой договор.
В ту минуту рванулась машина,
И запел свою песню мотор.

Поворот — и машины сравнялись,
Колька Лельку в лицо увидал,
И забилося сердце у Кольки,
И на миг он забыл про штурвал...

Полетела машина как птица,
Полетела прямо в овраг,
И последней мелькнула кабина,
Только слышен был голос: "Прощай!"

А в овраге — обломки да камни,
И по камням бушует вода.
В том холодном немецком овраге
Схоронили его навсегда.

И на память лихому шоферу,
Что машину как ветер гонял,
На могиле оставили фары
И от ЗИСа погнутый штурвал.

И не ездит теперь, как бывало,
Студебеккер над Вислой рекой.
Смотрит Лелька будто устало
И не держит штурвала рукой.

Показательна дальнейшая судьба этой песни. Часть выполняла боевое задание по охране моста через Вислу. На крутом повороте дороги стоял обычный для тех времен фанерный памятник погибшему при бомбежке шоферу Анатолию Воронцову, 1922 г. рождения. Козярский, увлеченный сходством ситуации в жизни и в песне, [125:126] положил на могилу шофера руль и фары и своей рукой переписал на фанерный обелиск могилы песню о гибели шофера, изменив фамилию со "Снегирева" на "Воронцова". Проходившие мимо бойцы, конечно, не могли не заметить памятника, да еще такого необычного, с песней... Этот случай пробудил интерес к погибшему шоферу. Вскоре среди находившихся поблизости частей стал ходить рассказ о лихом шофере Тольке Воронцове, погибшем из-за несчастной любви. Вариант рассказа, записанного от бойца дорожно-мостового батальона Григория Сухова, 1914 г. рождения, уроженца Тамбовской обл., был такой:

"Вот я вам про шофера Тольку Воронцова расскажу, как он через любовь погиб. Работал он, вернее сказать, служил в автобате, на ЗИСе ездил, водитель был классный, благодарности от командования получал, четыре бомбежки

пережил — жив остался. И вот приходит к ним в автобат пополнение с американскими Студебеккерами, и пять девушек-шоферов с ними. А одну звали Лелька, вот фамилию не скажу, не знаю, а врать не хочу. Ну, начался у них с Толькой спор — чья машина лучше. Толька говорит — моя, Лелька — моя. И поспорили на заклад: ежели ЗИС Студебеккер перегонит, то Лелька, значит, Тольке уступит, (а он давно на нее глаз положил, но Лелька была дивчина самостоятельная, да и в части на этот счет строго было, известное дело — война!). И вот однажды едет Толька с фронта в тыл, и только через Вислу переехал — а его Лелька на Студебеккере перегоняет. Догнала и перегнала, только улыбнулась и ручкой адью сделала. Ну, Толька вспомнил свой договор, нажал на стартер — и пошел на обгон. А там поворот, а под ним крутизна — не приведи господь! И что же вы думаете? На самом повороте обогнал ЗИС Студебеккера, и Колька Лельке в глаза взглянул, да тут левое колесо у ЗИСа в выбоину попало — и на полном ходу полетел он птицей в этот самый овраг, обрыв — и все, и хана, и от машины, считай, только руль погнутый да фары целы остались. Бросилась Лелька туда, скатилась в овраг — а он уже умирает, только и успел сказать: "Прощай, — говорит, — голубка..." И умер. Ну, товарищи пришли, могилу соорудили... Хотя какая там могила? Холмик да обелиск фанерный. Война! Ну, памятник какой ни на есть поставили, фамилию, имя написали да на могилу руль да фары положили. И написали, что лежит здесь классный водитель Анатолий Воронцов. Ну, а про то, что через любовь погиб — нет, не написали. Врать не стану. Но про это и так все знали, потому что история эта по всему фронту прошла. На фронте, брат, ничего ни от кого не скроешь. На фронте все про всех знают... Да, вот она, любовь-то, что делает... Всего три месяца до победы не дожил..." [126:127]

Аналогичный рассказ был записан от Анны Семенниковой 1923 г. рождения, киевлянки, бойца зенитной установки, охранявшей этот же мост. Вот ее рассказ, который я записал во время ее дежурства в землянке зенитчиков:

"Слыхали вы историю, как через любовь шофер Воронцов погиб? Да его тут все знали, он в автобате служил, такой чернявый был, с улыбочкой, но вежливый, ничего не скажешь. И к нам в часть раза два приезжал, снаряды привозил. Всегда разгрузить поможет, дескать: "Куда вам, женщинам, тяжести таскать..." А мы эти чушки на руках нянчили-нянчили... Ну, ладно. Вот прибыла к ним в автобат Лелька со студебеккером. Собой краля, фигура — во! Что внизу, что вверху... Но, правда, дело свое знала, водила машину хорошо. Ну, влюбился, конечно, наш Толечка в эту самую Лелечку по самые ушки, и ей признался. А она, гадюка, и скажи ему: "Вот когда твой паршивый ЗИС моего студебеккера перегонит, тогда я и буду твоей, распрекрасный мой Толечка!" И все. И Толька зарок дал нос ей утереть. Раз, вечером уже, едет он с фронта в свой родной автобат, едет спокойно, рулит себе, горя не зная, задание выполнил, едет на отдых, ну, песню там себе какую-то под нос напевает, любил он песенку помурлыкать, И вдруг его сзади студебеккер с Лелькой обходит. И она ему так нахально ручкой сделала, дескать, наше вам с кисточкой, не взять ли на буксирчик? Конечно, взыграла душа у Кольки, как даст он газу — пошел..: И представьте вы, себе, девочки, обогнал он ее на повороте, да только

от радости и про руль свой забыл, и про все забыл... И его машина-то, как птица на полном ходу полетела и прямо в овраг, и на другие разбитые машины ка-ак хрясь! — и все! Куда куски, куда лавочки! Остановилась Лелька, бросилась вниз, плачет-заливается, а Толька уже не дышит, только руку ее сжал и шепчет: "Мама..." Вот, видите, перед смертью-то мать родную вспомнил, а не ее, змею подколодную! Ну, приезжает Лелька в автобат, привозит Колькин труп и просит: "Похороните его на повороте шоссе, где он погиб, он перед смертью об этом просил". Выполнили, значит, его предсмертную просьбу, закопали его в чужой немецкой земле и фанерный памятник со звездой поставили. А Лелька — всё! Лелька сказала: "Не могу я больше машину водить, делайте со мной, что хотите!". Вот и всё".

Третий вариант рассказа записан уже позднее, под Штеттином. Рассказывал неизвестный боец-танкист на КПП: "Да что вы там рассказываете, это все детские байки, а вот мы через Вислу переходили, так там памятник стоит Кольке Воронцову, и на могиле его танк стоит. Воронцов танкистом был, на тридцатьчетверке ездил. Это такой классный водитель был, он вслепую танк водил, его [127:128] машина слушалась, как ручная была. И вот когда мы "его"[24] по Польше гнали, и Воронцов побился на заклад, что он немецкого танка обгонит и в плен возьмет и на буксире привезет в часть. Когда к Висле стали подступать, Воронцовский танк вперед вырвался. И видит водитель, что впереди его по шоссе немецкий танк драпает, и он на дроссель нажал, и стал догонять танк, а тут поворот, а ему ничего не видно, — и он с поворота вниз в овраг, и на мину налетел. И все — Воронцов насмерть раненый. А немцы как увидели, что наш танк подорвался, и начали по нему садить... Ну, и наши подошли, а он уже умирает. И перед смертью просил его танк на могиле поставить. И друзья танк из оврага вытащили и на могилу его поставили. А тот танк немецкий так и не ушел, он к мосту-то подошел, а мост уже подорван. Они все в плен сдались".

Вместе с Козярским служил во взводе разведки и сержант Семенов, со средним техническим образованием, великий мастак писать письма. В части у нас не было другого такого мастера найти какие-то особые, от души идущие слова, кто так бы умел понять состояние бойца и так хорошо выразить его чувства. Он писал письма и для взвода разведки, и для размещавшейся вместе с ним первой роты. Особый интерес вызывала его переписка с женой: и ее ответные письма, и свои письма он всегда — как это и бывало обычным на фронте — читал своим друзьям.

В одном из боев Семенов был убит — защищая рацию, он прикрыл ее своим телом. Осколком от мины он был ранен в область сердца и скончался на поле боя. Друживший с ним Козярский тяжело переносил его смерть. Дело было еще и в том, что у самого Козярского (он, как я уже писал, был уроженцем Каменец-Подольской обл., а она была оккупирована) связь с родителями была прервана, и Семенов писал за него письма во все края, пытаясь отыскать концы. Козярский надолго замолк, и невозможно было его

[24] Т.е. фашиста.

ничем расшевелить.

Вскоре после этого прибыл в часть из пополнения лейтенант Александр Гунченко, привезший с собой много новых песен. Одну из них услышал Козярский — и именно с ней он выступил соло в первый раз в красноармейской самодеятельности (до этого он пел только в строю!). Песня поразила его сходством ситуации с судьбой его фронтового друга Семенова: как и в песне, бойцы написали жене Семенова, написали коллективное письмо, она ответила им, и эта переписка длилась до конца войны, когда (уже летом 1945 г.) наша часть была расформирована.

Лейтенант Гунченко усвоил эту песню в госпитале под Ленинградом, где он находился на излечении. После того, как ее спел на [128:129] вечере Козярский, песня стала одной из самых любимых в части. Вот она:

Письма сержанта

Хорошие письма из дальнего тыла
Сержант от жены получал,
И сразу, покамест душа не остыла,
Друзьям по оружью читал.
А письма летели сквозь дымные ветры,
Сквозь пламя и горе войны
В зеленых, как листья, весенних конвертах,
Знакомые письма жены.

Писала, что родиной стал на чужбине
Далекий сибирский колхоз.
Жалела, что муж не оставил ей сына —
Отца дожидался б да рос...
Читали, — улыбка с лица не сходила,
Читали, — слезы не сдержав...
Хорошая жинка досталась сержанту,
Будь счастлив, товарищ сержант!

Пошли ей, сержант, фронтовые приветы,
Земные поклоны от нас.
Любовь да совет вам да маленьких деток,
Когда отгрохочет война!
Но ночью враги оборону прорвали,
Отчизне грозила беда,
И нал он обычною смертью солдата,
Заветный рубеж не отдав.

Друзья собрались и жене написали,
Как младшей сестре боевой:
"Поплачь же, родная, убудет печали,

Поплачь же над ним, над собой!"
Ответ получили в знакомом конверте,
Зеленом, как листья весной,
И всем показалось, что не было смерти,
Что рядом их друг боевой.

Когда же войны отгрохочут раскаты
И каждый домой заспешит,
Тогда я невольно заплачу, солдаты,
По-женски заплачу, навзрыд...
Так бейся же насмерть, отважная рота,
Готовь отомщенье свое [129:130]
За то, что не плачет жена патриота,
За гордое сердце ее!

Песня покорила бойцов пафосом гражданского чувства, красотой человеческих отношений, жизненностью и правдивостью сюжета, не было служащего в нашей части, кто бы ее не знал. Во всех фронтовых тетрадях и песенниках она была записана. Но вот что интересно: знали и любили ее все, но по молчаливому уговору пел ее только один Козярский. А он пел ее часто и охотно, и, видимо, песня помогала ему, помогала как-то вылиться накопившемуся в душе его горю, как-то облегчала невозвратимую утрату друга.

После смерти Семенова Козярский сразу повзрослел, стал задумчивей и строже, изменился и его репертуар — в нем появилось больше песен о дружбе, о разлуке. Он нередко стал уступать свое место запевалы, а до этого очень ревниво относился к своему положению. Юноша стал мужчиной. Как раз в это время в часть прибыл лейтенант Усольцев и принес с собой новую, неизвестную до того в батальоне песню "Иду по знакомой дорожке". Песня эта была довольно широко распространена на фронтах и особенно в прифронтовой полосе среди гражданского населения. Основанная па темах ожидания и встречи, легкая по мотиву, не претендующая ни большую глубину чувства, она пользовалась популярностью главным образом среди молодежи. Па привале, в часы отдыха часто можно было услышать:

Иду по знакомой дорожке,
Вдали голубеет крыльцо.
Я вижу в открытом окошке
Твое дорогое лицо.

Припев:
Может, встретишь — улыбнешься,
Может, хмуро сдвинешь бровь.
Может, вспомнишь с трудом.
Может, вспыхнет огнем

Твоя верная любовь...

Вскоре после прибытия Усольцева запел эту песню и Козярский, но совсем в другом варианте. Услышал ли он и перенял этот новый текст от кого-либо или сочинил сам, я так и не дознался. Дело в том, что Козярский очень часто менял текст песни применительно к специфике воинской части или по собственному вкусу, но всегда тщательно старался скрыть свое авторство, словно стыдясь его. Переделанный вариант пришелся в батальоне по душе: в нем было упоминание о шоферах и машинах (а наш батальон был оснащен множеством самых разнообразных машин), остались мотивы грусти [130:131] и разлуки. Очень характерным для Козярского в этот период его жизни было описание его одиночества: он потерял друга, а семья его долгое время была в оккупации, он ничего не знал о ней в течение трех лет. Поэтому так характерен был для него этот вариант:

Иду по разбитой дорожке,
Снежинки мне колют лицо.
Здесь нет дорогого окошка,
Вдали не белеет лицо.

Припев
Путь-дорожка лентой вьется,
Вдалеке теряет след...
Пролетает снаряд,
Пули с визгом летят,
Да мерцает след ракет.

Шоферы заводят моторы,
Машины уходят в поход,
Никто нам платочком не машет,
Никто нас с любовью не ждет...

Припев

Я помню: прощался с тобою
Под сенью холодных ветров.
Ты мне ничего не сказала,
Но все было ясно без слов.

Припев

Кому мне сказать, между прочим:
Сберег я в суровой войне
Твой синенький скромный платочек,
В разлуку подаренный мне.

Припев

Один я остался на свете,
Куда мне вернуться опять,
Кто с радостью воина встретит.
Кому смогу руку пожать?

Припев

В таком виде песня бытовала в части вплоть до конца 1944 года. В ноябре 1944 г. Козярский получил, наконец, весточку из родимого дома и узнал, что мать и сестра (младшая) живы, отца расстреляли во время оккупации, а его любимую девушку угнали в Германию. В репертуаре Козярского в это время особое место заняли песни: "О чем ты тоскуешь, товарищ моряк" и "Любимый мой, пора моя настала". Он исполнял их на вечерах самодеятельности, [131:132] пел вместе го всеми, пел и один, для себя, изливая в песне тоску по утраченной любви. В феврале 1945 г. наша часть сражалась в боях за освобождение Восточной Пруссии и прошла от Ломжи до Даницига. По пути, как я уже писал, нам пришлось освобождать пленных девушек из концентрационного лагеря. Козярский искал среди них и свою Оксану. В его песне появились новые куплеты, которые в начале просто присоединялись к старым, а затем 2-й, 4-й и 5-й куплеты были заменены новыми:

Шоферы заводят моторы,
Машины уходят в поход.
Иду я на Запад, на Запад —
Меня там любимая ждет.

Припев:
Ты от счастья засмеешься,
Удивленно вскинешь бровь.
Снова будем вдвоем.
Снова вспыхнет огнем
Твоя верная любовь!

При встрече с тобой, между прочим.
На глади немецких дорог
Отдам я твой синий платочек.
Что долгие годы берег.

Припев

Окончится скоро разлука.
Недели, как сон, пробегут.

Тебя мои сильные руки
К солдатской шинели прижмут.

Припев

Уже в апреле 1945 г. Козярский узнал, что его Оксана вернулась, он получил даже ее фотокарточку. С открытки глядело на нас изможденное лицо с ввалившимися глазами. Наголо остриженная молодая украинка выглядела гораздо старше Козярского (они были одногодки и вместе учились в школе). Но Козярский ничего этого не видел. Перед его глазами стояла прежняя певунья и хохотушка Оксана с длинными черными косами, белоснежными зубами и румянцем во всю щеку. Как мы узнали из ее писем, косы отрезала ей в Германии хозяйка, чтобы сделать себе накладную косу.

История третьей песни Козярского тесно связана с самодеятельностью. Козярский охотно и с удовольствием принимал участие в самодеятельности, пел народные украинские песни, исполнял и фронтовые, и походные песни, но категорически отказывался выступать в самодеятельных сценках в ролях фашистов. А между тем в [132:133] самодеятельность часто включались номера, изображавшие фашистских солдат и офицеров, показывавшие, что немецким солдатам тоже надоела война, что они тоже стремятся домой, к своим семьям, что по тотальной мобилизации на фронт присылают уже не бывалых гитлеровских вояк и т.д. Но Козярский упорно стоял на своем, он был убежден, что все немецкие солдаты скроены на один лад.

Так было до тех пор, пока во время одного из боев в наши руки не попал довольно объемистый ящик с записными книжками и письмами немецких солдат, отобранными эсэсовцами и подготовленными для отправки в Берлин. Прежде чем передать этот ящик по назначению, я, как владевший немецким языком, составил по поручению парторга батальона доклад на тему: "Что думают сами немцы о своей войне", в который включил перевод некоторых неотправленных немецких писем, записей личного характера из дневников, а также двух песен, сочиненных немецкими солдатами: "Новая Лорелей" и "Новая Лили Марлей". Это были образцы фронтового фольклора немецких солдат — не тех ура-патриотических песен, которые они горланили в присутствии офицеров, а скрываемого ими творчества, отражающего настроения немецких солдат, уставших от бессмысленной кровопролитной войны, разуверившихся в Гитлере и мечтающих только об одном — как бы остаться в живых, как бы не попасть под русскую пулю... Копия одной из этих песен ("Новая Лорелей") сохранилась у меня, и я привожу ее целиком:

Die Neue Lorelei
(Nach der alten Weise)

Ich weiβ nicht, was soll es bedeuten,
Das ich so traurig bin.
Wir leben in "groβen Zeiten",

Doch klein ist unser Gewinn.

Die Luft ist kühl im Osten
Und wird wohl kühler noch;
Die eisernen Kreuze verrosten,
Die hölzernen wachsen hoch.

Der "schöne Goebbels" sitzet
Da oben im prunkenden Saal
Und schreibt, bis er Galle schwitzet
Von Siegen ohne Zahl.

Er schreibt es und singt ganz munter
Das Englandlied dabei,
Dann krächzt er das Ruβlandlied runter
In grimmigster Melodei. [133:134]

Der Landser im grauen Rocke
Ist das ein Geleit zu Marsch.
Für Hitlers Napolenlocke,
Für Görings Zentnerarsch.

Der Landser, der muβ parieren,
Nach Osten gehts hinab,
Er muβ marschieren, marschieren
Direkt ins Massengrab.

Der Landser auf wunden Füβen
Ergreift ein wilder Zorn.
Bald wird er nach hinten schieβen
Und nimmer weiter nach vorn.

Ich glaube, der Blutstrom verschlinget
Am Ende das Nordkleeblatt,
Doch eher es glücklich vollbringet,
Verschlingt er noch manchen Soldat.

Остальных материалов на языке подлинника у меня не сохранилось, остались лишь цитированные в докладе переводы отрывков из рукописных стихотворений, которые ходили по рукам, скрывались немецкими солдатами от своих офицеров и особенно от службы безопасности немецкой армии. В нескольких вариантах, имеющих мелкие стилистические отличия, встретилось стихотворение "Что такое рекрут":

РЕКРУТ - это

женщиной рожденный,
на горе обреченный,
наголо обритый,
вслед за тем "привитый",
от ругани страдающий,
нередко голодающий,
в солдатском грубом хлебе
утеху обретающий,
медленно плетущийся,
в строю не смеющийся,
пробеги совершающий,
размеренно шагающий,
в мишени стреляющий,
свободы не знающий,
снаряды выпускающий
да пузо набивающий
и н д и в и д и д у у м! [134:135]

Среди немецких солдат были распространены и фронтовые переделки некоторых стихов и песен. Так, известное стихотворение Гёте "Миньон" ("Ты знаешь край") получило новое название "Аргонский лес". "Чудный край" в этой обработке заменен зловещим лесом:

Ты знаешь ли этот лес, простреленный и изрубленный?
Птица там не поет, быстрая серна не прыгает.
Израненные деревья печально смотрят на меня:
Суровый воин, что мы тебе сделали?

Гётевский дворец превратился в бункер (бомбоубежище):

Ты знаешь ли тот дом, высеченный в утесе?
Он темный, в десять метров глубиной.
Веди же, веди меня за руку, товарищ,
В наше бомбоубежище!

Заканчивается эта обработка воспоминаниями о кладбище:

Ты знаешь ли то лесное кладбище,
Там во множестве стоят немецкие кресты...

Владелец этого стихотворения Арнольд Науман списал его еще до войны, в 1940 г., находясь во Франции.

Хорошо отражает мысли и чувства немецких солдат стихотворение (рукописное, найдено в четырех вариантах) под названием: "Когда я приеду в отпуск...":

Когда я приеду в отпуск, я прежде всего отосплюсь.
Ведь во время похода ни разу не пришлось как следует поспать.
Домашняя кровать кажется мне надежной гаванью.
"Дорогая жена! скажу я, подойди, прикрой окно!

А впрочем, подожди - надо сначала принять ванну,
Ведь пыль русского фронта засорила мои поры...".
Какою ценностью была вода на фронте!
Из-за чайника у водосточной трубы чуть не дрались.

Когда я приеду в отпуск... Так начинаются наши мечты
Всегда, как только кончится трудный день,
Когда Морфей обнимет широкие просторы
И в коротком сне забудутся немецкие воины...

Надо сказать, что это стихотворение было особенно горячо принято бойцами, которые явственно почувствовали, как резко отличаются их мечты о доме от жалоб на бытовые неудобства со стороны бывших сытых и обихоженных бюргеров... [135:136]

Но особенно много в обнаруженных нами материалах было стихов и песен о вшах на фронте. Тема эта, по-видимому, была для фашистов весьма острой и актуальной. В одной фронтовой переделке немецкой лирической песенки о том, как солдат на вахте вспоминает свою далекую возлюбленную, рассказывается о том, как солдат сидит на койке, ловит вшей и с завистью думает о своих близких, о том времени, когда и он не знал, что такое вши...

Куплет:

Будь спокойна, бог меня сохранит.
Он любит верную солдатскую кровь...

был переделан на:

Будь спокойна, вши милостивы к нам,
Они любят пить солдатскую кровь!

Заканчивается эта обработка ироническим утверждением:

Любимая, вшивость для нас — не позор,
Ведь мы чешемся за родину!

Другой фронтовой вариант, озаглавленный "Охота на вшей", имеет еще более откровенную и ядовитую концовку:

Мы за родину с вами чешемся

И в честь Гитлера давим вшей!

Видимо, песня "Охота на вшей" была популярна среди солдат фашистской армии. Во всяком случае, в записной книжке немецкого солдата Курта Вальтера она была записана в таком варианте:

Охота на вшей

Темной ночью, под звуки шрапнели
Я с азартом охочусь на вшей
И мечтаю о чистой постели —
Хорошо бы понежиться, в ней!

По солдатской грязной коже
Вши стадами ползут и ползут...
Впрочем, кровь офицерскую тоже
Эти милые звери сосут...

Вшей не знал я, на фронт собираясь,
Но теперь я узнал их вполне,
И, средь ночи не раз просыпаясь,
Я их бью на груди, на спине.

Вы, счастливые, нежитесь дома,
Там тепло, чистота и уют, [136:137]
А я ночью луплю насекомых
И веселую песню пою:

"Мы от вошек-крошек бесимся,
Нет на свете нас вшивей...
Мы за милую родину чешемся
И в честь фюрера ловим вшей!"[25]

Еще одна фронтовая пародия — довольно грубоватая солдатская переделка песни о Лили Марлен — возникла как подражание распространенной в Германии тех лет песни об этой весьма популярной среди немецких солдат певичке. Например, в записной книжке солдата Эрнста Эрлиха, откуда взята эта песня, было отмечено, что он списал ее у Альфреда Мая из Гайдау (ОХ 39 б.п. № 15). К сожалению, немецкий текст этой фронтовой солдатской песни у меня также не сохранился, остался только ее перевод, как я сейчас отчетливо сознаю, неточный и несовершенный. Тем не менее, именно этот перевод и был зачитан

[25] См.: Разгром немцев под Москвой (Признания врага). М., 1943. С. 76-77. На этот факт обратила мое внимание бывшая военная переводчица, ныне главный научный сотрудник Института российской истории РАН СССР, член-корреспондент РАН Е.И. Дружинина. См.: Дружинина Е.И. Воспоминания военной переводчицы // В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. С. 125-127.

мною во время моего доклада и, — как это будет показано ниже, — оказал свое влияние на одну из песен Александра Козярского. Вот этот перевод:

НОВАЯ ЛИЛИ МАРЛЕН

Под фонарем в маленьком домике
Сижу я вечером и ищу вшей,
Мучивших меня целыми днями,
Весь блицкриг, изо дня в день — настоящая мука!

Под моей рубашкой на моем животе
Копошатся вши-гестаповцы, пьют мою кровь.
Я должен разыскать этих насекомых, —
Трах! — и им будет конец, как и всем вшам.

Под моими штанами, на моей заднице
Копошатся вши-эсэсовцы, творят свои низкие дела.
Ах, если бы можно было передавить их, как вшей –
Тогда бы была уж свободная жизнь.

Если бы Гитлер был толстой вошью,
Я бы прикончил его на месте.
И если вы хотите видеть меня дома, [137:138]
То устройте у себя там вошебойку.
Один раз — трах! — и всех нацистов к ногтю!

Когда-нибудь придет весна, и будет май,
Тогда, возможно, все муки кончатся навсегда.
Пропадет тогда вся гитлеровская банда,
И я увижу твои глаза...
Это было бы прекрасно, не правда ли, Лили Марлен?

Весь этот подлинный материал, выставленный для обозрения — дневники немецких солдат, письма с фронта и из Германии, в которых немецкие женщины жаловались на тяготы жизни, письма солдат, описывающие ужасы войны в России и особенно залпы "Катюш" — произвел большое впечатление на бойцов нашей части.

Совсем иными глазами начали смотреть наши солдаты на противостоящего им врага. В батальоне вновь стала распеваться старая, известная у нас с зимы 1944 г. песня:

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Гитлер больше нас не встретит,
Мы погибнем на мосту.

Ночь пройдет, и спозаранок
В путь далекий, милый друг,
Убежим мы без портянок
А, быть может, и без брюк

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Из нее для нас с тобою
Выйдет ровно две петли.

Кто-то нам судьбу предскажет,
Где-то завтра, милый мой,
Партизаны петлю свяжут,
Сбросят книзу головой?

Мой костер совсем не светит,
Искры гаснут, не горят...
Я бы отдал все на свете
За три черных сухаря!

Песня распевалась в нескольких вариантах. В одном из них третий куплет пелся так:

На прощанье шаль с каймою
Я у баб в избе стяну [138:139]
И холодною зимою
Голый зад свой подтяну.

Песня эта была воспринята бойцами второй роты, которые около месяца жили под Смоленском в 1944 г. и строили там землянки для всей части. В это время они познакомились с белорусскими девушками, бывшими партизанками, и переняли от них эту песню. В ознаменование передислокации части был устроен вечер самодеятельности, и на нем впервые бойцы исполнили эту песню.

Но уже после ознакомления с песней "Новая Лили Марлен" Козярский решительно переделал этот белорусский партизанский вариант, и на вечере самодеятельности 23 февраля 1945 г. исполнил его в таком виде:

Твой фонарь в тумане светит,
Фитилек едва горит...
Ты забыл про все на свете,
Лишь бы вошь тебе убить...

Ночь пройдет — и спозаранок

В путь далекий ты уйдешь.
Но гляди — среди портянок
Копошится снова вошь.

Лесом ты бредешь или рожью,
Об одном сейчас поешь:
"Был бы Гитлер толстой вошью,
Я б убил его, как вошь!"

Песен жалостных не пой-ка,
Не до них сейчас в бою,
А устрой-ка вошебойку
Тем, кто кровь сосет твою!

Что боишься, что ты жмешься?
Ты сдавайся лучше в плен,
Вот тогда живым вернешься
К дорогой Лили Марлен!

Песня бойцам понравилась, она была повторена два-три раза на вечерах самодеятельности, но широкого распространения она так и не получила. Видимо, сказались и узость содержания, и несовершенство формы. Слишком частным и мелким был самый факт, по поводу которого возникла эта песня, она не взволновала слушателей, она была просто интересна для них по необычности сюжета, но и только. Во всяком случае, я не слыхал ее ни в чьем исполнении, кроме самого Козярского. Возможно, что на судьбу этой песни [139:140] оказало влияние и то время, когда она возникла. Последние месяцы войны принесли с собой совсем иную тематику фронтового фольклора. Неизбежность поражения Германии была очевидной, и признание в этом самого немецкого солдата ничего нового не прибавляло.

История данного варианта интересна не только в плане изучения влияния самодеятельности на творчество фронтовиков, но и с точки зрения сопоставления фронтового творчества советских воинов и тех немецких солдат, которые, — хотя и поздно! — убедились в бессмысленности войны. Ввиду того, что в нашей фольклористике еще нет исследований на эту тему, я и позволил себе поделиться воспоминаниями об этом частном случае, весьма редком в практике фольклориста-фронтовика.

Козярский погиб незадолго до окончания войны. Песенная традиция, так широко представленная во взводе разведки, стала затихать, никто не мог заменить старого запевалу. Вместе с его смертью замерло и варьирование текста песен. Если раньше в части встречалось по три-четыре варианта песен, то после его смерти бойцы стали пассивнее относиться к собственному творчеству. В части начали распеваться обычные, канонические тексты, главным образом, авторские песни советских поэтов и композиторов. Это лишний раз подчеркивает роль творческой личности в вопросе бытования творчества фронтовиков и в

характеристике их репертуара. Мастера фольклора не только сами питаются творчеством масс, но и сами питают его, стимулируют его рост, разнообразят и расцвечивают его красками личной фантазии. Ведь творчество мастера всегда ярче и показательнее, чем творчество рядовых носителей, в нем яснее прослеживаются все процессы, совершающиеся в устном народном творчестве.

## 8. ПЕСНИ О ФРОНТОВОЙ ПЕРЕПИСКЕ

Среди песен о любви, пользовавшихся на фронте особой популярностью, выделялась большая группа песен (как авторских, так и безымянных), созданных на тему фронтовой переписки. Я уже неоднократно останавливался на этих песнях, но сейчас хочу рассказать о них особо потому, что письма для бойца и песни об этих письмах много значили для фронтовика. С каким нетерпением ожидался на фронте "почтарь"! Каждое письмо перечитывалось по многу раз, нередко заучивалось наизусть, и при каждом новом его [140:141] прочтении боец вычитывал в нем что-то новое, зачастую домысливал, дописывал это письмо. Письма бережно хранились (обычно в сумке противогаза или в нагрудном кармане гимнастерки, "у сердца", как говорили солдаты!), нередко вытирались до того, что их трудно было прочесть, но адресата это нисколько не смущало. Письма часто читались друзьям по оружию — обычно отделение всегда было в курсе всех семейных дел и перипетий каждого из бойцов. Лишь самые скрытные и замкнутые (и такие, конечно, бывали!) таили в себе свою личную жизнь — как правило, несчастную, не сложившуюся. Счастьем же бойцы охотно делились друг с другом, подробно рассказывали о своей прошлой жизни "на гражданке" и по многу раз перечитывали вслух полученные из дома письма.

Среди песен на тему о фронтовой переписке были песни о письмах матерей, жен (очень популярная тема!), но преобладающими были песни о письмах любимых девушек. Видимо, не случайно была так популярна на фронте песня "Огонек" — заключительные строки ее говорят и о письме девушки, и о том воздействии, которое оно оказывает на бойца: после получения письма

.... врага ненавистного
Крепко бьет паренек
За любимую девушку,
За родной огонек!

Среди встретившихся мне на фронте песен на тему фронтовой переписки не могу не отметить песню "Перед боем" — не по тому, что она очень уж выделяется среди других своими художественными достоинствами (они, увы, невысоки!), а из-за того, что популярность ее в нашей части была связана с судьбой Коли Зеленкова, москвича, 1923 г. рождения. Он прибыл к нам из запасного полка в 1943 г. и погиб во время освобождения Белоруссии в августе 1944 г. Красивый брюнет с сильным голосом, с серыми выразительными глазами, он часто бывал ротным запевалой, но маршевых песен не любил, отдавая предпочтение

лирическим. Он получал много писем от оставшейся в Москве девушки (ее звали Милой), перед каждой боевой операцией обязательно перечитывал ее последнее письмо и был твердо убежден в том, что это предохраняет его от смерти. Сам он был тоже одним из самых аккуратных адресатов: не было дня (если он не на выполнении боевой операции, конечно!), чтобы он не передал нашему почтальону треугольник с московским адресом. И только после его смерти мы узнали, что он писал стихи!

Произошло это так: ночью часть была поднята по тревоге. Нам сообщили, что на Запад прорывается окруженная нашими войсками немецкая часть, и мы оказались как раз на ее пути. Стоял душный август 1944 г., на полях - перезревшая рожь, некому ее убирать. [141:142]

И в этой ржи — а она была чуть ли не в рост человека! — было протоптано много тропинок, по которым и отступали окруженные нами фашистские солдаты. Шли они небольшими группками по 3-4 человека. Их скрытное передвижение днем можно было заметить лишь по легкому движению колосьев ржи. В основном же передвигались они по ночам или в сумерках.

Наша часть была спешно переброшена в район большого хлебного поля, бойцы были расставлены по одному так, чтобы блокировать возможно больший участок и не дать одиночным группам противника пробраться в лес — а именно эту задачу и ставили они перед собой. Зеленков, как и другие, стоял у опушки леса. Гитлеровцы появились внезапно, бой был коротким, их задержали, но Зеленков был убит в этой схватке пулей в висок наповал. В кармане его гимнастерки нашли неотправленное письмо к Миле с такими стихами:

Перед боем

Скоро бой, ударит канонада.
В стан врага со свистом полетят
Сотни мин и тысячи снарядов,
Дождь свинца, осколков и гранат.

Сердце обжигает нетерпенье...
Но, чтоб в битве было веселей,
Должен я прочесть, как наставленье,
Письмецо от ласточки своей.

Если только долго нет привета
От тебя, любимая моя,
Ни друзьям, ни солнечному свету
Не смогу обрадоваться я.

Ты пиши почаще, чтоб с тобою
Был всегда я сердцем и душой,
Чтоб, как лучший друг, на поле боя

Ты была б, любимая, со мной!

Не могу сказать, были ли это его собственные стихи или он списал их откуда-то. Товарищи были убеждены, что это его собственные. Признанный взводный запевала Максим Ненашев вскоре распел этот текст под гитару, и песня стала самой любимой во взводе. Ребята назвали ее "Зеленковской". В других подразделениях части я эту песню в "живом" бытовании не встречал, но в свои песенники и тетради бойцы с удовольствием ее переписывали, что дает основание говорить об активной письменной форме ее бытования. Какое-то время спустя я стал допытываться у Максима, каким образом он подобрал к этому тексту музыку. На мой вопрос он нехотя ответил: [142:143] "Да, была тут одна песенка подходящая...", но больше ничего не разъяснил. Он вообще был очень щепетилен в этих вопросах и не любил распространяться на тему, откуда он берет музыку к тем или иным словам. Песня "Перед боем" нередко исполнялась со сцены во время наших вечеров самодеятельности, чаще всего ее исполнял сам Ненашев. Мотив песни несколько напоминал популярную в армии песню "Три танкиста" — тот же легкий вальсовый напев, те же задушевные интонации. Хрипловатый басок Ненашева доходил до сердца каждого бойца. Но если "Три танкиста" часто исполнялась как маршевая песня, "Перед боем", наоборот, пелась только на привалах, в минуты отдыха. Она редко исполнялась хором. Обычно ее пели два-три бойца в унисон, остальные молча слушали немудрящие, простые, но берущие за душу слова и при этом вспоминали чернобрового Колю Зеленкова, всегда веселого, заводного, уверенного в том, что любовь Милы заговорила его от смерти. Популярность Зеленкова во взводе как-то повлияла, несомненно, и на популярность его песни. Когда в результате боев многие старослужащие были убиты либо ранены и убыли из роты, она пополнилась новыми бойцами, не знавшими лично Зеленкова, и песня постепенно заглохла, потеряла популярность. К концу войны она уже не распевалась.

В январе 1943 г. я столкнулся еще с одной песней на тему переписки. Впрочем, произведение, о котором я хочу рассказать, лишь условно может быть названо песней, потому что оно скорее исполнялось речитативом, чем пелось. Дело происходило под Смоленском. Недалеко от расположения нашей части проходило шоссе Москва–Минск (ВАД-1, т.е. Военно-автомобильная дорога № 1) с контрольно-пропускным пунктом, где постоянно дежурили девушки регулировщицы. Этот КПП как магнитом тянул к себе всех солдат из близлежащих частей. В землянке КПП - всегда жарко натопленной — дожидались попутных машин проезжавшие и проходившие мимо военнослужащие, и офицеры, и солдаты; сюда заглядывали для проверки документов дорожные патрули, да и просто погреться; на огонек заходили бойцы, и каждый знал, что его примут, обогреют, предложат чаю без сахара — но при одном условии: каждый приходящий должен был принести бревно для железной печки. Она была сделана из бочки и жарко гудела посреди землянки. Здесь всегда было людно. Молодые лейтенанты, красуясь силой и ловкостью, кололи у входа поленья, разбитные младшие командиры (главным образом,

снабженцы или шофера) подбрасывали попутно не только дрова, но и последние новинки из гарнизонного военторга, размещавшегося в Смоленске... Одним словом, КПП был своеобразным фронтовым клубом, где было мало зрителей, но много исполнителей! Сходство с клубом усиливалось тем, что на одной из [143:144] стен землянки висела гитара, неизвестно, когда и кем принесенная сюда, но прижившаяся и как-то уютно вписавшаяся в эту прифронтовую землянку. Состав дежуривших регулировщиц, конечно, менялся всё время, не все из них умели играть на гитаре, но всегда находился любитель из числа тех, кто дожидался попутной машины и коротал время, сидя у печки и задумчиво глядя в гудящее пламя... интересно и то, что на эту гитару не покушался никто из тех, кто бывал здесь. Многие знали, что гитара ничейная, хотели бы иметь ее в своей части, но ни у кого не поднималась рука отобрать гитару, лишить землянку и девушек этой такой нужной и для всех притягательной вещи.

На фронте новости распространяются быстро, и вскоре все мы знали, где находится эта "Землянка с гитарой", как вскоре прозвали ее бойцы. Скажу больше: многие повадились при случае (если позволяла служба!) лишний раз заглянуть в эту землянку чтобы послушать гитару либо поиграть на ней, а то и просто побыть в женском обществе, от которого все мы поотвыкли, и по которому все мы тосковали... Когда один проезжавший мимо лейтенант, играя, порвал две струны, и гитара надолго замолкла, помпохоз одной из частей выписал два набора струн из Москвы — и гитара снова зазвучала!

Вот в эту землянку — уж не помню сейчас, почему, — я и попал в январе 1943 г. Зима была снежной и морозной. Фронт отодвинулся уже на Запад, но бои шли довольно близко. Дорога жила напряженной жизнью — и к фронту, и от него шло много транспортных машин (боевые шли другой дорогой). Дверь в землянку то и дело хлопала, в клубах белого пара появлялась дежурная регулировщица в белом полушубке, меховых рукавицах, шапке-ушанке, валенках, с регулировочным жезлом в руках и выкрикивала: "Два человека до Москвы!" или "Одно к фронту!"

Я дожидался, когда прибудет из Смоленска ст. сержант Иванов — я должен был помочь ему нести бумагу, гуашь, перья и кисти: мы готовились к открытию нашего нового клуба и запасались нужными культтоварами. Вот здесь-то я и услышал эту песню — не песню, уж и не знаю, как ее назвать.

Незнакомый мне ст. сержант-танкист пел ее, сидя на чурбане у печки и аккомпанируя себе на гитаре. Собственно говоря, он не пел, а как-то особенно душевно и просто проговаривал, слегка растягивая гласные в рифмах на концах. Его манера немного напоминала цыганский речитатив (хотя в самой песне не было и намека на цыганщину!). По давно уже выработанной привычке я сразу же принялся записывать — прямо с голоса:

Здесь на войне мы рады каждой строчке
И каждой весточке из милых нам краев. [144:145]
Душевных писем мятые листочки
Нам дороги — особо в дни боев!

Они хранят тепло родного дома,
Сопутствуют бойцу в его борьбе.
О чувство Родины!
Как нам оно знакомо!
Как тяжело без писем на войне!

Любимая жена моя Наташа,
Вестей из дома не было давно —
И, наконец, письмо родное Ваше...
Как много радости мне принесло оно!

О письма из дому! Мы носим их с собою,
Они напоминают нам в бою:
"Будь беспощадным ты на поле боя,
Чтоб враг не истребил твою семью!"

Мы были в городе пожарища и пепла,
Я видел женщину на черной мостовой,
Ее пытали, и она ослепла...
Жена моя! Я вспомнил образ твой

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь, как я, таких же лет,
Ждет от жены письма, письма из дому –
От этой женщины... А писем нет и нет...

Мы были в городе, разбитом до щебенки
Разграбленного фрицами жилья.
Я видел мальчика — лет четырех ребенка —
Он был убит. И сына вспомнил я.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь на фронте ждет сейчас
Каракуль детских весточек из дому
И детский незатейливый рассказ...

Мой верный друг, товарищ мой надежный!
Ведь на войне идет жестокий бой
За каждый дом, за каждый столб дорожный,
За то, чтоб мы увиделись с тобой!

Не успел он закончить последний куплет, как вошла девушка-регулировщица и крикнула: "Кому на Гжатск, быстро!". И танкист отложил в сторону гитару, взял вещмешок, шлем и автомат и шагнул во тьму январского

вечера. Я успел спросить только, как называется его песня, «А никак! — ответил он. — Просто "Письмо"» — и захлопнул дверь кабины полуторки. Я не узнал ни его фамилия, ни номера его части. [145:146]

Позже, полгода примерно спустя, я слышал первые четыре куплета этой песни в исполнении также незнакомого мне лица на одном из железнодорожных полустанков в Белоруссии. Песня называлась "Письмо Наташе". Она начиналась с такого куплета:

В жестокий бой идет пехота наша
За танками гремящими вослед, —
Я ранен, я пишу письмо Наташе,
В далекий тыл шлю фронтовой привет.

И далее четыре первых куплета с небольшими, но характерными для фронтового фольклора стилистическими изменениями. Так, в белорусском варианте были отброшены чуждые народному творчеству восклицания с "О!" ("О чувство родины!... О письма из дому!"). Второй куплет звучал так:

Они хранят тепло родного дома,
Они на фронте ценятся вдвойне.
Получишь — в сердце падает истома...
Как тяжело без писем на войне!

Четвертый куплет также повергся переделке:

Наташа, письма я ношу с собою,
Они напоминают мне в бою,
Чтобы я храбрым был на поле боя
И защищал любимую свою.

Во втором варианте, следовательно, проведена определенная фольклоризация стиля — меньше литературных образов и оборотов, текст проще, понятнее, он приближен к обычной в фольклоре схеме — письма к жене.

Больше мне эта песня ни разу не встретилась на фронтовых дорогах. Видимо, большой популярностью она и не пользовалась, но мне показался интересным сам факт бытования этого произведения на фронте. Конечно, у нас нет достаточных данных для утверждения, что услышанный мною в землянке вариант — первичный, а песня "Письмо к Наташе" — вторична по своему происхождению, представляет собою сокращение и обработку первого материала. Вполне возможно, что оба они имеют какой-то общий источник. Я не решаю здесь этого вопроса. Моя цель иная: сообщить — по возможности, точно — известные мне факты бытования песен на фронте с тем, чтобы дать возможность исследователям восстановить историю бытования во фронтовой среде как авторских, так и безымянных поэтических произведений.

Наконец, уже в 1944 г. в одном из писем, переданных, в нашу часть к празднику 7 ноября из политуправления фронта (с адресом: [146:147] "Самому смелому и отважному воину"), мы обнаружили листок со своеобразным откликом на "Землянку" Суркова. Эта песня была широко известна на фронте с 1942 г., вызвала множество откликов, и присланный нам в письме текст был переписан Зайцевой Людой 12 лет, уроженкой Ефремовского района Тульской обл. Песня была исполнена на праздничном вечере самодеятельности и получила распространение среди бойцов. Подлинный текст песни, переписанный неустоявшимся, еще полудетским почерком, был вывешен в стенгазете части, причем политрук в сопроводительной заметке предложил бойцам каждой роты решить, кому же передать это письмо-песню. Вот она:

Этот маленький белый листок
Посылаю в землянку тебе,
Чтоб, читая его, ты бы мог
Вспоминать, вспоминать обо мне.

Не давай же пощады врагу
И, в землянке своей находясь.
Знай: любовь я к тебе берегу,
Вспоминаю тебя каждый раз.

Знаю я: презираешь ты смерть,
Поседели кудряшки твои,
Ах, как хочется мне посмотреть
На глаза дорогие твои!

Прогрохочет злодейка-война
По просторам советским родным,
И грядущая наша судьба
Проверяется громом войны.

Не тоскуй же, герой дорогой,
Я хочу тебе просто сказать:
Далеко ты, но сердце — с тобой,
Ждет тебя постаревшая мать.

Ветер песню мою унесет,
Долетит он в землянку твою,
Материнский привет принесет
И призывную песню мою!

Популярности этой немудрящей песенки во фронтовых условиях в немалой степени способствовало то, что она воспевала материнскую любовь и тоску по ушедшему на фронт сыну. Имя матери было самым святым и чистым

для каждого бойца, о ней вспоминал он в самые трудные минуты фронтовой судьбины, к ней были обращены и последние слова умиравших воинов. Не потому ли так полюбилась [147:148] народу песня о том, как "У крыльца родного мать сыночка ждет?" ("Дороги" Льва Ошанина)...

Как бы то ни было, но песня (она получила в части наименование "Белый листок") часто звучала под гитару, ее вальсовый напев легко усваивался, под эту музыку любили танцевать.

## 9. ФРОНТОВЫЕ СКАЗЫ И РАССКАЗЫ

Я уже коснулся этой темы, передавая историю создания рассказов о Тольке Воронцове, инспирированных А. Козярским: сам того не желая, он дал повод к созданию явно легендарного сюжета о шофере, погибшем от неразделенной любви.

Фронтовые сказы и рассказы давно уже привлекли к себе внимание фольклористов. Вообще следует отметить: роль прозаических жанров на фронте (таких как сказка, анекдот, быличка, рассказ бывалого воина и проч.) была весьма значительна. Но помимо обычных для фольклора жанров мне на фронте встретился в живом бытовании факт устного исполнения (с различным варьированием текста!) литературных произведений. Как и стихи и песни советских поэтов, некоторые авторские прозаические произведения усваивались на фронте настолько глубоко и органично, что начинали бытовать в устном исполнении. Как правило, поводом для этого служило выступление бойца на концерте самодеятельности или просто перед товарищами на отдыхе. В качестве примера расскажу о том, как я впервые столкнулся с этим фактом. Я был уже комсоргом батальона и по должности своей непосредственно отвечал за организацию художественной самодеятельности в части. И вот уже в конце войны, когда наша часть довольно длительное (по фронтовым, конечно, понятиям!) время стояла на одном месте (мы вместе с зенитчиками охраняли мост через Вислу — я уже писал об этом!) — появилась необходимость оборудовать клуб походного типа и начать подготовку ко дню празднования юбилея Советской армии. Как-то на работы по оборудованию здания под клуб была направлена третья рота, куда недавно прибыло новое пополнение. Бойцы работали под руководством комзвода. Я попал на строительство в тот момент, когда у бойцов был перекур. Расположившись кто где сумел, они отдыхали после обеда, а один из бойцов стоял в углу комнаты и что-то увлеченно рассказывал остальным, жестикулируя и явно "играя на публику". Издали я не слышал, о чем он говорил, долетали лишь отдельные, громче других произносимые слова; [148:149] "революционный трибунал", "по всей строгости закона" и проч. Куда-то я спешил, не мог задержаться, и лишь позже, расспрашивая комвзвода, я узнал, что это за представление было в его взводе. "Да это к нам прибыл из госпиталя новичок Иван Денисов, вот его ребята и попросили рассказать что-нибудь, а он встал да и произнес целый рассказ из гражданской войны... Ничего, интересно, бойцы его по многу раз слушают..."

Познакомился и я с Денисовым и решил выпустить его на сцену с его монологом. Рассказывал он, немного переигрывая, пережимая, иногда с ложной патетикой в голосе и жестах, но бойцам его манера чтения нравилась. Да и сюжет привлекал слушателей. Позднее он по моей просьбе сам записал свой рассказ и отдал его мне. Как он мне сам сообщил, он услышал этот монолог в эвакогоспитале от одного выступавшего там артиста, усвоил его с голоса (он слышал его два раза), а вступление "сочинил сам". Передаю ниже его автозапись в том виде, как я получил ее от Денисова (с исправлением грамматических ошибок и согласований. Орфография, надо признаться, была весьма далека от совершенства...)

«Это было в 1918 году, когда наша советская молодая республика еще не окрепла в борьбе, а мы знаем, что тогда была борьба с 14-ю государствами, и все они не устояли против молодой цветущей советской власти. Но враги на этом не останавливались, и они всячески пытались заслать к нам бандитов, шпионов и убийц, чтобы сломить молодой строй и вывести из строя молодых командиров. Эти чуждые нам элементы создавали в стране банды, диверсионные группы. Для уничтожения этих банд были посланы отряды молодой Красной Армии, которые вылавливали и предавали суду военного трибунала и уничтожали этих бандитов. Суд военного трибунала разбирал дело одного боевого командира, который не доставил на допрос одного пойманного бандита, который был правой рукой атамана Муштейлера, и расправился с ним сам самосудом.

И вот заседание суда военного трибунала, где перед судом стоит скамья подсудимых. На ней сидел командир одного отряда, фамилия его была неизвестна. Судья обратился к подсудимому: "Расскажите, как это было дело!" Подсудимый медленно поднялся со скамьи подсудимых, со зла бросил недокуренную папироску и начинает рассказывать военному трибуналу. Да.

"Товарищи судьи военного трибунала! Я сижу на этой скамье подсудимых как человек, опозоренный перед страной, за которую я дрался на мокром песке Перекопа, голодал и мерз на голом Сиваше. И вы меня судите перед лицом моих друзей и товарищей, каждый из них думает: "Эх, братишка, что же ты наделал?" А все, все сидящие здесь, разве меня не знают? Я вместе с вами дрался в [149:150] атакующих взводах. Разве не моя кровь осталась на мокром песке Перекопа? И вот мое последнее слово, что Вы можете услышать.

Его звали Николай, а мы его прозвали Ураган. Он пришел к нам с берегов Черного моря, принес матросскую лихость, веселый был парень. На привале смехом, шуткой веселил бойцов, играл на гитаре и пел песни. Но он никогда не подставлял свою грудь под вражеские пули или голову под сабельный удар.

Там же была Галочка, Галина Петровна, учительница того же села, где остановился мой отряд. Она тоже играла на гитаре и пела песни. Эх, как же она их пела!

Позарастали стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки...

Минуточка молчания, подсудимый встрепенулся, оправил кожаную тужурку на плечах, и снова начал рассказывать суду военного трибунала:

Товарищ судья, я полюбил эту девушку, веселую учительницу, много раз ходил к ней, а на этот раз остался совсем.

Ну, что же? Мне всего 24 года, и притом я давно не слышал теплого женского дыханья. Моему отряду было заданье уничтожить банду Муштейлера, который прятался в лесу и держал в своей руке[26] все дороги и выходы, не давал ни пройти, жестокими пытками пытал коммунистов, обливал бензином и живыми сжигал. Как-то раз бойцы, усталые, порассоединились по домам. Ну, я проверил посты. И тоже пошел к себе домой к Галочке. И когда подошел к дому, то увидел в углу прятавшегося человека. Я вынул наган из кобуры, и Ураган, увидев меня, сделал резкое движение и скрылся в темноте. А там, в темноте на кровати лежала Галочка, играла на гитаре и пела песни, ночью вставала, дверь открывала, к себе пускала и целовала.

Наутро Галочка собиралась ехать в город к матери на побывку. Но утром пришел ко мне Ураган. Он не смотрел ни на меня, ни на Галочку, его беспокойный взгляд был куда-то совсем направлен в сторону, а потом мне тихо сказал: "Степа, поедем в тачанке, я там все ходы знаю и выходы знаю, враз банду настигнем!" Я согласился, и мы выехали.

И когда доехали до глубокой балки, до перегнутого креста, Ураган поднял руку вверх и дал команду: "Стой!" Отряд остановился. Ураган громко мне сказал: "Степа, вертай обратно назад. Банда Мушталера ночует в доме лесничего, дом стоит там, где кончается степь и начинается лес!" [150:151]

И когда мы доехали до дома лесника, то увидели у коновязи 15 лошадей, а бандит стоял на крыльце. Он увидел нас, бросил в нас гранату и поднял крик. Остальные бандиты сели на коней и кто куда, но прорваться было невозможно, окружение полное было, и лишь один бандит проскочил мимо Урагана. Ураган пришпорил коня и помчался за бандитом. Я видел: вот-вот он протянет руку и схватит бандита. Но бандит резко повернулся и выстрелил в упор. Ураган покачнулся и выпустил поводья, и безжизненно упал. Я видел. Но бандит уходил в лес. Я крикнул: "Врешь, не уйдешь!". "Не уйдешь, бандитская сволочь!", повернул тогда, пришпорив коня, и мгновенно нагнал я его. И когда я ему хотел нанести удар, бандит оглянулся назад и закричал: "Стёпа, Стёпочка, не надо!"...

Это была она, — Галочка, Галина Петровна, учительница, учительница села Блишонки и моя любимая девушка...

Мы ее единственную взяли живьем, а остальных всех порубили. И когда я пришел к Урагану, Ураган лежал на жесткой постели и тихо сказал: "Степа, я давно за этой гадюкой замечал, но фактов не было, да все они притом..." Он еще что-то хотел сказать, но безжизненно застыл. Я посмотрел в его бледное лицо, поцеловал в холодные[27] губы и вышел.

Я должен был доставить ее в город на допрос. И когда только солнце вышло, я ее вызвал. И когда я ее довел до знакомого места, то бандитка

---

[26] Написано сверху зачеркнутого: руках.

[27] Написана поверх зачеркнутого: бледные.

насмешливо запела:

Позарастали стежки-дорожки...

Граждане судьи, я не вынес этой обиды и выхватил револьвер, и взвел на нее. Но она просила прощенья. Я расстрелял ее.

Граждане судьи, судите меня по всем правилам и законам военного трибунала!"»

После того, как этот рассказ был произнесен со сцены, Денисов стал пользоваться большой популярностью. Бойцы то и дело просили его рассказать "про Галину", причем постоянно допытывались, что же случилось со Степаном, был ли он осужден и как именно. Но Денисов никогда ничего от себя более не дополнял. Рассказ его был стабилен (он его, видимо, выучил наизусть). Вступление к рассказу он исполнял не всегда.

В апреле 1945 г. Денисова ранило, и он выбыл из нашей части. Уже после этого мне пришлось столкнуться с фактом, что его рассказ продолжал бытовать в устном уже исполнении, причем, — не могу сейчас сказать, по какой причине, — сюжет был уже несколько изменен. Таких исполнений мне удалось зафиксировать около восьми, причем тремя разными исполнителями. От двух из них рассказ был мною в свою время записан, но сохранилась у меня только [151:152] одна запись — вариант Пахомова Владимира, 1927 г. рождения, русского, образование 9 классов:

«Это дело было еще в гражданскую. Собрался раз суд, военный трибунал, судить одного командира за то, что он пленного бандита-петлюровца самовольно в расход пустил. Говорил ему судья: "Говори последнее слово подсудимого!". Ну, тот и начинает: "Граждане судьи, военный трибунал! Я во всем виноват, признаю свою вину и не прошу снисхождения, потому что жизнь моя мне совсем не мила. Судите меня как последнего гада, я это заслужил. Только разрешите мне сказать последнее горькое слово, чтобы знали мои друзья-товарищи, что присутствуют на суде, как дошел я до жизни такой.

Боевые мои друзья, вместе с вами мы гнали белых от Волги до Дона и дальше через Перекоп и Сиваш, закончили победой войну. Но появились на свете бандиты, начали терроризировать местных жителей, и приказано было нам выступить, бандитов изловить, народ от гнета освободить.

Принял я взвод, две тачанки и — в поход! Приходим в село, что было близ лесу, а в лесу — что мы точно знали! — бандиты засели. И встретил я в селе учительницу Галю, Галину Петровну — коса русая, глаза с поволокой, стройная, гибкая, а сильная — не справишься. Дело молодое, было мне 20 лет, сколько воевал — не упомню, о женщинах и думать не мог, а тут — такая красавица... Стали мы с ней встречаться, и всё у старого моста, у покосившегося креста. Знала только ночка глубокая, как мы поладили. Позвала она меня к себе на квартиру, а я уже за военный быт и от кровати-то пуховой отвык.

И вот сижу я как-то у Галины, и приходит ко мне мой друг закадычный Иван — не было такого друга у меня, нет и никогда не будет. Плечи — во, руки

— во, а уж пел-то как! Бывало, я всё прошу его, чтобы он Гале моей подпел... А она всё вот эту песню певала:

Позарастали стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастали мохом-травою,
Где мы гуляли, милый, с тобою...

Прошу его, а он мне в ответ: "Проси, Стёпа, что хочешь, а этого не могу!" "Хочешь, коня моего, Урагана, тебе отдам?" Конь у него, Ураганом его звали, черный весь, звезда во лбу и левая задняя в чулке белом. Немыслимой красоты конь был, и любил его Иван крепкой любовью.

Да, ну вот, приходит ко мне Иван, — а я у Гали сидел, — и говорит мне: "Слушай, Степан, знаешь ли ты, что бандит Петлюра [152:153] сидит в лесу как Соловей-разбойник, все пути заложил, коммунистов хватает, обливает бензином, живьем жгет, пытками пытает? "Знаю, Иван! — говорю я ему, — А к чему это ты?" "А к тому, что прибыл из штаба гонец и сказал, что едет к нам на помощь казачий полк, и завтра он придет, и мы этот лес окружим и бандита Петлюру оттуда выкурим!"

И когда он это сказал, моя Галина и говорит мне: "Вот тебе, Степа, бутылка самогону, посиди тут с Ваней, а я пойду к маме схожу!" И скрылась! Обрадовался я, стаканы достаю, закуску там, а Иван подождал немного, да и говорит мне: "Слушай, Степа, меня. Бери с собой тачанку да взвод бойцов, поедем мы с тобой, я выследил, где бандиты ночуют. Они в лесниковой сторожке".

Жалко мне было самогон оставлять, но послушал я боевого друга, сели в тачанку, поехали. И как подъехали к старому мосту, к покосившемуся кресту, и поднял Иван руку, что означало: "Стой!". А потом повернули мы к лесниковой сторожке. Подъезжаем, смотрю я в бинокль, а там 15 лошадей у коновязи, и бандит стоит на страже. Рассредоточил я взвод, окружаем мы сторожку, стали подходить, но часовой нас увидел, поднял тревогу, раз —и гранату кинул. Выскочили бандиты — и на коней. Батька Петлюра был в черной меховой папахе. Как бросятся беляки в разные стороны, но мои бойцы тоже не дремали, всех переловили. И только один — такой быстрый, такой ловкий — раз — и мимо Ивана проскочил и по дороге помчался. Иван за ним. И я за ними скачу. Вот Ураган настигает уже бандитского коня, вот Иван руку уже протянул, чтобы бандита схватить, как вдруг обернулся он и — бах! — прямо в упор Ивану. Закачался он и медленно сполз с седла.

"Врешь, бандитская сволочь, не уйдешь!" — крикнул я ему вслед и помчался вперед, как стрела, пущенная из лука. Вот мой конь нагнал бандита, выхватил я шашку из ножен, занес над головой — и вдруг обернулся ко мне бандит и говорит нежно так: "Стёпа, Стёпушка, не надо, это я..."

А это была моя Галочка, Галина Петровна, учительница моя возлюбленная.

Мы ее единственную взяли живьем, остальных порубали. Подхожу я к

Ивану, а он лежит весь в крови и шепчет мне: "Я давно за этой гадюкой наблюдал, околдовала она тебя, я и о казачьем полку-то нарочно сказал, чтобы ее засечь. Да ведь она притом..." Хотел он что-то еще сказать и не смог. Хлынула кровь горлом — всё...

Никому я не смог доверить отправить ее в город на допрос. Сам повел. И вот как стали мы проходить мимо старого моста, покосившегося креста, оборачивается она ко мне и говорит: "Да, позарастали стежки-дорожки..." Выхватил я наган, взвел курок, упала [153:154] она на колени: "Степа, не губи, люблю тебя..." Но — не выдержало мое сердце, и расстрелял я ее на том самом месте, где наша любовь началась. Я потом пошел к комполка, положил револьвер на стол и все рассказал.

А теперь, товарищи военный трибунал, судите меня по всей строгости законов военного времени..."»

Еще одна группа сказов была записана мною в госпитале. Она представляет собою прозаический пересказ широко бытовавшей на фронте песни "Огонек" на тему продолжения этого сюжета — об изменившей своему возлюбленному-фронтовику девушке и об ее посрамлении. Эти сказы были записаны мною в конце войны, в госпитале для легкораненых в марте 1945 г. Они несут на себе отпечаток и скорого окончания войны, и своеобразных мотивов инвалидности, присущих "госпитальным" вариантам устного народного творчества. Первый сказ был записан от Сидорчука К.М., 1915 г. рождения, уроженца Курганской обл., образование 5 классов, по специальности — шофер.

"Ну, так вот, слушайте, братцы вы мои раненые солдатики, историю, а случилась она в соседней с моей деревней Лыково. Жили там двое молодых людей, ну, скажем, Ваня да Маня. И вот пришло Ване время жениться, а тут и время на фронт идти, Родину защищать. И прощается он с Маней, и дает она ему верную клятву соблюдать себя, как и следоват, и быть ему верной. И сказала она ему на прощанье: "Дорогой мой Ванечка, солнце ты мое ненаглядное, возвращайся живым ты домой, пусть хоть израненный, хоть какой, только живой, и приму я тебя, и буду тебе верная жена но гроб жизни!" Вот какую клятву она ему дала.

Ну, и пошел наш Иван на фронт в родную нашу матушку-пехоту, и воевал как следоват, и жизни своей не щадил, бил врага не числом, а уменьем, и Суворовские запеты снолнял, и приказ № 227 "Ни шагу назад!" чтил и в душе своей всегда имел. Ну, в одном из боев был он ранен, лежит в госпитале вот, кик мы с вами сейчас! - и один старослужащий, человек-хитрован, говорит ему: "Вот ты о своей Мане рассказываешь, и про клятву ее говоришь, а вот ты возьми да и напиши ей, что, мол, оторвали мне ноженьку и разбило лицо, примешь ли ты меня?" Вот хитрость какая.

Ваня послушал и письмо накатал, и добавил, что верит он своей Мане как самому себе. Ну, проходит там неделя или две, не знаю, врать не хочу, только приносят в палату Ване письмо от Мани, и написано в нем, что, мол, прости

меня, Ваня, только любовь моя вся была да вышла, и есть у меня другой человек - не солдат как ты, а лейтенант-интендант (Поняли, кто? Ну, из тех, из тыловых...), и он пайками меня снабжает, и у нас любовь и всё такое прочее. А ты, мол, живи, может быть, и понравишься, а нет, так [154:155] такая твоя судьба. И подписалась: "Бывшая твоя любовь". Вот, значитца, как.

И тут как раз приходит в госпиталь приказ, что присвоили Ване Героя Советского Союза, и дали ему месяц отпуска. Нацепил на себя Ваня все ордена и медали, и звезду Героя Советского Союза повесил и пошел-поехал на Родину. Приезжает он в свое Лыково, идет к родной матери, та — в слезы: "Да что же твоя Манька-то, скурвилась она, сука-волочайка", ну, и другие всякие разные слова говорит. А Ваня ей: "Мамаша, пойдем с тобой в воскресенье на круг, там на нее посмотрю в последний раз". Ну, и пошли они. Ваня — при всех орденах и медалях идет, они звенят, подрагивают. И лицо у него не разбитое, и идет он гордой своей походкой на обеих ногах, и звезда-то его золотая так и сияет!! Как увидела его Маня, так и бряк в обморок. А он прошел, как чужой, мимо, и только с матерью и разговариват. А сам почернел весь. На фронт вернулся и говорит: "Пошлите меня на самый ответственный участок фронта!" А ему говорят: "А у нас все ответственные. Вот завтра идем в атаку, город Бреслау отбивать будем!" И он пошел, и в первом же бою голову свою сложил. Вот тебе и вся история!"

Второй вариант записан от медсестры хирургического отделения Савченко Нины. 1922 г. рождения, уроженки Петропавловской обл., образование 9 классов. Рассказывала ночью во время дежурства своим товаркам-санитаркам (4 человека), еще были два фельдшера и три легкораненых ходячих бойца и я.

"А вот я расскажу вам историю, мне ее один раненый рассказывал, она случилась в глубоком тылу, в Сибири. Была там одна девушка, проводила она на фронт своего парня и всё письма шлет, всё письма шлет, а от него — то нету-нету, а то придет письмо всё вымарано цензурой, там только и понятно, что, мол, люблю, воюю честно, ну и всё такое. И вот приходит к ним на побывку лейтенант молодой с фронта, мобилизовали его подчистую после операции, приехал он к его товарища родителям — ну, был у него на фронте друг, и он к его родителям приехал, потому что он сам с Западной Украины, там фашисты всю его семью порушили под чистую. А родители его друга соседями той девушки были. Ну, и начали они видеться, девушка эта всё про войну расспрашивает, письма с фронта ему читает. Ну, и вот они начали вместе этого паренька ждать. А тут весна, а тут жарки пошли (это цветы такие у нас в Сибири есть!), а тут годы молодые, и вот хотите вы верьте мне, хотите нет, а сердце-то не камень. А тут лейтенант этот собою видный, брюнетистый, глаза черные, усы черные, и то был худ-худ, а тут стал силой наливаться, и румянец, и улыбка белозубая такая... И вот не выдержало ее сердечко, и уж и сама не знаю, как, а они [155:156] объяснились, и любовь у них горячая, молодая, и

письма с фронту ей уже ни к чему стали...

И вот в этот самый момент приходит от него письмецо — дескать, дорогая моя, горит ли наш огонек и помнишь ли ты, как меня провожала и какие клятвы давала, ну, и прочее всё такое. А потом приписка, что вот давно я тебе не писал, был я на выполнении боевого задания командования, ходил я по немецким тылам, откуда письма не идут, и ранили меня, и возьмешь ли ты меня изуродованного — и ноги нет, и глаз выбит, и вообще от меня прежнего половина осталась. Она это письмо с лейтенантом читает, плачет-плачет, горькими слезами заливается, и говорит — что же мы теперь делать-то будем?

А лейтенант этот и говорит: "Не плачь, я сам ему напишу. Мы оба фронтовики и друг друга поймем". И пишет ему всё как есть — как он приехал весь израненный, как отошел душой и телом, как девушку его встретил, как полюбили друг друга — ну всё, всё, как есть в натуре. И в заключение пишет, что, мол, решай сам, я, мол, тебя хорошо понимаю, и как ты решишь, так тому и быть.

Ну, и отослали они письмо и ждут. И любовь им не в любовь. А весна торопит. Ну, и приходит им письмо от паренька ее любимого с фронта, и пишет он им, что, мол, видно, не судьба мне, что одно мне теперь осталось — сложить свою буйную голову на дальней стороне. И прощай, говорит, прости, моя далекая подруга, не хватило, говорит, нашему огоньку горючего, погас он, говорит, без времени! А девушка эта как письмо получила — и плачет-заливается горючими слезами, и лейтенант этот ей не люб, и паренёк ей каждую ночь снится, как лежит он весь избитый-израненный, истекает горячей кровью в чужой стороне, и некому ему раны перевязать. И не выдерживает ее ретивое сердце, идет она в военкомат и просит направить ее медсестрой на тот самый фронт, где паренек ее воюет. Ну, военкомат ее посылает, работает она медсестрой в полевом госпитале, раны она перевязывает, больных она выхаживает и во все глаза смотрит — нет ли среди раненых ее милого друга. Спрашивает всех, не слыхал ли кто это о нем, и по всему фронту весть пошла, что такая-то сестра ищет такого-то старшего сержанта.

И доходит эта весть до парнишки, но он ничему не верит, а сражается с врагом отчаянно, жизни своей не жалеет, и в каком-то бою врывается в неприятельский ДОТ и взрывает его со всеми фрицами, а среди них был какой-то бригаденфюрер, приехал от Гитлера, привез секретный приказ, и эти все наиважнейшие документы паренек в свою часть доставил в целости и сохранности. И представляют его к званию Героя Советского Союза. А паренек опять в боях, сражается с проклятым врагом отчаянно, жизни своей [156:157] не жалеет, и в каком-то бою ранят его по страшному, руку левую ему по локоть отрывает, скулу ему левую сворачивает, и прибывает он в этот госпиталь весь забинтованный, одни глаза видны.

Ну, прооперировали его; руку, конечно, отняли, скулу вправили, но кормить можно только через трубочку, говорить не может, только глазами туда-сюда показывает. Ну, и поступает он в палату к этой самой девушке, а поступает как безымянный боец, потому что подобран он был на поле боя без сознания, говорить не может, никаких документов при нем не оказалось. Ну,

ладно, лежит он в палате, пришел в себя — и видит, что его любимая девушка его же выхаживает. Смотрит он и не верит, потому что думает, что все это снится ему, ведь его любимая девушка далеко-далеко в Сибири. Потом он в окончательное сознание приходит и понимает, что это действительно она за ним ухаживает, а того она не знает, что это он сам здесь лежит. Ну, долго ли, коротко ли, снимают с него повязку, а девушку эту в другое отделение переводят, и она его разбинтованного не видит. И объявился он, кто такой, и стал у бойцов раненых расспрашивать, что же это за санитарная сестра за ним ухаживала. И бойцы ему всё о ней рассказали, как приехала она из Сибири своего паренька искать, что блюдет себя верно, что самостоятельная очень, — ну, вот как Галина наша (тут все рассмеялись, но я не понял, почему - *Л.П.*). И в это время приходит в госпиталь приказ о награждении его званием Героя Советского Союза (посмертно}. И как девушка этот приказ прочла, и она тут же в обморок, а очнувшись, начала плакать горькими слезами и свою бедную девичью судьбу оплакивать. А паренек выздоравливает, получает он отпуск повидать отца с матерью, и перед тем как ехать на родину, заходит он в другое отделение. А девушка как раз дежурила. Сидит она за столом — и глазам своим не верит: идет к ней се милый-любимый на обеих ногах, а левый рукав к гимнастерке приколот, а на гимнастерке — звезда Героя Советского Союза горит... Ну, и пали они друг другу в объятья, и все кругом плачут горючими слезами, потому что дело это было невиданное-неслыханное; чтобы они друг друга в этой военной фронтовой круговерти нашли. Вот и всё".

Третий сказ на ту же тему был записан от раненого лейтенанта Ярцева И.Г., 1922 г. рождения, уроженца Смоленской обл. образование 9 классов:

"Ну, что вам рассказать? Нельзя им верить ни в чем, не способны они на верные чувства. Вот мне рассказали об одном случае, о нем даже песня сочинена, ну, знаете, как горел огонек на окошке у девушки, и как она ждала его с фронта, и огонек тот горел день и ночь. Так это ерундистика, это ж никакого керосина не хватит, а вы знаете, почем он сейчас в тылу-то. Вот то-то и оно-то. Всё [157:158] горючее на фронт шлют, а в тылу вон на лучину перешли, верно вам говорю. В песне всё написать можно, на то они и поэты существуют. Но — что верно, то верно; как паренек на фронт пришел, так он сразу фронтовую дружбу ощутил. Была она — фронтовая семья: есть — вместе, а нет — пополам. И кругом друзья и кореши, из одного котелка едят, из одной фляги пьют, одной шинелью укрываются, одни песни поют, и бьют врага, сил не жалея, в бою друг друга выручают, один за всех, все за одного, как Суворов учил: сам погибай, а товарища выручай, а товарищ сам тебя выручит.

Всё это верно, но... дружба — дружбой, а сердце-то ласки и любви просит. И тоскует тот паренек беспредельно. И раз после боя идет к себе в часть и видит: лежит боец наш родной русак-крестьянин в телогрейке, ноги нет, лицо все изуродовано — смотреть не на что... Одни зубы торчат да глаза видны, и два санитара его на салазках волокут. "Да куда ж вы его тянете? — говорит он. Кому этот полутруп нужен?" А одни санитар и отвечает: "Были бы кости, а мясо нарастет. Вот моя жена пишет: хоть без ног, да живой приходи". И пало

тут в голову пареньку, гложет его дума — а как моя девушка примет меня такого? Или наш огонек погаснет? И решает он проверить ее, пишет ей письмо, что ранен жестоко, ноги нет, лицо изуродовано. Как мол, горит ли наш огонек? Если да, то приезжай и забери.

Получает ответ — куда ж, мол, ты такой, кому нужен, видно, не судьба, мол, нам, и огонек наш погас. Вот так. Полюбила я, пишет, другого, лейтенанта-интенданта, и у нас с ним всё как у людей. А ты, мол, ковыляй себе потихонечку, про меня позабудь. Может, вырастет ноженька, проживешь как-нибудь.

Получил парень письмо, плюнул в сторону, растер и пошел. И воевал честно и правильно за нашу советскую Родину, и медали, и ордена получил, ну, вот как все мы с вами. Ну, был, конечно, он и ранен, едет домой — два ордена, три медали, идет себе гордой походкою на обеих ногах, лицо чистое, форма как влитая сидит. А навстречу ему девушка под руку со своим лейтенантом идет — а ему лет сорок, брюхо — во, плечи опущены и на левую ногу припадает. Увидала она его, побледнела, ахнула, а он мимо гордо прошел и ничего не сказал. У отца с матерью побыл, побыл и поехал обратно в часть довоевывать свое, врага в его берлоге добивать, как нас товарищ Сталин учит. Вот тебе и огонек!"

Я привожу в этой книге лишь те записи сказов, которые были записаны мною лично более или менее полно. Последний сказ Ярцев рассказывал мне повторно по моей просьбе, последнюю фразу он привел лишь во второе рассказывание, а в первом сказ оканчивался на встрече с девушкой. Очень много сказов осталось незаписанными мной по условиям сказывания, когда я просто не мог их [158:159] записать — то не было света, рассказывали ночью, то бумаги не было под рукой... Нелегка судьба фронтового фольклориста! Нередко мне приходилось слышать и осуждение моей страсти к записыванию, и непонимание важности собранных мною записей, и даже прямые запреты со стороны высших командных лиц. Всё было. Меня поддерживали мои учителя, с кем я постоянно переписывался, — В.И. Мичеров и В.Д. Кузьмина, — они частично сберегли и мои записи.

## 10. ПРОЩАНИЕ С АРМИЕЙ. ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ ФРОНТОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Вот и настала весна 1945 года, отгремели последние залпы, перестали рваться мины, прожектора не бороздили уже небо... Окончилась война! Ее окончание для солдата означало прежде всего возвращение домой победителем, возврат к мирной жизни, к родным и близким, с которыми он был разлучен на долгие годы и не знал, вернется ли он к ним живым и невредимым. Уже в мае 1945 г. бойцы стали посылать в своих письмах домой такие частушки:

Вот и кончилась война
Девятого мая.

Скоро я к тебе приеду.
Моя дорогая!

(из письма бойца Краснова)

или:

Я вернусь, дорогая,
В свой родной отцовский дом,
А ты, мама, поцелуешь
За победу над врагом!

(сообщено Михайловым С.М.).

А затем бойцы начали ждать демобилизации. Ожидание вдали от Родины, от семьи было трудным, и изголодавшиеся по мирному созидательному труду воины черпали силы и бодрость в русской народной песне, воспевающей русские привольные степи, родное, близкое и дорогое сердцу Отечество.

Но вот наступила осень, разгромом самурайской Японии закончилась вторая мировая война. Настал, наконец, и тот день, когда по приказу правительства от 25 сентября 1945 года часть наших [159:160] бойцов — и я в их числе, как имеющий специальность учителя, — была демобилизована.

Сердечно и празднично провожала Советская Армия своих воинов. На торжественном вечере нам были выданы благодарственные грамоты, выдано выходное пособие. Одетые во всё новое, сидели бойцы и сержанты — и не могли скрыть радостных улыбок счастливого ожидания скорой встречи с Родиной, с родными и близкими.

В ночь перед отъездом мы не спали совсем. В просторной ленинской комнате собрались те, кто уезжают, и те, кто оставались дослуживать свой срок. Песня, боевая подруга, верная спутница воина-освободителя, провожала нас в долгожданный путь на родину. Сначала были спеты наши маршевые песни, с которыми мы прошли от Москвы до Штеттина — суровые, мужественные солдатские походные песни.

Вспомнились и старые строевые песни — "Взвейтесь, соколы, орлами", "Солдатушки, бравы ребятушки", "Аты-баты, шли солдаты" и другие. А затем начали петь все те особенно нам дорогие фронтовые песни, которые помогли пережить и горечь отступления, и бессильный гнев первых встреч с разрушенной советской землей, и гордую радость победы... "Землянка", "Жди меня", "В лесу прифронтовом", "Под частым разрывом гремучих гранат", "Шумел, горел пожар московский", "Эх, дорога" и "Темная ночь"...

Каждая песня шла от сердца, многие плакали, слушая любимую мелодию — ведь у всех столько было пережито, столько горя и слез было за плечами, столько невозвратимых потерь... Потом мы пели любимые песни тех, кто не дожил до победы, кто сложил свою голову вдали от родного дома. Вспомнили "Застольную" ("Если на фронте с вами встречаются"), снова пели про Катюшу, про скорую встречу... Сколько русских народных песен было спето в ту ночь! "Степь да степь кругом", "Ермак", "Вот мчится тройка почтовая", "Ты, моряк,

красивый сам собою", "Не слышно шума юродского", "Ой, да ты, калинушка" и много, много других. Одна песня сменяла другую, и не успевали кончить ее, как сыпались просьбы спеть третью... Душа просила песни!

А потом пошли пляски — огневые, солдатские, с притопом и прихлопом, - гнулись толстые половицы, дрожали, жалобно звенели стекла, а солдаты плясали самозабвенно, истово, и гармонист просил пощады — и солдаты прощались с армией...

На рассвете мы погрузились в товарные вагоны, к которым мы так привыкли за долгие годы войны, что и не надеялись на пассажирские. Сложили свой немудреный солдатский скарб, разместились на нарах, раскрыли нараспашку двери, уселись перед ними в несколько рядов - и вот через несколько часов уже и государственная граница! Надо ли говорить, сколько чувств вызвал у нас [160:161] вид пограничного столба! Мы возвратились на Родину, и она встречала воинов-победителей!

Песни и здесь не смолкали всю дорогу, особенно много и охотно пели во время остановок. К нам сходилось местное население, особенно девушки. Бойцы старались узнать новые, "гражданские" песни, еще неизвестные им, и тут же пели свои, фронтовые. Песни разучивались тут же, у вагонов, а слова нередко писали прямо на стенках вагонов, на плакатах, на лозунгах, украшавших вагоны.

Коротким был этот период поездки демобилизованных воинов на Родину, но для меня он был необыкновенно богатым и щедрым на наблюдения. Так, мне часто приходилось видеть, как на остановках демобилизованные воины состязались в частушечном "переборе" с девушками, ожидавшими прихода поездов.

Мы возвращались на родину через Брест–Барановичи–Минск–Смоленск. Снова перед нами пробегали израненные войной белорусские леса, горькая, порушенная земля. Но белорусские девчата, худые и плохо одетые, с сияющими глазами выбегали нам навстречу и радовались ото всей души вместе с нами нашему возвращению. Вскоре после Бреста, на небольшой станции Жабинка, сильно разрушенной в недавних боях, но уже начавшей восстанавливаться, наш состав встал, как говорили бойцы, "всерьез и надолго". И мне удалось записать такой частушечный "диалог":

Боец:
Ну, покамест до свиданья,
Кончил фрицев добивать.
На досуге я с милашкой
Буду песни распевать!

Девушка:
Милый с фронта воротился,
Мы обнялись на крыльце.
На груди орден светился
И улыбка на лице!

Боец:
Затирайте, бабы, квас,
Ожидайте, бабы, нас:
Мы фашистов перебили,
Эх, соскучились по вас!

Девушка:
Вот и кончилась война,
Победа за нами.
Ко мне миленький приедет
С тремя орденами! [161:162]

Боец:
Вот окончилась война,
Дождались победушки,
Сторонитеся, ребята.
Выходите, девушки!

Девушка:
Милый мой вернется с фронта
Награжденный, боевой.
Приглашает меня в гости,
Будет пир у нас горой!

Затем мы довольно долго простояли на небольшой станции Лесная, где также много было пропето частушек о скорой встрече девушками, стоявшими на платформе. Вот несколько из них, что мне удалось записать "с голоса":

Скоро, скоро опадет
Белая акация.
Скоро миленький приедет —
Демобилизация!

Скоро миленький приедет,
Дороженька впереди.
Он в простреленной шинели,
Красный орден на груди!

Поезд к станции подходит
Да свисточек подает.
Милый раненый выходит,
Леву руку подает!

На станции Столбцы я услышал фронтовую переделку старинной песни о

возвращении домой неузнанного родными воина. Надо сказать, что на фронте я этой переделки ни разу не слыхал:

Мотор гудит, машина мчится
Вдоль по дороге столбовой.
Из дальних стран домой стремится
Солдат советский молодой.

С семьею он давно расстался,
В разлуке с нею долго был,
С фашистом злобным он сражался,
Советской родине служил.

Бежит-летит машина-птица...
Остановись, шофер лихой!
Солдат советский в дверь стучится
И быстро входит в дом родной. [162:163]

Хозяин гостю поклонился.
Кто вы? — спросила гостя мать.
Так вырос он, так изменился,
Что не могли его узнать.

"Я вам привез письмо от сына,
Служили мы в полку одном.
Такого ж роста он и чина
И очень схож со мной лицом.

Он заслужил в боях награду,
Я вас порадовать хочу,
Потом опять в машину сяду,
Опять на службу полечу!"

Отец и мать тогда узнали
В советском воине сынка
И со слезами крепко сжали
В объятьях воина-сынка.

Конечно, песни и частушки продолжали петься и в вагонах во всё время пути. Нередки были случаи, когда демобилизованные воины приглашали к себе в вагон самых лучших и отчаянных певуний и ехали вместе с ними до ближайшей остановки (а останавливался наш эшелон очень часто, чуть ли не на каждой станции и полустанке), на этой остановке девушки вылезали и ехали к себе обратно, а бойцы угощали их чем могли и пели, пели... На остановке "Негорелое" (а она была почти начисто сожжена фашистами, почему и

запомнилась мне!) в наш вагон попала боевая и задорная частушечница Иванова Варя, 1923 г. рождения, уроженка Воронежской обл. — уж как она попала в Белоруссию, я и не знаю. А дальше произошло вот что. Варя пропела нам несколько частушек:

Приколола я на грудь
Ветку виноградную.
Ожидаю я с победой
Свово ненаглядного!

Повяжу платочек аленький
Концами наперед.
Мой миленький из армии
С победою придет!

Довольно быстро выяснив, что одного из наших гармонистов, награжденного медалью "За отвагу" (она очень ценилась среди девушек в то время!) и орденом "Красная звезда", зовут Семеном, она тут же выдала две частушки, адресованные именно ему: [163:164]

На деревне все узнали:
Гармонист-то мой Семен,
Он серебряной медалью
"За отвагу" награжден!

Он с победою приедет,
Дороженька впереди,
С орденом на гимнастерке,
Краснозвездным на груди!

Ну, а самое интересное заключалось в том, что Семен Иванович Гордеичев, 1919 г. рождения, уроженец Костромской обл., неожиданно слез вместе с Варей в г. Дзержинске и унес с собой и свою гармонь. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Вскоре сошел и второй гармонист, вагон наш без музыки словно осиротел. Но — впереди нас ждала встреча с родными и близкими, горевать было некогда.

В нашем эшелоне довольно быстро распространился слух, что вот в пятом вагоне едет бывший старший сержант, который собирает самые лучшие песни и частушки. Ко мне стали приходить добровольные информаторы, интересовались моими записями, сообщали свои новые для меня варианты. Правда, встречи эти были очень краткими, только на остановках, но всё же кое-какие неизвестные мне частушки я записал. Вот они:

Неужели заключенье,
Неужели будет мир,

Неужели тот вернется,
Кто мому сердечку мил?

Задушевная подруга,
Где наши высокие?
На них серые шинели,
Ремешки широкие!

Скоро с армии приедет
Милый ягодиночка,
У крылечка моего
Протопчется тропиночка!

Не дождаться тех минут,
Когда с армии придут,
Рубашки алые наденут,
По деревнюшке пройдут!

(записано от Курдюмовой Наташи, 16 лет, уроженки Вологодской области). [164:165]

Большую коллекцию частушек передал мне Скобелев Леонид Степанович, 1914 г. рождения, уроженец Калининской обл. Сам он частушек не пел никогда, но, как выяснилось, собирал их для своей сестренки, ждавшей его с фронта, и вот для нее он их и записывал:

Прислал миленький колечко,
А я удивилася:
На колечке два словечка:
"Война прекратилася!".

Я, бывало, ожидала
От милого письмеца,
А теперь я ожидаю
С возвращением бойца!

Скоро поезд загудит,
Семафор откроется,
Скоро миленький вернется,
Сердце успокоится!

От Михайловой Лены, 17 лег, уроженки Пензенской обл., я получил такие частушки:

С гор потоки, с гор потоки,
С гор хрустальная вода.

Разгромили мы фашистов,
Не вернутся никогда!

Подружка моя,
Я не знаю, как мне быть:
Мил приехал с орденами,
Я не смею подходить!

...А поезд все шел и шел, и Москва становилась все ближе и ближе, и ожидание было все тревожнее — что там дома? Солнечный, светлый ноябрь 1945 г., легкий морозец пал на белорусскую землю, а вот и Смоленщина! Приподнятое, счастливое настроение, жаркие прощальные объятья с боевыми друзьями, обмен адресами, уверения в том, что никогда не забудут фронтовой дружбы... Вот и Подмосковье, и весь эшелон поет ту песню, с которой мы уходили на фронт четыре с лишним года тому назад: "Кипучая, могучая, никем непобедимая, Москва моя, страна моя, ты самая любимая"! [165:166]

ПРИМЕЧАНИЕ.

В файл не вошло обширное (составлявшее около половины книги) ПРИЛОЖЕНИЕ, в которое входили:

1. Репертуары отдельных подразделений и исполнителей.

2. Записи сказок (27 текстов от трех исполнителей – Н.С. Игнатова, И.К. Денисова, М.П. Минаева).